

ლიტერატურა

გრეკული

10

1976

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

10
ОКТАБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 76
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურა და ხელოვნება»

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს
საბჭოთავო კავშირის
საბჭოთავი

საბჭოთავო ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 10

ოქტომბერი, 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Издается

с июня 1957 года

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДЗЕ,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДЗЕ

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —

93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка

(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —

93-31-43

Отдел поэзии и искусства

(редактор ЗИНИНА В. В.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики

(редактор ДОВРОДЕЕВА Л. Т.) —

93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

ПОЭЗИЯ

- ЛАДО СУЛАБЕРИДЗЕ. МОЙ ТБИЛИСИ.** У генерального плана строительства Тбилиси. В Тбилисском салоне художников. У дома-музея Гришашвили. В Тбилиси решается мировая проблема. Идет скорый...
Перевод Леонида Темина 5
- ДИЛАР ИВАРДАВА.** День и человек. Одойя. «Завидую тебе, море...» Отцу-солдату. Перевод Владимира Лугового 7

ПРОЗА

- НОДАР ДУМБАДЗЕ.** Птичка. Рассказ. Перевод Зурба Ахвледиани 9
- МИРОН ХЕРГИАНИ.** Пусть облака останутся с тобой. Роман. Продолжение. Перевод Камиллы Коринтэли 14
- СЕРГИ ЧИЛАЯ.** Дети Екатерины. Роман-хроника. Окончание. Перевод Анаиды Беставашвили 37

ОЧЕРК

- МАИЯ НЕМИРОВА.** Строители победы 51
- МИХАИЛ КВАРЕЛАШВИЛИ.** Друг и покровитель молодежи 55

047036930
202 000 010333

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГЕОРГИЙ ДЖИБЛАДЗЕ. Дни, проведенные с Шолоховым	59
ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Как солдат в окопе.	64

СОКРОВИЩНИЦА ГРУЗИНСКОГО НАРОДА

ЛЕВАН МЕНАБДЕ. Руставели в зарубежной литературе	70
--	----

НАУКА

ЛАЛИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ. Споры и размышления о проблемах фольклора	74
---	----

К 100-ЛЕТИЮ ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ

АКАКИИ СУРГУЛАДЗЕ. Он поднимал целину грузинской науки	78
АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. Тонкий и глубокий исследователь грузинской литературы	83
ШОТА ДЗИДЗИГУРИ. Языковедческие труды выдающегося историка	88
ЛЕОН МЕЛИКСЕТ-БЕК. Вечно живой	90

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СЕРГИ ДУРМИШИДЗЕ. «Я еще вернусь...»	93
--	----

В МИРЕ КНИГ

ИОСИФ КУМСИШВИЛИ. «Увидеть сразу всю эту красоту...»	95
--	----

1969
№ 10

На конкурсе «Тбилиси и тбилисцы» одна из премий была присуждена поэту Ладю Сулаберидзе за цикл стихов о родном городе. Мы предлагаем читателям журнала стихи из этого цикла.

Ладо СУЛАБЕРИДЗЕ

Мой Тбилиси

У генерального плана строительства Тбилиси

Я смотрю
Архитекторов планы
рабочие —
Вижу
Завтрашний, новый
Тбилиси воочию,
Вижу
Смелый полет
Тех конструкций
несущих,
Что собой вдохновят
Песнопевцев
грядущих. —
Город гордых мостов
И проспектов
гигантских,
Город солнц
обновленных
Октябрьских и
майских!

Эй, послушайте,
Юные, двадцатилетние:
Эти планы бы
Мы никогда не
наметили,
Если б только — не вера
В тебя, поколение,
В твою юную мощь,
Трудовое горение...
Ты, сверяясь с
сегодняшними
чертежами,
Наше Завтра
воздвигнешь
С его этажами,
В каждой черточке
здесь —
Твой полет
быстрокрылый,

А фундаментом —
Славные предков
могилы.
Так вникай же
(Ни сказок, ни мифов —
не надо!),
Как пылает
Мечты негасимой
лампада,
И расти, и твори,
Возвышая наш Город,
Чтобы каждый из нас
Вечно горд был и
молод,
Видя смелость мостов
И конструкций несущих,
Вдохновляющих наших
поэтов грядущих!

В Тбилисском салоне художников

Я вижу с порога
платан
— не к нему ли
Осенние краски Тбилиси
прильнули?
Раскрыл я не дверь
городского салона —
Грузинской палитры
исконное лоно:
Дымят очаги,
И снопы громоздятся,
Лоза наливается,
Краски ярятся,
И колхи скликают
воинственных лазов —
Все краски отчизны
тут собраны разом,
Лазоревый цвет здесь
братается с алым

Под солнцем —
сверкающим
и небывалым,
Бессенок таятся
за облачком этим...
Вот — Картли, Кахети,
а вот — Имерети,
Мегрелия, Рача
и сванские башни —
Все краски ликующие
и бесшабашны!
А возле — ушелья,
где вместе с хевсуром
Подошвы стираешь
в ногоне за туром...
Но очи следят
за тобою сурово
Крестьянина, война,
мастерового,
Решая: достоин ли ты
от порога

Идти к облакам
крутизною отрога,
По праву ли
вольные ветры овеют
Тебя за художников
тяжкою дверью
И можно ли верить
тебе без опаски
Тбилисских платанов
осенние краски?..
— Спасибо вам,
Мастеровые Искусства,
За все эти
неповторимые
чувства,
За то, что — грузинской
палитры
заложник —
Сейчас я душою высок
— как художник!

У дома-музея Гришашвили

В твоём древнем
Харпухи
во время подъема
Озираюсь, как будто
ищу я Поэта...
Меня греет очаг
незабвенного дома,
Где захлопнута книга
и песнь недопета...

Вот сверкают опоры
балкона и окна,
А над всем — Нарикала
извечно сенью.
Я под ливнем отвесным
до нитки промокну,
Свои плечи туманной
закутаю сетью.

И старинного города
грустью исполнен,
Я, промокший, пойду
поклониться могиле,
А потом — я рассыплю
среди новостроек
Все тепло очага твоего,
Гришашвили!

В Тбилиси решается мировая проблема

Встретил Тбилиси
Солнцем и розами
Тех, кто приехал
На мудрый симпозиум.
Вот они, мирных наук
представители,
Памятник славному
месху
увидели,
Вот — и проспект
Руставели,

«Икарами»
Гости доставлены
К городу старому.
Чтят здесь Тбилели
Дома-ветераны,
Вот долетели
Слова «Иавнаны»,
Здесь для гостей
Оживает История —
Сечи Дидгори,
Крданиси,
Шамхори!..
...В зале — доклады,
Ученые прения.
Тема такая,
Что — нет современнее.
В зал этот,
Ласковым небом
согретый,
Рвутся поэтому

Добрые ветры:
— Люди!
Взывают моря о
спасении,

Сохнут и стонут
Леса безоленьи,
Горы без туров
Стоять не могли бы,
Ждут вашей помощи,
Птицы и рыбы,
К звездам летая,
Космосу внемля,
Все же —

давайте
Беречь эту Землю,
Воздух ее,
И — в конечном-то
счете —

Тигры...
Нуждаются тоже
в заботе!...

Нынче в Тбилиси
Необходимо
Срочно подумать
О будущем Рима
И рассмотреть
Поточней и поближе
Лондона боли,
Заботы Парижа...
Вдруг
Неожиданно

В это мгновенье
В зале возникли
Великие тени,
Вечные гости
Высокого ранга —
Тени
Давида,
Тамар
И Вахтанга:
Право же,
Могут воссесть они
гордо

Там,
Где проблемы
решаются — города
(И от Куры
До мтацминдовой выси
Сонмом огней
Их приветил Тбилиси)!..
В зал этот,
Ласковым небом
согретый,
Дуют Грядущего
добрые ветры,

Зная:
Тбилиси,
Ученые —
Все мы
Спорим,
Планеты решая
проблемы.

Идет скорый...

Едут скорыми
в столицу,
Мчат в Тбилиси
земледельцы

И из Цнори,
И горийцы,
И лихие натанецбы,
И привозят, приезжая
(Отягощены корзины)
К нам на Праздник
урожая,

Дар горы и дар долины,
Ну-ка, солнце,
не лениться —

Пусть Тбилиси блещет
дивно:
Потеплей встречай
кормильца,
Он вполне достоин
гимна!

Остаются —
километры...
Провожая скорый,
пляшут
Освежающие ветры
Виноградников и пашен.
Вот — уже въезжают
в город
С «Криманчули»

И с «Хведрули»,
И с «Лилео»...
Встанет скорый —
И перрон похож на
улей:

Песни,
Смех,
Разноголосье...
Все дары родного края
Щедро присылает
осень —
Это Праздник урожая!

ПТИЧКА

● Рассказ

БЕДИА ЧИКВАНИ чуть свет разбудил птичий голос. Птичка не пела — она то ли звала кого-то, то ли делилась с кем-то новостью.
— Золотой клюв, меду и сахару тебе! — приветствовал Бедиа пташку, распахивая настежь окно. Потом стал по голосу искать птичку и увидел ее. На ветке росшего у ворот граба прыгала и щебетала черноголовка. Нет, не щебетала, а явно звала кого-то или делилась с кем-то новостью. Кого? С кем? Бедиа окинул внимательным взглядом все деревья во дворе, все колья в плетне, но вторую птичку так и не нашел. А черноголовка продолжала прыгать на ветке и без умолку лепетала что-то на своем птичьем языке.

— Что, черноголовка, с какими вестями пожаловала? — улыбнулся Бедиа, провожая взглядом перелетевшую с граба на гранатовое дерево птичку.

— Квист, квист, чирик, чирик, квист, чирик... — ответила птичка.

— Много я понимаю в твоих «квист-чириках»... Но золотого клюва я тебе все же желаю... — проговорил Бедиа и стал одеваться.

— Чр-р-р... Чирик, чирик, чик! — черноголовка перелетела на орех.

— Да будет тебе! Понял я все — рассвело, солнце встало, день выдался погожий, и я должен встать и заняться делом... Так я и делаю. Что еще? Говори уж человеческим языком!

— Чирик, чирик, чик!

— А ну тебя с твоим чириканьем! — Бедиа взмахнул рукой. Птичка переменила место — уселась на кол, склонила голову набок, искоса взглянула на Бедиа и еще раз чирикнула.

— Чик-чирик!

Бедиа удивленно огляделся — «с кем это она тараторит?». Кругом не было видно ни одной птички — «рехнулась пташка!».

Бедиа не спеша спустился во двор, подошел к кукурузному амбару, поднялся по приставленной лестнице, взял три желтых початка и, не сходя с лестницы, стал кормить кур и индюшек, со всех сторон сбжавшихся к амбару.

— Квист, квист, чик-чирик! — напомнила о себе черноголовка.

— Золотой клюв, золотой клюв, чего еще тебе? Есть хочется? Пожалуйста, угощайся, если не боишься подавиться.

Птичка приняла приглашение. Она без зазрения совести присоединилась к курам и индюшкам и клюнула зерно, но, не сладив с ним, тут же бросила его.

— А что я тебе говорил? — усмеялся Бедиа. Он спустился с лестницы, вошел в кухню, достал из ларя сито, тряхнул несколько раз, собрал отруби и вернулся во двор — накормить черноголовку, но птички уже не было.

В полдень пришел почтальон Геронтий Цавава.

— Магарыч с тебя, уважаемый Бедиа! Телеграмма из Тбилиси, от сына!

— Что ему понадобилось?

— Прочти сам — тут все написано.

Бедиа взял из рук почтальона телеграмму, надел очки и громко прочел:

«Гульрипши Буденного восемь Бедиа Чиквани тчк
Срочно вышли пятьсот рублей тчк здоров тчк
целую твоей Гванджи».

— Как ты сказал? Магарыч? Да тебя во двор не следовало впускать, да что поделаешь — профессия у тебя такая! — Бедиа небрежно наткнул телеграмму на торчавший в стене гвоздь и направился в кухню за вином. Геронтий Цанава присел на стульчик и в ожидании угощения с удовольствием провёл рукой по усам.

Бедиа появился с начатым кувшином «изабеллы» в руке, налил только Геронтию.

— Видать, отличное у тебя вино, уважаемый Бедиа, коли так бережешь его... — произнес с нескрываемой иронией Геронтий и встал, готовясь произвести тост.

— Ну и язык же у тебя, Геронтий Цанава! Ты сперва попробуй вино, а потом изливай свой яд! А может, такого вина нет во всей округе, а? — И чтобы придать своим словам больше убедительности, Бедиа налил себе.

— Что ж, выпьем, коли так... Дай бог этому дому всего доброго и хорошего, обилия продуктов и здоровья, а остальным вы лично наделены богато, уважаемый Бедиа, побольше таких, как вы, добрых людей на побережье Черного моря, и вечная память вашей дорогой супруге, уважаемой Эсме, которая, так сказать, не дождала до счастья своего сына, но вы для вашего дома и отец и мать, за здоровье надежды этого дома нашего маленького Гванджи! — выпалил одним духом Геронтий и опрокинул в рот стакан.

— Спасибо! — поблагодарил Бедиа.

Геронтий выждал, пока выпитое вино добралось до желудка, потом воздел к небу руки и глаза:

— Стыд и срам тебе, Бедиа Чиквани!.. Боже мой, пошло насмарку мое месячное лечение в Карловых Варах!..

— Ты что, белены объелся, Геронтий Цанава? — насторожился Бедиа.

— Друг я тебе или враг, Бедиа Чиквани? Насилу удалось сбить сахар до нормы, а ты напоил меня настоянной на сахаре гадостью! Что мне теперь делать?!

— За такую телеграмму тебя следовало стрихнином напоить!

— Если это пошло ты считаешь лучше стрихнина, то заблуждаешься, Бедиа Чиквани! — проговорил Геронтий и сам налил себе второй стакан.

— Чирик-чирик, квист, чирик, чик-чик! — встрепенулась вдруг в плетне черноголовка.

— Получил, получил добрую весть, радуйся! Пришли, говорит, пятьсот рублей... Копейка в копейку... Об этом ты чирикала все утро, да? Фу, чтоб тебя!..

— С кем ты разговариваешь, Бедиа? — удивился Геронтий.

— Да с птичкой! Как заладила с утра — «чирик» да «чирик». Вот и чирикала пятьсот целковых! — Бедиа в сердцах замахнулся на птичку. Та вспорхнула, перелетела на ель.

— Чирик, чирик, чик!

— Я тебе дам «чик-чик»! Пошла к черту! — рассердился Бедиа.

— Да ты, вижу, понимаешь птичий язык! О чем это она? — рассмеялся Геронтий.

— Спроси сам — узнаешь!

— Чего тебе, птичка? — спросил Геронтий.

— Чирик, чик! — ответила черноголовка.

— Не может быть! — удивился Геронтий и налил себе третий стакан.

— А-ну, катитесь отсюда оба, пока целы! — Бедиа нагнул за камнем.

Птичка улетела.

— Брось камень, Бедиа Чиквани! Я не птичка, летать не горазд, а иди — иду, видишь? — Геронтий осушил третий стакан и направился к воротам.

— С такой телеграммой на лучшее вино не рассчитывай, Геронтий дорогой, так что впредь не утруждай себя, позвони прямо с почты и передай содержание. Понятно? — крикнул вдогонку Бедиа.

— Понятно! — сказал Геронтий и, затаив «Кучки бедниери», покинул двор.

Еще час Бедиа бесцельно бродил по двору, а потом пошел к соседям Гогелия — занять денег.

— Просто удивительно, уважаемая Аграфена! С самого утра птичка не дала покоя! А в полдень Геронтий Цанава принес телеграмму — денег просит мой наследник!.. Чишет, что здоров, но я ума не приложу — зачем ему

понадобились пятьсот рублей! Месяц тому назад послал ему столько же... информировал соседку Бедиа в виде вступления.

— Не про вашего будь сказано, уважаемый Бедиа, но... Нынешняя мода — лодежь... Ни на шаг, ни на шаг нельзя ей доверять!.. Стоит на минуту отвести глаз, и — пожалуйста, тут тебе и морфий, и черт его знает, какая еще там гадость...

— Господь с вами, уважаемая Аграфена, что вы такое говорите! — испугался Бедиа.

— Так оно и есть, уважаемый Бедиа... Вот, пожалуйста, сыночек Палладия Когоскуа... Привел жену, — прости господи, — ну впрямь девка из борделя... Того и гляди, уши свекрови и свекру солью набьет!

— Убей меня бог! Рехнулся парень, что ли?

— Видать, рехнулся...

— Вот несчастье-то какое!

— Поэтому вам и надо быть осторожным, уважаемый Бедиа... И не очень-то вашего там... того... тем самым... Да! — предупредила Аграфена соседа. Под «того... тем самым» явно подразумевались деньги — произнося эти слова, она недвусмысленно провела большим пальцем по указательному...

От соседки Бедиа вернулся смущенный и испуганный. Только он открыл жалитку — черноголовка, сидевшая на прибитом к столбику балкона крюке, перепорхнула на ветку черешни и чирикнула:

— Чирик, квист, чик-чик!

— Да говори уж, в чем дело, какая еще беда на мою голову! Душу вымотала, черт тебя возьми! — крикнул Бедиа.

— Чик-чик, чирик!

Бедиа глазом поискал камень, и, когда птичка отвернулась, он быстро нагнулся, взял камень и положил себе в карман.

— Чирик, чирик, чирик! — пискнула птичка, перелетая на ветку росшей перед домом груши.

— Золотой клюв, золотой клюв! Боже мой, с чего это бесится птичка, мне пойму! Никак несчастье со мной!

— Чирик... — начала было черноголовка, как сильно запущенный Бедиа камень пронесся над самой ее головкой, и тут же раздался звон разбитого стекла.

Птичка сорвалась с места и в мгновение ока исчезла в соседском дворе.

— Началось!.. — подумал Бедиа. Он поднялся на балкон, вошел в комнату, подошел к разбитому окну, просунул сперва руку, потом голову, словно хотел удостовериться — действительно ли стекло разбито. Потом опустился на тахту и задумался.

«Боже великий, если меня ждет неприятность, пусть это будет разбитое стекло... Чего ко мне пристала птичка, что ей нужно?!.. Бог ты, в конце концов, или кто? Научи ее человеческой речи или дай мне птичий язык — объяснимся, пойдем друг друга... Вижу ведь, птичке хочется что-то сказать... А вдруг с мальчишкой беда какая?!.. Как это Аграфена про молодежь сказала? «Стоит на минуту отвести глаз, и — пожалуйста, тут тебе и морфий, и черт его знает, какая еще там гадость...» Типун ей на язык, чертовой бабел!.. «Привел жену — ну впрямь девка из борделя...» Может, она что-то скрывает?.. Говорила намеками... Верно, знает, проклятая, что-то да не договаривает... «Не очень-то вашего там... того... тем самым...» Нет, определенно она что-то скрывает от меня!.. Может, он женился? Ну и что? Я сам давно его прошу — «женись, сыночек, дай мне поиграть с внучком...» Почему же он не сообщил об этом мне? Значит, девка непутевая... И Геронтий нес какую-то чушь... «Вино, мол, с сахаром... Жена, мол, не дожила до счастья сына...»

Бедиа бросился к телефону.

— Алло, почта? Это кто? Пация? А кто? Жужуна? Попроси, милая, Геронтия Цанавя, почтальона.. Бедиа я, Бедиа Чиквани! Дело у меня не-большое...

— А его нет, уважаемый Бедиа. Поехал в Очамчире, на похороны Шакира Эзугбая. Вернется утром, не раньше...

— Тьфу, черт возьми! — Бедиа в сердцах бросил трубку и снова вошел во двор.

— Квист, чирик, квист, чр-р-р... Чирик... — услышал он чириканье черноголовки. В голосе птички было столько печали, горя и мольбы, что Бедиа невольно вздрогнул, волосы у него стали дыбом, лоб покрылся холодной испариной.

— Сгинь отсюда, пока я не сошел с ума и не натворил беды! — взмолил-ся Бедиа и стал опять искать камень. Птичка, словно угадав замысел человека, улетела.

047066340
0000000000

Громовой звук выстрела разнесся по всему селу. Сбежавшиеся соседи ахнули: босой, с изуродованной головой Бедиа лежал навзничь у разбитого окна в луже собственной крови. Рядом валялся сломанный «винчестер».

О причине выстрела и смерти Бедиа толком не знал никто.

Сплетни и слухи ползли в народе, переходили из уст в уста, из двора во двор, из дома в дом и, наконец, вышли за пределы села.

— С утра он был сам не свой...

— На почту, оказывается, звонил Жужуне, спрашивал Геронтия Цанава...

— Утром, оказывается, Геронтий принес ему телеграмму от сына — присил выслать деньги...

— Не стал бы он из-за этого стреляться!..

— А может, его...

— Да нет, на убитого он не похож!.. Вон, винтовка... Ишь, как ее разворотило!..

— Это еще как сказать...

— Дважды он был у меня. Волновался. Говорил о птичке — мол, дурную весть она пророчит... Про морфия говорил, про какую-то женщину из борделя, не помню уж... Был взволнован — это точно...

— Неужели виноват сын?

— Про сына ничего плохого я не слышал. В медицинском он учится, вместе с моим...

— Вот-вот!.. Медицинский и есть, оказывается, гнездо разврата и жулья...

— А ты не верь глупой болтовне других!.. Твой-то учился в ГПИ¹, а угодил в тюрьму на два года за хулиганство!

— По недоразумению! У нас дело в кассации в Верховном, и скоро всем вам придется прикусить язык!

— Дай бог!

— Не «дай бог», а так оно и есть!

— Вот она — судьба человека... Говоришь с ним, думаешь — здоров, а он, оказывается, уже не жилец на этом свете...

— А это что за телеграмма на столе? «Я чувствую себя прекрасно»... К чему бы это?..

— Куда уж прекрасней! Никто и ничто больше его не побеспокоит...

— Видно, предчувствовал, несчастный, — сына звал...

— Все! Погибла семья! Хоть облей дом керосином и подожги!..

— Эх, какой мужик пропал!

— Милиция идет! — сообщил кто-то шепотом, и во дворе наступила гробовая тишина.

Было уже темно, когда во двор Бедиа Чиквани прилетела черноголовка. Она уселась на ветку ореха и жалобно прочирикала:

— Чирик, квист, чик-чик!

Откуда-то появилась вторая черноголовка, подседа к первой и спросила:

— Чикот-чик, чик-чик, чика! — Кого ты разыскиваешь с утра?

— Чирик кич, чик-чирик, чик! — Птенчика своего, с утра его нет!

— Чик-чук, чир, чр-р...! — Не бойся, найдется твой птенчик! — успокоила вторая черноголовка первую и улетела.

— Квист, квист, чирик, чирик, квист, чирик! — Где ты, детка моя, отзовись, где ты? — еще раз жалобно позвала птичка. Никто ей не ответил. Лишь издалека, с чужого двора донесся голос второй черноголовки:

— Чик, чик, чик-чирик? — Нашла своего птенчика?

— Чир-р, чук! — Нет, не нашла! — ответила с плачем первая и улетела.

Никто не заметил ни прилета, ни разговора, ни улета черноголовки. Все были заняты собственным горем, собственными мыслями.

В распахнутые ворота усадьбы Бедиа Чиквани вступала печальная ночь...

¹ ГПИ — Грузинский политехнический институт.

ПУСТЬ ОБОЛОКО ОСТАНУТСЯ С ТОБОЙ

● Роман

Две недели спустя после того, на окраине деревни, близ озера Кахи, оставилась карета «скорой помощи». Двое врачей или санитаров подняли с земли и уложили в машину какого-то парня. Карета «скорой помощи» понеслась к больнице. Через каких-то пятнадцать-двадцать минут по деревне пронеслась милицейская машина, в которой между двумя милиционерами сидел один из поклонников Лили, ученик одиннадцатого класса. Очень скоро всем стало известно, что на почве ревности он в драке сломал своему товарищу два ребра. Известно стало и то, что драка произошла из-за Лили. Месяц спустя оба вернулись в школу: один из тюрьмы, другой из больницы.

В тот же день бывший заключенный отозвал в сторонку Иве и дерзко спросил:

— Ты с ней разговариваешь?

За его словами скрывалась угроза: лучше, мол, оставь ее в покое, иначе и тебя ждет участь моего приятеля.

— Ты это о ком? — тем не менее спросил Иве.

— А-аа! — взревел бывший заключенный. — Не валяй дурака!

— С чего ты взял... — проямил Иве и подумал: «Я ее люблю, а тебе-то что за дело!»

— Так вот, запомни: с сегодняшнего дня чтоб слова с ней не говорил, ясно? Так для тебя лучше будет.

На следующей перемене Иве вызвал пострадавший, у которого как-никак было ущемлено самолюбие.

— Ты ее любишь? — начал он выпрашивать.

— Не люблю! Делите ее как хотите, хоть пополам разорвите!

— У-уу, — взвыл тот. — Придержи язык, сопляк! Разошелся!

После этих диалогов Иве весь день твердил про себя: «Люблю, люблю, люблю!». Больше того, родилось новое стихотворение, конечно же, опять посвященное Лили, — назло им, но на сей раз с хорошим названием, простым и общим: «Я думаю о тебе». В нем автор смело заявлял, что никогда, ни за что не перестанет думать о любимой и ничто не мешает ему любить ее, ни грозы, ни снегопады. Под явлениями природы подразумевались соперники. В один прекрасный день Иве решил и это стихотворение вручить Лили. Однако после уроков, когда он намеревался это осуществить, на улице перед школой появился Заур, их односельчанин, который в прошлом году окончил школу и теперь учился на первом курсе Тбилисского университета. Заур был выряжен в белоснежную нейлоновую сорочку (они в ту пору были в большой моде), на

Продолжение. Начало в № 9.

пее красовался нарядный шелковый галстук. Надо сказать, что Заур был довольно красивым парнем.

«Что ему надо здесь?» — пронеслось у Иве в голове, и в то же мгновение он увидел Лили, которая вышла из класса и, не заметив Заура, побежала во двор.

— Лили! — негромко позвал Заур.

Лили, очевидно, решила, что это Иве ее окликнул, и не обернулась.

— Гор-дях-ка! — по слогам, нараспев, позвал Заур.

Тут она остановилась, обернулась на голос и — просияла.

— Я думала, это кто-то другой, — проговорила она.

Весело смеясь и оживленно беседуя, они пошли по улице, пока не скрылись за поворотом.

Иве скомкал и разорвал на мелкие клочки свое новое стихотворение и разбросал эти клочки по дороге.

Университет теперь уже выглядит совершенно иначе.

Родителей нигде не видно — дети пришли одни. Парадные двери широко распахнуты, вход свободен. Те абитуриенты, которым улыбнулась судьба, стали студентами. Их можно узнать с первого взгляда: на лицах их — радость и любопытство, они суетятся, знакомятся, смущенно переговариваются друг с другом и с робкой почтительностью взирают на старшекурсников. Многие из старшекурсников курят, и это вызывает восхищение и зависть вчерашних школьников. Пройдет время, и первокурсники добьются успехов; они переймут некоторые манеры старшекурсников, девушки наденут модные платья, туфли на высоких каблуках и будут с трудом привыкать в них ходить, начнут красить губы, подводить глаза, курить... Правда, у приезжих из сел и маленьких городов все это на первых порах получается неуклюже, им еще надо освоиться со столичной жизнью, с ритмом большого города...

У Иве, кроме Наны, не было знакомых на курсе. А ее нигде он не нашел. Наконец, заглянув в одну из аудиторий, он заметил Элеонору Мзиани, которая сидела с каким-то парнем и непринужденно болтала.

Иве вошел в аудиторию.

— Здравствуйте, — приветствовал он обоих.

— Здравствуйте, — ответили они.

— Поздравляю, — сказал Иве Элеоноре, приглядываясь к парню.

— Спасибо, и тебя поздравляю.

— Ты сванка? — спросил Иве по-свански.

— Да, — обрадовалась она. — Ты тоже сван? Как же я не знаю тебя?

— А откуда ты? — вмешался в их разговор парень.

— Я из Местиа.

— Чего же сразу не говоришь! — засмеялся парень радостно.

— Мы из Сакири, — сказала Элеонора.

— Меня зовут Джимшер... Джимшер Кипиани.

— Вы... тоже в этом году поступали? — неуверенно спросил Иве.

— Н-нет... я окончил в прошлом году... Теперь работаю...

— Иве, Иве! — с криком влетела в аудиторию Нана. — А я тебя где ищу! Где все наши?

— Да я и сам не знаю. Познакомься, Нана, это Джимшер Кипиани, он уже окончил... А это Нана Апакидзе... Мы все вместе, в одной группе...

Они пожали друг другу руки, потом Нана предложила:

— Давайте пойдем поищем наших!

Джимшер ушел, а они втроем пошли по коридорам в поисках своих сокурсников. По пути их внимание привлекла стенная газета. Там были нарисованы пять картинок: на первой изображена была девица в скромном платье с потупленными глазками. Подпись под картинкой гласила: первый курс. На второй картинке та же девица была уже на каблуках, в открытом платье, со смелым выражением лица — «второй курс», третьекурсница выглядела еще разбитнее, с ярко накрашенными губами, она подмигивала кому-то, на четвертой картинке у нее уже и волосы были взбиты, на пятой картинке она с сигаретой в зубах лихо отплясывала твист с каким-то хиппиобразным парнем, и наряд ее выглядел весьма вызывающе. Все картинки назывались «Метаморфозы».

— Ерунда, — проговорила Нана снисходительным тоном.

— Наоборот, очень здорово, — засмеялся Иве.

— Я и сейчас твист танцую, что ж в этом дурного?

— Может, и куришь?

— Нет, не курю. А если бы и курила, подумаешь! У меня есть подруги, которые курят!

— Я вот парень, а не курю.

— При чем тут парень или девушка! Девушка так же, как и парень, переживает, страдает, думает...

— А что, разве папиросы помогают?

— Наверное... не знаю уж...

— Да глупости! Кроме вреда ничего от них нет. Мужчины и те бросить хотят, жалеют, что привыкли, а девушки просто сдуру начинают курить.

— Филологи! Филологи! — раздался в это время чей-то громкий голос.

— Мы здесь! — послышалось с разных сторон.

— Какой курс? — спросил тот же голос, и Иве увидел на пороге одной из аудиторий мужчину.

— Четвертый!

— Я вижу первый!

— Мы с первого, — подошли к нему Иве и Нана.

— Первый курс — в восемьдесят первую аудиторию!

В восемьдесят первой было уже полно студентов. Иве и Нана уселись позади. На кафедру поднялся лектор, начал говорить о филологическом факультете, но двери еще некоторое время робко открывались, и входили опоздавшие.

— Из вас в будущем должны получиться Цуртавели, Некресели, Мерчули¹ двадцатого века, — говорил лектор. — Вы должны прославить Тбилисский университет, который за время своего существования воспитал не один десяток выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей. Но что для этого необходимо? — обратился он вдруг к вертявой худенькой девушке, которая сидела на передней парте и без конца шепталась с соседкой. В ожидании ее ответа, лектор снял очки.

— Кто это? — кивнув головой на лектора, спросил Иве рядом сидящего парня.

— О! Это Липарит Цхварадзе! — с восторгом шепнул тот.

Девушка тем временем встала и без тени смущения выпалила:

— Для этого необходимо учиться, учиться и учиться!

— Верно. Чьи это слова?

— Энгельса.

Аудитория разразилась хохотом.

— Садитесь. Если все ваши знания так достоверны, вы вряд ли усовершенствуете их в этих стенах.

Она села, и тут Нана заметила, что она жует жвачку.

— Глянь, — шепнула она Иве, — она жвачку жует! Вот нахалка! А он тоже хорош — с первого же раза мораль читает...

Элеонора сидела рядом с ней и, услышав эти слова, осуждающе поглядела на нее, но ничего не сказала.

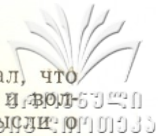
Липарит Цхварадзе, который, оказывается, был завкафедрой современного грузинского языка, продолжал рассказывать о факультете, о задачах, стоящих перед студентами, об их обязанностях.

— Мне хотелось бы, чтобы вы запомнили следующее, — сказал он напоследок. — Студент университета обязан не только изучать добросовестно весь курс, все необходимые дисциплины, но должен заботиться и о своем облике, как, разумеется, и обо всем поведении своем в целом. Неряшливая одежда, пусть даже дорогая и самая что ни есть модная, отнюдь не к лицу вам, походка, манера сидеть, стоять, разговаривать — за всем этим вы должны следить, вы должны быть достойны своего звания — звания студента Тбилисского государственного университета! Здесь, в этих стенах, выработались прекрасные традиции, которые вы должны поддерживать и развивать! Вы должны быть честны во всем, добросовестны, выдержанны. Многие из вас станут педагогами, преподавателями школ и вузов, иные станут литераторами, а иные — учеными, исследователями. Перед вами откроется поистине широкий простор деятельности, и к этому вы должны готовиться с первого дня, с того самого дня, как вы избрали свой путь.

...Возвращаясь домой, Иве размышлял над словами Липарита Цхварадзе. Они заставили его посмотреть на себя со стороны, еще раз подумать о своей жизни, о своих планах на будущее. «Да, — заключил он, — университет — это не просто учеба... не только учеба. Это что-то гораздо большее... Но что?! Где оно, это что-то большее?.. Смогу ли, сумею ли я найти, осилить?..»

Вот уже в третий раз поднимается Иве в гору по ахалкалакским улочкам. У него было такое чувство, точно он шел на какой-то очень трудный экзамен и волновался, какую же получит отметку. Этой ночью ему приснилось, будто Алексей и Гурам плясали перед четвертым корпусом университета и во все

¹ Выдающиеся деятели древней Грузии.

горло распевали, а потом чему-то смеялись — громко-громко. Он не знал, что может означать этот сон, но почему-то был убежден, что означает что-то, и волновался. А может, это вчерашний вечер запечатлелся в его мозгу и мысли о братьях переплелись с этим впечатлением в такое вот сновидение?..

Вчера у них в студгородке был вечер танцев. Студентки русского отделения приволокли откуда-то радиолу, пластинки и вывесили на дверях красного уголка заманчивое объявление: «Мальчики! Приходите на вечер танцев! Девушки приглашают вас!». Это был уже четвертый вечер танцев в общежитии. Иве довольно поздно вернулся домой из библиотеки, где он готовился к семинару, и так уж, между прочим, заглянул в красный уголок. Девушек было мало, меньше, чем ребят. Иве был уставший и уже собрался уходить, как вдруг кто-то взял его за руку. Он оглянулся — это оказалась Элеонора. Иве не танцевал уже давно, он сам и не рискнул бы сейчас танцевать после долгого перерыва, но не смог отказать Элеоноре. К своему удивлению, он сразу вошел в ритм танца, да и Элеонора оказалась отличной партнершей. Она легко следовала за каждым его движением и чуть слышно подпевала музыке.

— А где Джимшер? — спросил ее Иве.

— Не знаю, — беззаботно ответила Элеонора, пожав плечами.

— А где ты научилась так хорошо танцевать?

— В пионерском лагере.

— У нас, в Сванети?

— И у нас. А в основном — в Москве и в Артеке. В Москве я жила три недели, а в Артеке в общем четыре месяца.

— В Москве и я был, вернее, мы жили в Тушино.

— В Доме пионера?

— Да. На улице Победы.

— У Бориса Николаевича?

— Да! И ты у него была?

— Конечно!

— Смотри-ка! Мы и там, оказывается, вместе были! — улыбнулся Иве. — Что бы это могло значить, а? — пошутил он.

— Да уж не знаю. — засмеявшись, ответила Элеонора. — А почему ты спросил меня про Джимшера?

— Про кого? Ах, про Джимшера! Да просто так...

Музыка кончилась. Они остановились возле окна. Вдруг к ним подбежала Нелли, однокурсница и подружка Элеоноры.

— Насилу тебя разыскала! — обратилась она к Элеоноре. — Джимшер внизу, зовет тебя, просит спуститься к нему.

— Пусть сам ко мне подымет, если дело есть.

— Ну что ты, в самом деле! Человек аж с Авлабара сюда ехал тебя видеть, а ты — «пусть сам»!..

— «Белое танго», — объявил в это время какой-то долговязый парень, видимо, исполнявший роль распорядителя танцев. — Дамы приглашают кавалеров и провозжат их на свои места! Живее, девушки, живее! Не теряйтесь!

Элеонора вдруг сорвалась с места и подбежала к какому-то чернявому, патлатому, тощему парню. Он, по всей видимости, был «пришлый», не из студгородка. Иве его вообще никогда не видал. Одет он был щегольски, держался довольно развязно и с претензией на «бывалого парня», хотя и был совсем еще желторотый. Иве заметил, что среди парней многие были «пришлые», не из общежития. И все равно здесь, так же как и на танцах, устраиваемых в городских парках и садах, кавалеров было много больше, чем дам. В прошлом году Иве ходил с товарищами на вечера танцев в парк Ваке. Там, если уж ты пришел и хочешь танцевать с девушкой, — а иначе что за смысл! — надо было забыть всякую вежливость и, опережая других, бежать сломя голову приглашать даму на танец, выхватывать ее из-под носа у соперника. Робкие и нерешительные проводили весь вечер, сидя на скамьях вокруг танцплощадки. Иве и его друзья поначалу тоже робели, стеснялись, но, поняв, как здесь надо себя вести, довольно быстро освоились и вскоре стали первыми танцорами. Правда, чтобы завоевать это положение, пришлось раза два и подраться, но они о том не жалели.

Сейчас Иве сидел один возле окна и рассеянно наблюдал за танцующими. Вот Элеонора со своим патлатым кавалером. Она танцует, тесно прижавшись к нему и прикрыв глаза. «Вот бы Джимшер увидел!» — подумал Иве. Он встал, вышел, спустился во двор. Выпил воды из фонтанчика. Постоял немного. Вдруг из корпуса выбежал кто-то, с силой хлопнув дверью и выкрикивая угрозы. Иве взгляделся — это был Джимшер. Он не заметил Иве и, продолжая ругать кого-то и грозить кому-то, скрылся в темноте.

А из корпуса в тишину студгородка лилась веселая музыка...

...Шум машины вывел Иве из задумчивости. Улочка была такой тесной, что белая «Волга» едва могла по ней проехать, и Иве не знал, куда податься.

Пришлось забраться на забор. Он расцарапал при этом правую ладонь, разорвал штанину на колене. Вероятно, улочка не рассчитана была на то, чтобы на ней ездили автомобили, но люди, не желая ходить пешком, готовы в иголки ушко протащить свои «Волги», «Москвичи» и «Жигули». Слезая с забора, Иве успел заметить, что за рулем сидит директор детдома.

Когда он вошел во двор детдома, директор стоял на крыльчке.

— Почему вы так часто приезжаете? — обратился к Иве директор. — У вас ведь учеба, лекции... Зря вы беспокоитесь...

— Как мои мальчишки? — спросил в ответ Иве.

— Хорошо, у нас им очень даже хорошо!

Вдруг дверь второй группы распахнулась, оттуда с ревом выбежал Алексей и бросился к старшему брату. За Алексием появился и Гурам. Он шел, с трудом сдерживаясь, чтобы тоже не разреветься. Все, кто был во дворе, и те, кто выбежал на шум, с удивлением наблюдали за встречей братьев. Они не могли взять в толк, чего же эти мальчишки плачут. К ним-то никто не приезжал, и подобные встречи были им непонятны.

Вскоре появилась и старая знакомая Иве — Клавдия. Она робко приблизилась к братьям и, остановившись в сторонке, почтительно приветствовала Иве.

Иве стало как-то не по себе, какой-то ком встал у него в горле, и он через силу улыбнулся Клавдии.

— У Гурама два дня болел живот, — сообщила ему Клавдия.

— А врач его смотрел? — спросил Иве.

— Да кто же ради этого из Каспи врача привезет! Здесь-то у нас нет врача... И мост через Куру разрушен, машины не ходят...

К ним подошла пожилая женщина и, положив руку Иве на плечо, с теплотой в голосе обратилась к нему:

— Не надо так, милый, не огорчай ребятшек, им и без того трудно привыкнуть к своей новой жизни, вдали от дома... Наоборот, ты их ободрить должен...

Иве поглядел на женщину, молча кивнул головой, улыбнулся.

— Да, — сказал он, — конечно.

Справившись со своим волнением, он обнял братьев за плечи и вывел их за калитку. Они спустились к реке и сели на берегу. Иве обнял Алексея, пригнул к себе и спросил, что это за церковь за рекой, на горе. Алексей не ответил, только теснее прижался к брату.

— Ты туда не поднимался, а? — продолжал расспрашивать Иве, но Алексей начал всхлипать и протонал, что он хочет домой, к маме.

Гурам сидел спиной к Иве, прислонившись к его плечу головой, и глядел на пылающий закат.

— Иве, Иве, уедем отсюда, я хочу к маме, — продолжал всхлипать и упрашивать брата Алексей.

Они сидели на берегу, верно, целый час. Речка была мелководная. Звонко журча, бежала она по камням, и краски заката играли на ее волнах. Еще несколько километров — и маленькая речка, резвая и говорливая, как дитя, присоединится к большой реке, сольется с ней, утратив и имя свое, и свою чистую голубизну и наивность. И звонкая песенка ее, казалось, была прощальной, предсмертной мольбой, она просила камни и валуны, по которым пролегал ее путь, задержать ее, не отпускать, но камни и валуны были равнодушны и безучастны к ее мольбе.

Братья молчали. Журчание речки, монотонная песня ее постепенно успокаивали их. Молчание нарушил опять-таки Алексей.

— Иве, мы уедем, да?

— Уедем, Алексей. Только немного подождите, я улажу в городе свои дела и заберу вас к себе.

Гурам оживился.

— Ты уж постарайся побыстрее, Иве! — попросил он.

Иве заметил, что за этот месяц Гурам подрост и голос у него погустел.

Из детдома донесся звук трубы. Потом заиграли на аккордеоне, вступил и кларнет. Участники музыкального кружка настраивали инструменты. Вскоре полилась знакомая мелодия лагидзевского «Тбилисо». Но после первых тактов то один, то другой музыкант начал фальшивить, спотыкаться. Видимо, «Тбилисо» еще только разучивали.

Братья поднялись и не спеша направились к детдому.

Придя в детдом, Иве подошел к классу, где занимался музыкальный кружок, и заглянул в дверь.

— Что вам угодно? — спросил его преподаватель.

— У меня к вам просьба, — ответил Иве.

— Я сейчас выйду, подождите минутку.

— Запишите и их в музыкальный кружок, — обратился Иве к преподавателю, когда тот вышел.

— Знаете, у нас не хватает музыкальных инструментов. Только труба свободна.

— Пусть будет труба.

— Но у трубача должны быть сильные губы! — преподаватель подошел к Гураму и быстрым энергичным движением провел рукой по его губам — точно по струнам пандури. Потом повернулся к Алексию и поднес к его губам указательный палец, будто бы увидел, что он на уроке жует жвачку — глядите, мол, чем парень занят на уроке! Потом несколько раз провел пальцем по губам Алексия — вверх-вниз, вверх-вниз. Алексию это не очень-то понравилось, и, когда палец снова застыл на его губах, он вдруг послунил его. Преподаватель стремительно убрал руку. Для воспитанников, выглядывавших из-за двери, это не осталось незамеченным, они пришли в восторг и подняли страшный визг.

— Ни один не годится, — заключил преподаватель холодно и повернулся уходить.

— Подождите, — остановил его Иве.

— А вы чего рот разинули, бездельники? — напустился преподаватель на развеселившихся воспитанников.

— Пусть попытаются, ничего ведь не случится, — сказал Иве.

— Как это ничего не случится! — возмутился преподаватель.

— Пускай поочередно занимаются.

— Я готовлю оркестр и хор, братец ты мой! На районную олимпиаду! Еще один месяц — и мы предстанем на суд публики, понимаешь?

— Понимаю. Давайте сделаем так: пусть оба занимаются поочередно...

— Чудак человек, да где ж это слышано! Ты думаешь, коли это твои братья, я вверх ногами должен стоять?

— Да кто об этом говорит! Пусть занимаются, как все! Иначе нельзя — они должны заниматься!

— Да пойми ты, поочередно все равно ничего не получится, без толку такие занятия!

— Ничего, главное, чтобы они были чем-то заняты.

— А для меня главное совсем другое. На олимпиадах мой хор петь должен, а не дурака валять! Не хватает, чтобы каспцы над нами смеялись!

Иве понял, что он ничего не добьется.

— Ну, коли так... — проговорил он.

— Ладно, я что-нибудь придумаю, — пообещал преподаватель и вошел в класс.

Тут к Иве приблизился директор.

— Пожалуйста, не приезжайте больше хотя бы месяца два, — сказал он.

— Почему? — удивленно спросил Иве.

— Вы нам мешаете. Ваш приезд нарушает режим всего дома.

— Выходит, я не могу повидать собственных братьев?

— Выходит, так. Но для нас это не главное.

— Я не знаю, что для вас главное, но видеть братьев я все-таки должен и поэтому буду приезжать.

— Не будете.

— Когда смогу, приеду.

— Ваших братьев государство поручило нам, мы за них в ответе, и мы сами за ними последуем.

— Между прочим, у моего брата два дня болел живот, кто-нибудь этим поинтересовался?

— В штате у нас нет врача, а из-за таких пустяков мы не можем переворачивать все и вся. И вообще не вам нас поучать! — вскипел директор.

— Получается, если больной сам по себе не выздоровеет, ему крышка! А вам и забот мало — нет врача и баста! Мост разрушен! Телефонная линия повреждена! Сотни оправданий у вас найдется! Но это мои братья, и я о них беспокоюсь! Я требую большего внимания и заботы, это главное дело воспитателей. Может, и воспитателей у вас не хватает?

— Знаешь, что я тебе скажу, дорогой друг? Меньше языку волю давай, когда говоришь со старшими, ясно? А твои требования крепко держи при себе, чтобы никто не отнял... И чтоб я тебя здесь не видел!

— Спасибо за советы!

— Твоих братьев государство поручило нам!

— Папа, папочка! — подбежал к директору его раскормленный сынок. — Я только что Асланбега на обе лопатки уложил! Я так на него налетел, что он от страха упал!

— Молодчина! Хвалю! Сейчас я тебя на машине покатаю!

...Автобус, курсирующий между Ахалкалаки и Метехи, был в ремонте. Иве и обратно возвращался пешком. Он едва успел к отходу последней электрички. Вагоны были полны народу. Корзины, ящики, связки виноградных гроздьев загромождали проходы. Иве с трудом пристроился в уголке. Голова его, в дела, на сердце было необыкновенно тяжело. Перед глазами неотступно стояли братья и беспорядочно проносились, мелькали Клавдия, директор, его сынок, преподаватель музыки и другие обитатели детского дома.

В дверь постучали. Иве проснулся. На соседней кровати, с головой завернувшись в одеяло, спал Шалук. Иве был уверен, что стучит мать Шалука. Она приезжала каждое воскресенье по утрам и привозила испеченное на подсолнечном масле печенье с изюмом, сыр в рассоле в высокой глиняной банке. Сыр был излюбленной пищей Шалука. Он ел его на завтрак, на обед, на ужин, предпочитая сыр столовским азу, бифштексам и прочим яствам. Поставит, бывало, привезенную матерью банку на стул перед своей кроватью, сбегает за черным хлебом и усадется на кровати с книжкой — чаще всего это бывала Библия или еще что-нибудь религиозного характера. Так он проводил все свое свободное время. Его мечтой была эстетика, и он считал необходимым не только читать, но и изучать древние религиозные книги. Сейчас у него на очереди была Библия. Иве — да и не одного только Иве — удивляли некоторые странности Шалука, но он умел заставить окружающих считаться с проявлениями своего характера и воспринимать их без хихиканья. Так, например, Шалук ни за что не выпил бы воды из глиняного кувшина — по его твердому убеждению, посуда для воды должна быть прозрачной, потому что «воду, которую пьешь, нужно видеть» — говорил он. В связи с этим он сказал как-то раз Иве, что с водой можно ненароком проглотить змею, такие случаи, по его утверждению, известны в медицине. Вообще-то Шалук был очень начитан, но все любил преувеличивать. Он много знал наизусть из Геге, Байрона и зачистую для подкрепления своих сентенций приводил цитаты из их произведений. Сам он тоже пописывал стихи, просто так, для себя, и называл их философскими трактатами. Он учился уже на втором курсе, был отличником. Мало-разговорчивый по натуре, он к тому же и не со всеми любил и мог беседовать. Серго и Ираклий его просто раздражали, он избегал всяческого общения с ними, считая их отъявленными хвастунами. Надо сказать, что сам он этим не грешил.

Ребят удивляло одно обстоятельство: женщина, которая еженощно навещала Шалука, больше годилась ему в бабушки, чем в матери. По виду, во всяком случае, ей можно было дать за шестьдесят лет, а Шалуку было всего двадцать один! Собственно говоря, сперва так все и подумали, но Шалук, представляя товарищам эту женщину, сказал: «знакомьтесь, это моя мама». Про отца он сказал, что давно лишился его. Мать Шалука обычно тихонечко стучала в дверь, и Шалук тотчас слышал ее стук; как бы глубоко он ни спал, стоило ей постучать, он проворно вскакивал и отпирал матери дверь.

— Ты приехала, мама, приехала? — радостно встречал он ее. Это тоже было свойственно Шалуку: дважды повторять один и тот же глагол. Правда, его мать тоже так говорила; верно, от нее он и перенял эту манеру.

Сын с матерью усаживались друг против друга и подолгу беседовали полупешепотом. Шалук подробно рассказывал ей о своих делах, потом рассказывала о доме мать. Шалук расспрашивал ее о соседях, о том о сем. Наговорившись вволю, они уходили: мать спешила на вокзал, чтобы поспеть к поезду, Шалук шел ее провожать. Вернувшись с вокзала, Шалук некоторое время обычно расхаживал взад-вперед по комнате, глубоко задумавшись, затем, махнув неопределенно рукой, словно отгоняя муху — или какую-то назойливую мысль, — разворачивал на столе сверток с печеньем и приглашал всех — давайте попробуем мамино изделие! Сам он не особенно налегал на печеное, видно, и вовсе не любил, ел больше для приличия, зато подсаживался к банке с новым сыром и с аппетитом уплетал его с черным хлебом.

...Итак, в дверь постучали, но Шалук, к удивлению Иве, не шевельнулся. Стук повторился, и тут Иве подумал, что это, конечно, не мать Шалука — стучали резко и настойчиво.

Он встал, отпер дверь. Действительно, это оказалась Нелли. В руках у нее была телеграмма, и она хитро улыбалась. Иве, выглянув в полуотворенную дверь, взял телеграмму. «Приглашаеесь разговора Местиа восемнадцать часов московского» — сообщалось в телеграмме. Вызывали его Натела, Элене, Цабу, Талико, Бухути, Джеббе.

— Это мои одноклассники, — пояснил он Нелли.

— А что такое? — полюбопытствовала Нелли.

— Да не знаю, — пожав плечами, ответил Иве.

К семи часам вечера по тбилисскому времени Иве пришел на междугородный переговорный пункт. Здесь множество народу томилось в ожидании вызова в кабину. Часть расположилась в мягких удобных креслах, часть на стульях, а те, на чью долю ни кресел, ни стульев не хватило, стояли или ходили из угла в угол. Иве подошел к одному из окошек и протянул телеграмму сидевшей там женщине.

— Ожидайте, дадим в течение часа, — сказала та, просмотрев телеграмму.

Иве стал у стенки и приготовился ждать.

Бесстрастный голос объявлял: «Торотадзе, Махачкала, в одиннадцатую», «Хачатурян, Москва, подойдите к справочному бюро» и т. п. «Хачатурян, Москва» подошел к справочному бюро, узнавал, что его абонент не отвечает либо повреждена линия, и расстроенный, шел домой. Или же, если случалось просто какое-то недоразумение, вновь дожидался своей очереди. Иве уже порядком надоело выслушивать чужие фамилии. Возле него на стене был вывешен тариф оплаты междугородных разговоров, и он принялся его изучать. Обнаружив, что в тарифе не упоминается Местиа, Иве страшно заволновался. Как же так, ведь связь есть, значит, линия должна быть, почему же среди стольких городов на «М» не указывается Местиа?

Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд, и у него сильно забилося сердце. Несколько мгновений он стоял как оглушенный, потом резко повернулся и — чуть не вскрикнул: перед ним стояла Лили!

— Здравствуй, Лили, — насилу вымолвил он.

— Здравствуй, — едва заметно улыбнувшись, ответила она.

«Она опять такая же гордая», — подумалось ему.

— Местиа пропустили, — сказал он вслух, и, конечно, Лили не поняла, кто и куда пропустил Местиа.

Он повторил и объяснил.

— А-а, — улыбнулась Лили, — а я-то думаю, о чем это ты. Да, верно, и я заметила.

— Что ты тут делаешь?

— Да вот, ожидаю... телеграмму получила от ребят, на шесть часов по Москве вызывают на разговор... Значит, на семь...

— Правда? Ведь и я такую же телеграмму получил!

— Сумасшедшие! Что они хотят?

— Разве поймешь! Ничего, скоро узнаем. Да, правда, Лили, поздравляю тебя с поступлением!

Ему показалось, что она слегка покраснела, но в это время бесстрастный голос возвестил:

— Местиа, Девдариани, в пятую!

Иве вошел вместе с Лили. Она взяла трубку и протянула Иве.

— Нет, сперва ты поговори! — сказал Иве.

Они стояли лицом к лицу в тесной кабине. Иве смотрел в глаза Лили, и она некоторое время выдерживала его взгляд. Голоса в трубке отрезвили Иве. Он встрепнулся, лицо его приняло совершенно иное выражение. Завязался длинный разговор. На том конце провода попеременно говорили все друзья, отсюда отвечала Лили. Разговор заставил его задуматься, потому что Лили в основном отвечала полумамаками, полушепотом, односложно — да... нет... ну что вы!» и т. п. и лукаво улыбалась при этом.

Иве чувствовал, что тут что-то не то, но не мог понять, в чем же дело и почему они вызвали его и Лили одновременно...

Наконец он взял горячую от ее рук трубку. Пошли расспросы, сообщения, и вдруг — «а как у тебя дела с Лили? Она по-прежнему с тобой кокетничает? В кино-то хотя бы ходите? В общем, пока ничего серьезного не решили?» Иве сперва чуть не обмер, но справился со смущением и так же, как и Лили, отвечал односложно «да... нет... что вы!..». Лили глядела на него и, конечно, догадывалась, что ему задают те же вопросы, что и ей. Школьные друзья знали о любви Иве к ней, и все были на стороне Иве, а Лили порицали и обвиняли в высокомерии и старались как-нибудь их примирить. Заура они терпеть не могли, ругали его всячески перед Лили, ругали и других ее поклонников, а Иве возводили до небес. Вот и сейчас нарочно вызвали обоих в одно и то же время — свидание устроили.

«Черти, придумали, а!» — улыбнулся про себя Иве. Но скрывать ему было нечего и признаваться, к искреннему разочарованию товарищей, тоже не в чем. Он сказал, что они с Лили виделись всего лишь раз со времени его приезда, и то случайно, и вот сейчас встретились второй раз — встретились благодаря им. Разговор был исчерпан. И тут он вспомнил про встречу с Дао.

— Я Дао встретил, ребята! — воскликнул он.

— Кого, кого? — переспросили в ответ.

- Да нашего Дао!..
- Какого еще Дао?..
- Да нашего одноклассника... На Ингурском вокзале...

На том конце провода никто не смог припомнить, о каком это Дао идет речь. Телефонистка в это время возвестила — «заканчивайте, ваше время истекло». Иве ничего другого не оставалось, как пояснить:

— Дао-вора я встретил, Дао...

— А-а! Он встретил Дао-вора, поняли?! Так бы и говорил! Где ж ты его видел? Что он делает? Опять такой же черный, не полинял? — посыпались вопросы.

Иве возненавидел себя в эти минуты. У него вконец испортилось настроение, ему хотелось швырнуть эту трубку. «Как вспомню, что меня вором окрестили! «Дао-вор»! Нет, теперь я этого не стерплю!» — сказал тогда Дао, а его бывшие товарищи, его одноклассники, никак не поняли, о ком идет речь, пока Иве не произнес этого прозвища!..

Они вышли на улицу и пошли вместе. Лили выглядела смущенной и недовольной.

— Уж и не знают, что придумать, — проговорила она ворчливо.

Иве промолчал.

- Так ты видел Дао-вора? — спросила Лили.
- Дао я видел, Дао! Какого еще вора! — вспыхнул Иве.
- Ну, Дао-курда, — усмехнулась Лили.
- Не вора и не курда, Дао, нашего одноклассника Дао!
- Да ладно, мне-то все равно.
- А ты его спроси, ему тоже все равно?..
- Он изменился?
- Н-ну... взрослый стал... похорошел.

Троллейбус остановился — это была их остановка, перед студгородком. Оба сошли с троллейбуса.

— В каком ты корпусе? — спросил Иве.

— В одиннадцатом.

— А-а, значит, ты ходишь с другого входа!

Они шли по неширокой улочке студгородка, и Иве собирался спросить что-то еще, как вдруг раздался довольно громкий оклик:

— Де-вуш-ка!

Оба обернулись. По другой стороне улицы развязной походкой шел Заур. Это его «де-вуш-ка» относилось к какой-то студентке, идущей впереди него, которая тотчас оглянулась и, просяив, остановилась, дожидаясь его.

И Лили, и Иве вспомнили, как совсем недавно там, в Сванети, Заур таким же точно голосом окликал идущую из школы домой школьницу... Этой школьнице льстило ухаживание смазливую разбитного парня, студента, приобщившегося к столичной жизни... Эта школьница, заносчивая и высокомерная, уверенная в своей красоте, принимала ухаживание Заура, он ей нравился, и она думала, что, конечно, и он влюблен в нее, и, уезжая в Тбилиси, где жил Заур, надеялась на то, что будет там окружена его вниманием. Да и в селе многие, кто знал об их отношениях, — а узнали, конечно, многие, — думали, что Заур только и ждет, чтобы Лили кончила школу и поступила в вуз, и они пожениятся. А что случилось у них здесь, в Тбилиси? Почему они не вместе, Иве ничего не знал, но и ничего, конечно, не спросил Лили. Только он никогда не видел ее такой: ссутулившись, Лили шла с опущенной головой, красная от стыда. Но вдруг она выпрямилась, подняла голову и заговорила о чем-то пустяшном, всеми силами стараясь, чтобы Иве ничего не заметил.

Элеонора громко смеялась. Широкою юбку ее белого платья то и дело развевал ветер, и она всякий раз порывисто схватывала ее, придерживая на коленях. Ветер трепал ее вьющиеся густые волосы, и было особенно красиво, когда она, смеясь, закидывала голову.

Они весело сбежали по широким ступеням парковой лестницы и пошли по аллее.

— Ты сегодня совсем необыкновенная! Прямо как фея какая-то, — сказал Джимшер, играя изящным маленьким ножичком на золотой цепочке.

— Благодарю за комплимент, — шаловливо улыбаясь, прощбетала Элеонора.

— Никайше прошу вас присесть на эту скамью, сударыня, которую я велел установить здесь специально для вас! — произнес Джимшер, останавливаясь перед садовой скамейкой.

— О, с превеликим удовольствием! Великолепная скамья, надо сказать! — в тон ему ответила Элеонора, садясь.

— Вообще-то давно пора работникам наших парков и садов подумать о более удобных скамейках. Все идет вперед, прогрессирует, развивается, совершенствуется, а это как было при царе Горохе, так и остается...

— Знаешь, милый мой, сегодня воскресенье, о серьезных проблемах завтра!

— О, простите, простите, сударыня! Запомнил! Итак, что вы изволите? Не желаете ли покататься на качелях? Вон как раз я вижу там самолет, который нас ожидает...

В глубине парка действительно взлетали вверх и падали книзу качели — самолеты, дирижабли и всевозможные экипажи. Там толпилось множество народу, слышался смех, вскрикивания.

Близ карусели находился тир. Здесь и дети, и взрослые с одинаковым азартом пробовали себя в меткости. Рядом соревновались в бросании кольца, которое почему-то летело по совершенно непостижимым законам. Были еще разные аттракционы, и всюду — масса народу, всюду весело, празднично.

— Дай-ка мне твой ножик, что ли. Или спрячь его, чего ты вертишь его в руках, будто это четки, прямо на нервы действуешь, — капризно проговорила Элеонора.

— Пожалуйста, пожалуйста, только осторожней, не поранься.

— Где ты его взял?

— Ну не начинай теперь клянуть — «подари да подари». Мне самому подарили.

— Подумаешь! Я вовсе не хочу его!

— Итак, во что мы садимся?

— В самолет! Знаешь, я ведь и не летала еще самолетом.

— Как раз и прорепетируешь, — засмеялся Джимшер.

Он купил билеты, и тут же подошла их очередь. Самолеты были разных цветов.

— Ты в какой хочешь, в голубой? — спросил Элеонору Джимшер.

— Ага, в голубой.

— Я больше всего люблю голубой цвет, — сказал Джимшер.

— Как наши реки, правда?

— Не только реки. Небо. Небо ведь у нас такое голубое! Я здесь никогда не видел такого неба.

Элеоноре так понравилось кататься, что они катались целых три раза подряд, не слезая. А когда они сошли и Элеонора ступила на землю, голова у нее пошла кругом, и она снова стала смеяться. В таком уж смешливом настроении была она в то воскресенье. И тут вдруг к ним подскочил какой-то человек приятной, располагающей наружности, с фотоаппаратом через плечо.

— Одну минутку, — сказал он, — одну минутку, прошу вас!

— Чего вам надо? — довольно резко спросил его Джимшер.

— От вас ничего, я прошу минутку внимания у этой девушки.

— А что случилось? — удивленно приподняв брови и сразу посерьезнев, спросила Элеонора.

— Я хочу сфотографировать вас, милая девушка, — пояснил человек. — Я фотокорреспондент журнала «Грузинская женщина», и нам для очередного номера необходимо фото на обложку, для первой страницы. Вы как раз подходящая натура.

— Ну еще чего! — прервал его Джимшер.

— О, вы знаете, у вашей спутницы очень фотогеничное лицо, и вообще она подходит по всем статьям!

Элеонора расхохоталась. Все это ей страшно польстило.

— Мы торопимся, — заявил Джимшер.

— Но это ведь недолго, — возразила Элеонора.

— Да, да, совсем недолго! Вот вы станьте сюда... ага, так! Улыбайтесь... левую ножку чуть-чуть вперед и в сторону... да, да! Внимание, раз, два...

В этот момент Джимшер стал между ними.

— Я не понимаю, что все это значит! — воскликнул он вне себя от возмущения.

— Да ведь я вам все объяснил! В конце концов, если желаете, становитесь и вы, становитесь! Да рядом с вашей девушкой, только чуть отступя! Будет отличная композиция! — нашел выход фотокорреспондент.

— Я не хочу! И ее снимать ни к чему!

— Да успокойся, бога ради! Ну иди, стань рядом со мной, — вмешалась Элеонора.

Кое-как Джимшер уgomонился и стал рядом с Элеонорой.

— Ну, раз, два... да смейтесь же, черт возьми! Если снимок не получится, милая девушка, вините вашего ревнивого кавалера! И вообще помните, что ваше лицо принадлежит вам, а оно у вас довольно красивое, послушайте меня, я в

этом деле кое-что смыслю! — и он щелкнул, успев до того, как Джимшер взорвался. Элеонора, страшно довольная, сияла.

— Вот вам мой координаты, — сказал фотокорреспондент, решив вступить в споры, и поспешил убраться.

— Выбрось эту дрянь, — велел Джимшер Элеоноре, указывая на бумажку с фамилией и редакционным телефоном.

— Ни в коем случае! — заявила та вызывающе.

— Ты что, собираешься звонить ему, что ли?

— О, ты правда ненормальный! Успокойся, вот, гляди, — и она, скомкав бумажку, выбросила ее в урну.

— Откуда он взялся! — бурчал Джимшер.

Элеонора молчала с обиженным видом.

— Аферист какой-то, тоже мне, фотокорреспондент!

Она продолжила молчать. Потом протянула Джимшеру его ножичек.

— Да пусть будет у тебя, мне он ни к чему, по правде говоря.

— И мне ни к чему.

Смешливое настроение, владевшее Элеонорой, куда-то исчезло.

Спустя недели две после того события кто-то принес в аудиторию свежий номер «Грузинской женщины». На первой странице обложки во весь рост красовались Элеонора и Джимшер. Она беззаботно смеялась, откинув красивую головку, а Джимшер стоял за ней довольно-таки мрачный и глядел исподлобья. Он явно нарушал радостный настрой снимка, который назывался «Веселое воскресенье». К тому же получился он довольно скверно, нос казался длиннее, чем был на самом деле, брови нависали. А фотокорреспондент-то оказался довольно известным в журналистских кругах, как выяснилось.

В тот день вся группа только и говорила, что об успехе Элеоноры — «прямо кинозвезда!». Сама Элеонора была страшно горда и довольна.

Последнюю лекцию читал молодой лектор. Ему тоже показали журнал, рассказали об истории снимка, конечно, не во всех подробностях — да и не знали они всех подробностей.

— А кто этот парень? — поинтересовался лектор. — Он весь снимок портит.

— Понятия не имею, — пожала плечами Элеонора.

Нелли, стоявшая рядом с ней, изумленно глянула на нее, но промолчала.

* * *

В аудитории стоял страшный шум. Так бывало всегда перед началом обшей лекции. Первокурсники носились взад-перед, точно как в школе. Резо Сопромашвили бегал между партами, гоняясь за какой-то девушкой, та, смеясь, ускользала, взвизгивая каждый раз, когда Резо оказывался слишком близко. У окна сгрудились поэты, читали друг другу свои новые стихотворения. Один из ребят погрязал целой кипой районных газет. Этот парень обычно больше всех разглагольствовал о поэзии и, по его словам, писал в день по два стихотворения. Он развернул одну из газет и протянул товарищам.

— Что это? — спросили его.

— Гм... — усмехнулся он с видом превосходства. — Столько же газет у меня еще дома хранится.

На третьей странице была напечатана фотография парня, «Савле Цивцивадзе, — гласил заголовок. — Новые стихи». И под ним — три стихотворения. Ребята с нескрываемым любопытством и интересом рассматривали фото — Савле был на нем красивее и как-то значительней.

Савле глядел на товарищей с гордостью — вот, дескать, знайте, кто я такой, многие из вас еще и одной публикации не имеют, а у меня и не сосчитать, сколько их. Ему и вправду позавидовали сейчас, стали лихорадочно обдумывать, в какую бы редакцию отнести свои стихи, где больше шансов их напечатать. На филологическом факультете полно было поэтов. Каждый из них твердо верил, что наступит день, счастливый день признания его таланта. А пока надо было, обязательно надо было добиться публикации, первого значительного шага. Это было их самой большой заботой. Они писали стихи, читали их и старались напечатать, а лекции были на втором плане.

В аудиторию вошел Амжандадзе. Его тотчас подозвали поэты. Он сидел второй год на первом курсе, но в поэтическом кружке претендовал на гегемонию.

— Гляди, на всю страницу его растянули, — показали Амжандадзе газету со стихами Савле.

Амжандадзе, искоса бросив взгляд на газету, невозмутимо сложил ее и сунул в карман Савле — дескать, разве настоящий поэт станет печататься в районной газете?

Савле опешил, улыбка так и застыла на его губах.

— Сам Георгий Леонидзе печатался в нашей газете, — проговорил он, придя в себя.

— А Терентий Гранэли печатался? — парировал Амжандадзе, выставляя уставившись на Савле.

— Кто бы стал его печатать!

— Кто бы стал печатать Терентия? Гм... — Амжандадзе усмехнулся, пожал плечами.

— А может, и печатался, — вмешался кто-то.

— Да покажите мне номера с его стихами, покажите!

— А тогда в районах и не выходили газеты, о чем спорите!

— Стихи Терентия вся Грузия распевала, — Амжандадзе распаялся все больше. — Вы еще не в состоянии постигнуть всю красоту его поэзии. Вас привлекают эффектные сентиментальные пустышки, вы и сами их пишете, да еще упиаетесь некоторыми юбилейвиришами, которые иные кропают по случаю! Поэт не должен терять вкуса к настоящей поэзии и не должен стремиться к шумихе вокруг себя. Я так считаю: пусть твоя поэзия крепнет, наливаются соком, а гоняться за минутной славой, чтоб тебя в газете напечатали, это недостойно, просто глупо. Вот когда твои стихи, как мачари, превратятся в вино и в один прекрасный день пробка из кувшина вылетит с шумом и сам кувшин треснет — вот тогда оценят по достоинству вкус вина твоих стихов! Пусть тогда выливается оно, пусть затопит все вокруг, правильно писал Тициан: «Стихи я сравниваю с лавиной!».

Амжандадзе никогда не читал своих стихов на вечерах и даже в кругу однокурсников. Ребята не знали, что у него за стихи, хорошие ли, плохие ли, и интерес к ним был от этого сильнее, интерес и некоторый страх — «а что если он всех нас за пояс заткнет?». Но пока что Амжандадзе только посмеивался, слушая других, и произносил сентенциозные речи. Темная лошадка был этот Амжандадзе: вот если он и вовсе не пишет никаких стихов, только притворяется и разглагольствует?..

Кто-то спросил раз и Иве, как он относится к поэзии. «Люблю слушать, когда читают хорошие стихи, — сказал Иве, — но сам не пишу». Два раза в неделю члены поэтического кружка филфака оставались после лекций, занимали какую-нибудь свободную аудиторию, и начиналось чтение, обсуждение, переходившее обычно в жаркие споры. Иве несколько раз побывал на этих поэтических собраниях.

...К группе молодых поэтов подошел Резо, подошел незаметно и громко пропел отрывок какой-то песенки, смысл которого сводился к тому, что, мол, напрасно они пытаются да еще и спорят.

— Писать стихи после Галактиона! — насмешливо проговорил Резо, обратив на себя всеобщее внимание. — Зря вы родились поэтами, это, видно, боженька ошибся, маху дал, поняли вы? — и он громко расхохотался, довольный своей шуткой.

Смех подхватили девушки, оказавшиеся поблизости. Девушки вообще всегда очень весело откликались на его шутки.

«Странный он какой-то», — подумал Иве. Резо чем-то не нравился Иве, он не мог и сказать чем, но в то же время удивлял его. Было чему удивиться: так, например, когда на семинаре по древнегрузинской литературе они проходили «Мученичество святой Шушаник», Резо вызвали отвечать, и он без запинки стал шпарить всю «Шушаник» с начала до конца. Притом он очень хорошо произносил древнегрузинские слова. Лектор слушал его с огромным удовольствием и, когда Резо кончил, спросил его:

— Сопромашвили, сколько раз вы это читали?

— Три раза, уважаемый, — ответил Резо, не задумываясь.

— Но это невозможно! — возразил изумленный лектор.

— Я прочел три раза, уважаемый, — спокойно повторил Резо.

Никто не поверил, но впоследствии то же самое повторилось с «Або Тбилели». Резо опять читал наизусть, и опять без запинки, уверенно и громко.

— Вы и это читали три раза? — заинтересовался лектор.

— Да, уважаемый, — невозмутимо и почтительно ответил Резо.

— Что ж, прекрасно!

— Я вообще всегда все читаю три раза, когда учу наизусть.

Резо вскоре стал притчей во языцех на курсе, а потом и на всем факультете о нем заговорили как об очень способном студенте.

...Иве сидел в сторонке от всех и переписывал задание с книжки, которую одолжил у Наны. Закончив, он спрятал тетрадку в парту, закрыл учебник и направился с ним к Нане. Нана стояла в окружении студентов отделения языка и литературы. Они беседовали о кардинальном для всех событии года — приемных экзаменах и о том, кто как их пережил. Одна студентка расска-

звала об экзамене по немецкому языку — дескать, мне полагалась пятерка, но эта ведьма Гофман поставила мне четыре, а еще вместе со мной сдавал один парень, я его буквально протащила! Иве показалось очень знакомым ее лицо. Он пригляделся. Вспомнилась ему и Гофман, и тот, председатель комиссии с лысой головой... «Определенно это та самая, которая вместе со мной отвечала и еле-еле на тройку вытянула... неужели же она говорит обо мне? Не может быть!..»

— Переписал? — увидев его с книжкой в руке, спросила Нана.

— Да, спасибо.

Та девушка, поглядев на Иве, вдруг смешалась и, сославшись на какое-то спешное дело, убежала.

Нана отошла от своих собеседниц, и они с Иве сели за свою парту. У Иве остался неприятный осадок.

Вскоре вошел лектор, и началась лекция.

— Моя сестра выходит замуж, ты придешь на свадьбу? — спросила его шепотом Нана.

— Если пригласят — отчего бы и нет, — тоже шепотом ответил Иве. — А когда это?

— Пока не знаю, отец должен решить. Я тебе скажу заранее.

Среди лекции Резо, вскочив, попросил у лектора разрешения выйти. Лектор удивленно на него воззрился.

— Какое время гулять, молодой человек, сидите и слушайте!

— Мне нужно выйти, уважаемый, — настаивал Резо.

— Вы не в детском садике, молодой человек! — лектор был возмущен, особенно тем, что Резо бесцеремонно прервал его лекцию на полуслове. — Садитесь! — он постучал карандашом по кафедре.

Резо попросил товарища, сидевшего с краю, пропустить его. Не дожидаясь, пока товарищ встанет, он протиснулся, вылез из-за парты и спокойно, как на прогулке, прошествовал к дверям. Не удостоив лектора взглядом, открыл двери и вышел.

— Сопромашвили, вернитесь на место! — крикнул лектор, но уже в закрывающуюся за Сопромашвили дверь.

Лектор вскочил разъяренный.

— Я не я буду, если не проучу его! — он раскрыл свой блокнот и что-то записал. — Я буду не я!

Лекция продолжилась.

— Что ты делаешь вечером? — шепнула Нана.

— Наверное, пойду заниматься в публичную библиотеку.

— А ты видел «Этот безумный, безумный, безумный мир»?

— Нет еще.

— Очень хвалят. Хочешь, пойдем со мной?

— Вторая парта, в чем дело? — полюбопытствовал лектор.

— Да я вот не понял... хотел спросить...

— Чего вы не поняли? Спрашивайте.

— В начале слова «йот» или обыкновенное «и»?

— Ну, конечно, «йот»! Итак, мы с вами познакомились с числительными до двадцати в адыгейском языке, все ясно?

— Да, уважаемый, абсолютно все ясно! — выкрикнул кто-то с задней парты.

— Ну-с, перечислите их по порядку! Вы, вы, на последней парте.

Студент — это оказался Амжандадзе — неохотно поднялся и только открыл рот, как, видимо, к счастью, раздался звонок.

— Чего тебе надо было на кавказском, не понимаю, — сказала Иве Нана, — будешь зубрить грамматику! А ты, кажется, не особенно ее любишь. Если бы мне так давалась писанина, как тебе, я бы обязательно пошла на журналистику. Ты и сейчас перейти можешь.

— Сванский язык мало изучен... Мне хочется что-то сделать в этом направлении. А журналистика... да что я там пишу! Какие-то информации...

— Не знаю, я вижу, что тебя часто в газетах печатают!

Иве смущенно улыбнулся и развел руками.

Вечером он сидел в университетском саду и ждал Нану. К нему подошли ребята. Он знал их, да не только он — весь университет знал этих вечных студентов если не лично, то просто так, в лицо. Они постоянно сидели на скамейках перед самым корпусом, зубоскалили, во всеулышание обсуждали проблемы «государственной важности». Многие из них учились на вечернем отделении, некоторые на дневном, а кое-кто уже закончил университет. «Вечерники» весь день были свободны, потому что нигде не работали, а окончив-

шие, видимо, тоже лоботрясничали и с утра раннего приходили сюда, в сад. Самые горячие споры в этой компании вызывали футбольные матчи. После очередного матча они ни о чем другом и не говорили. Обсуждались с пылом и международные встречи. Имена Пеле, Гарринчи, Эусебио в такие моменты сходили с уст. Причем многие переделывали Эусебио на грузинский лад — Эсебуа. Одной из забот этих «демосфенов» и «латонов» была и забота о хлебе насущном, иначе говоря, о ежедневной пирушке, на которую надо было, как правило, где-то раздобыть деньги. Это тоже все за ними знали.

Итак, один из ребят, длинный, тощий, как жердь, с встрепанными волосами, подошел к Иве.

— Чего делаешь? — приветливо спросил он.

— Жду.

— Чувиху, небось? — осклабился он.

— Нет, товарища.

— А, прости, прости, пожалуйста!

Иве по опыту знал, к чему сведется беседа и как она будет протекать. «Сейчас он скажет мне что-нибудь приятное», — подумал он.

— Ну и красотка шла тогда с тобой, а! Лань настоящая! И как ты умудряешься охмурять таких!

— О ком это ты?

— Да вот позавчера вечером ты шел с ней к студгородку.

— А-а, Нелли!.. Да, она славная девочка.

— Ну-ну, не притворяйся тихоней! Ты пользуешься таким успехом!..

Приятели его подошли поближе, скружили их и тоже улыбались, а на лицах их было написано нетерпение.

— Послушай, друг, одолжи мне немного денег, я проиграл, понимаешь, пари, верну на той неделе, — заискивающим тоном проговорил наконец парень.

— Иве! — услышал в этот момент Иве голос Наны. Она звала его, стоя у ограды.

Иве помахал ей в ответ рукой, поднялся поспешно.

— Я с удовольствием, да у меня у самого нету, понимаешь, — ответил он парню уже на ходу.

Группа «философов» проводила его недовольными и разочарованными взорами.

— Я опоздала? — спросила Нана.

— Нет, что ты!

Она взяла Иве под руку, и они зашагали по улице Меликишвили к центру. Рука у Наны была теплая, и тепло это постепенно стало обволакивать Иве. Идти рука об руку с ней было так приятно.

Им достались боковые места последнего ряда. Но это не имело никакого значения — главное, Нана сидела рядом с Иве. Он не очень-то следил за фильмом, хотя и глядел на экран, но мысли то и дело отвлекали его. А мысли были такие сладкие! И не мысли — мечты. Вот скоро кончится фильм, они с Наной выйдут из кинотеатра и, как все счастливые супружеские пары, направятся домой... Она накроет стол, заварит душистый чай...

Свет зажегся так неожиданно — он не заметил, как фильм кончился. Туман рассеялся. Да, Нана взяла опять его под руку, но все равно — она была далекая-далекая, и самое большее через час она уйдет к себе домой, а Иве побредет к себе... в пятикоечную комнату студенческого общежития и завалится спать. Он вдруг ощутил злобу на этот город, на эти сияющие чемпионы, на этих людей, которые так беззаботно и неторопливо разгуливали по проспекту. Все это показалось ему таким чужим, таким непонятным...

Они проходили мимо кафе. Стеклянные, без занавесей, стены обнажали весь зал. Там было полно молодежи. За столиками сидели парами, группами, пили кофе, ели мороженое...

— Войдем сюда, — сказал Иве Нане.

— В кафе? — она улыбнулась смущенно.

— А почему бы и нет? Приглашаю тебя на мороженое. Здесь очень хорошее мороженое.

В действительности он в жизни не заходил в это кафе и понятия не имел, что там за мороженое.

Они вошли, уселись за столик, едва отыскав свободные места. Официантка на удивление быстро подошла к ним и спросила, чего они желают.

— Принесите, пожалуйста, два по двести мороженого и бутылку шампанского, — заказал Иве.

— Ну что ты! — слабо запротестовала Нана, — Мы же только мороженое...

— Я никогда еще не пил за твоё здоровье, вот и выпью сегодня. Хотя од-
нажды во сне я пил за тебя, — улынувшись, добавил Иве.

— Это нехорошо, говорят, — заметила Нана и чуть покраснела.
— Что не хорошо, что за твоё здоровье пил? — удивился Иве.

— Да, во сне... сон нехороший...

— Ну, не знаю... сон был очень даже хороший.

Они молчали, пока официантка принесла мороженое и шампанское. Иве разлил по фужерам золотистое пенящееся вино.

— Это за тебя, — подняв бокал, сказал он значительно. Ему хотелось сказать какие-то особенные слова, но он ничего больше не нашел, только смотрел на Нану. Они чокнулись.

— Спасибо, — сказала она, — большое спасибо, — и улыбнулась.

— Знаешь, это был такой чудесный сон, — заговорил Иве, выпив.

Нана поставила на стол пустой фужер. Иве снова налил ей.

— А больше я уже не выпью, — сказала Нана. — Знаешь, я всего один раз видела сон, сны мне вообще не снятся. А тогда приснился наш соседский бульдог, будто он преследовал перепелку.

— И поймал?

— Ага, поймал, — она засмеялась.

— Воображаю, как он ее сожрал, бульдог-то!

— Нет, поймал и отпустил сразу.

— Я долго-долго пил за тебя, говорил тост...

— А я тебя слушала?

— Да, слушала... а потом...

— Потом ты проснулся.

— Нет. Я просто поцеловал тебя, — выпалил он одним духом.

Когда пришло время рассчитываться, Иве выложил из кармана все свои деньги. Хватило, слава богу. Даже на чаевые. Он был совершенно доволен, почти счастлив. Не существовало никаких «потом», никаких «сейчас». Он гулял с Наной по улице. Очень давно не пил он вина, и эти несколько бокалов шампанского приятно охмелили его. Они довольно долго гуляли, потом он проводит Нану до дому и отправился восвояси. Шел и напевал любимую песенку Дати-ко: «Знаю, знаю, ты нравишься многим, и глаза твои так глубоки...». Дальше слов он не помнил, но сейчас этого было достаточно. «Вот, оказывается, почему Дати-ко так часто пьет, — подумал он, — все чудесно!.. «Знаю, знаю, ты нравишься многим, но меня ты полюбишь потом!» — вспомнил он заключительные слова.

Шота возвращался домой. Выйдя со стройки, он прошел несколько шагов, остановился, обернулся и стал смотреть в здание, которое на его глазах, его трудами хорошоле день ото дня. Дворец спорта похож был на гигантский гриб. С четырех сторон окружали его мощные подъемные краны, которые беспрестанно работали, двигаясь с торжественной медлительностью. Они были похожи на цапель, тоже гигантских размеров. Был вечер, но стройка жила полной жизнью. Работали тут в три смены. Гремели, грохотали, скрипели механизмы — электромешалки, водокачки, грузовики-самосвалы. Перекрывая шум, кричали десятники. Проектора превращали ночь в день.

Поднимались, росли стены — и росли люди, строившие их. Мастерство рабочих совершенствовалось, шлифовалось день ото дня. Те, кто работал на строительстве, сроднились с ним, любили его, как свое творение. И близился день, когда по старинным неписаным законам грузинских строителей рабочие соберутся на торжественную церемонию «крещения» нового здания.

Шота долго стоял и смотрел на стройку. Две недели назад сюда со строительства больницы перевели каменщиков и каменотесов — начались облицовочные и прочие работы по камню.

Он не спешил домой — его ждала лишь пустая комната. Вместе с ним жил теперь только Мурман, а Мурман по вечерам уходил на лекции. Остальные обитатели их комнаты после недолгого пребывания на стройке взяли расчет — не понравилось. Они приехали из района, взялись за работу с охотой, да их охоты хватило на короткое время. Домой возвращались они усталые, измочаленные, но делали вид, что им все нипочем, пытались шутить и смеяться. А дней десять назад собрались и уехали обратно. А еще, помнится, с месяц назад, вселили к Шота троих ребят, так те раньше сбежали, всего несколько дней пробыли. Шота только диву давался, почему это люди убегают, что им тут не по нраву, не по душе. Для него стройка имела свою романтику, а усталость — да на то и работа, чтобы устать! Словом, на сегодняшний день из всех старых его соотарицей осталась один лишь Мурман, который с прежней увлеченностью орудовал молотом и не страдал от постоянной пыли, шума и грохота стройки.

Шота медленно побрел по тротуару. Лампионы на столбах напоминали медяные сосульки. Высокие дома по обеим сторонам улицы, казалось, уходили далеко ввысь и соединялись там, как свод, и Шота шел под этим сводом, словно по аллее. «Столько чудесных зданий выстроили люди... засветили ярко, празднично сиять эти лампионы... проложили удобные дорожки... а все равно так тоскливо и одиноко бывает человеку», — подумалось ему. Он остановился у дерева. Это было ясень. Шота погладил рукой теплый шершавый ствол, закрыл глаза. Ему вспомнилась Циури. В эту девушку он был так влюблен! Гм, был... Ему представилось, что они гуляют сейчас по улице. Вокруг полно людей, все больше влюбленные пары. И они идут рука об руку, он что-то тихо говорит ей, тихо-тихо, почти шепотом. Что-то ласковое и радостное. А она слушает и улыбается своей нежной улыбкой... Но это ему кажется, что она слушает, что она ему улыбается... Нет, она всю дорогу глядит в сторону, и вот, наконец, она высвобождает свою руку и ускользает, уходит от него... И все смотрят, как она уходит, а он остается один, и сердце его полно боли, невысказанной и от этого еще более глубокой боли. «Почему она покинула тебя?» — спрашивают десятки голосов. Да, почему, почему она покинула меня?! Вопрос остался без ответа.

Шота обхватывает дерево обеими руками, словно ищет опоры в нем. Улица безлюдна, но перед его глазами плывет множество лиц, и все спрашивают его — «почему она ушла? Почему она покинула тебя?». Закинув голову, он глядит в темное небо с бесчисленными звездами — далекими, сияющими, чужими... как глаза Циури, как ее улыбка.

...Шота вошел в свою пустую, неуютную комнату, не зажигая света, разделся и лег в постель. Он даже не знал, который час, может, и не время было спать, а может — давно пора.

Он лежал на спине и размышлял, что же это с ним. Может, потому, что работа на стройке подходит к концу, не сегодня завтра они закончат свое дело и перейдут на новый объект, а для Шота это всегда как-то болезненно. И может, потому обострилась тоска по Циури... Вдруг в дверь постучали. Стук был резкий, требовательный — не посторонний.

— Войдите, — не вставая, крикнул Шота.

Кто-то вошел.

— Что за сонное царство?

Шота узнал по голосу Иве.

— О, привет студенту! Привет! — он вскочил, включил свет. — Молодец, что пришел! Как ты, что делаешь?

— Да так... нормально. А у вас здесь что делается?

— Да тоже вроде все нормально. Новости есть, правда.

— Ну-у? Хорошие?

— Очень даже. Ты ведь знаешь, наш Акакий все хвастал, я, мол, да за мою работу, да то да се, меня на Кубу пошлют как передового. Ан нет! Вчера начальник управления вызвал к себе Мурмана, и что бы ты думал? Сказал, что от десятого управления поедет на Кубу он, Мурман! Так-то. И того не забыл, что мы для Мурмана отдельную комнату просили — вернешься, говорит, с Кубы, и встретит тебя твоя комната! Начальник молодец, правда? Знает, оказывается, что к чему, кто чего стоит!

Иве слушал с интересом. Он искренне порадовался сообщению.

— Молодчина Мурман! Свое дело делает!

— Ему здорово помог московский конкурс. Хорошо, что он решился и послал свой проект на этот конкурс. Первая премия, это, брат, не шутка!

— Хе-хе, Акакий-то из него вора делал, ведро клея помнишь? Вор клея — архитектор! Как это вам нравится? — захохотал Иве.

— Да, брат, правда всегда свое слово скажет.

— А сестра его здесь?

— Ясно. Куда ж она денется.

— Циури, да? Красивая девочка. А ты что скажешь?

— А чего говорить! Сколько раз уж сказано. Хорошая девочка.

— Ну и что?

— А что?

— Да ладно, будто уж я не знаю!

— Я тебя прошу, не говори со мной об этом. Ясно?

— Дело твое. Только мне, ты уж прости, ничего не ясно.

— Ну, словом, или она, или никто — для меня это так.

— Ох, брат, ты прямо Таризэл! Как есть Таризэл!

— Знаешь, если меня спросить, так все мы Таризэлы. Не всегда, конечно. Иной раз как не по-твоему вышло, махнешь рукой, и потом уж все равно...

— Я тебе сочувствую...

— Погоди, и тебя увидим в таком положении.
 — Опоздал ты, Шота, опоздал! Я давно это пережил. Ты верно сказал: не по-моему вышло, и я махнул рукой, отступился. Сказал себе своей дорогой, братец Иве.

— Счастливей ты человек. Так ты с ней не встречаешься, а?
 — Встречаюсь.
 — Да?.. И что?
 — Да ничего! Встречаюсь, разговариваю... как с одноклассницей.
 — А я помню, ты с ума сходил. Да и не так уж давно это было.
 — Ну, верно, сходил. Не сошел, видишь.
 — Неужели все так бесследно прошло?

— Сказать тебе правду, мне и самому не верится, но, кажется, так оно и есть. Недавно мы с ней вместе шли и видели Заура. Помнишь, я тебе рассказывал об этом Зауре. Так вот, Заур за какой-то девицей волочился... как всегда, впрочем. А ты же знаешь, Лили верила, что он ее одну любит, ее одну и ждет, вот придет она сюда, и они поженятся. Я и сейчас не знаю, любила она его или так, гордыню свою тешила... Словом, увидала она эту сценку... Правду говорю тебе — пожалел я ее по-настоящему, знаешь, по-человечески. Она же гордая такая, а тут такая стала... сжалась вся, передать тебе не могу!

— Теперь она иными глазами на тебя глянет.
 — Не говори этого. Теперь не имеет значения.
 — Э-э, не зарекайся, Иве, наперед трудно сказать. Потому что, я ведь помню, как ты ее любил.
 — Любил, говоришь?.. Черт знает, я и сейчас не пойму, любовь то была... Может, любовь вообще совсем другая?..

— Полно врать-то! Такая она, никакая не другая.
 — Хорошо, будет об этом. Поговорим о других делах. Меня вот братья очень беспокоят, езжу туда, правда, не часто, да что! Как поеду, расстройство одно... жалко мне их, да выхода-то не было.

— Правильно, не было. Что делать, потерпи, встанешь на ноги, может, какое жилье себе выхлопочешь — возьмешь их к себе, как бы то ни было, а все равно так лучше, ведь дома для них что... и матери тяжелее...

— Да. Хочу вот съездить на днях, не знаю, как получится.
 Они поговорили еще о своем житье-бытье, потом Иве спохватился — оказалось, уже около полуночи, обоим надо было рано вставать.

В воскресенье собрались ехать в горы, в Зедзени, — Иве, Нелли, Элеонора, Резо, Нана и другие ребята из семьсот четырнадцатой группы. Встретиться решено было возле вокзала, перед главным входом. Собрались почти все, ждали Элеонору и Резо. Наконец они появились — оба ехали одним трамваем.

— Прибыли! Ну, все в сборе, пошли!
 — Ой, ребята, Резо стихи сочинял в трамвае, уморил! — со смехом рассказывала Элеонора. — Вот прочти, Резо, сам прочти!
 — А что, отличные стихи! Слушайте! — Резо встал в позу чтеца:

Веселимся, веселимся мы земли поверх
 И стремимся мы, стремимся завсегда наверх!
 А вверху встречает нас
 Наш профессор-козопас!

— Что, плохо? Наш любимый Кития разве не похож на козопаса?
 Это был тот самый лектор, с которым у Резо произошел конфликт по его же вине. Ребята посмеялись, конечно, особенно когда Резо заявил, что будет читать эти стихи на очередном собрании поэтического кружка. При этом он бросил многозначительный взгляд на Савле.

В общем вагоне яблоку негде было упасть. Ехали с огромными корзинами, с деревянными доисторическими чемоданами, которые только и встретишь что в пригородных поездах. Город — деревня, деревня — город — так проходит жизнь многих и многих. Повезти в город, привезти из города... Чемоданы, корзины, бурдюки, кувшины, бутылки, оплетенные прутьями, — все они, точно облака, кочующие по небу, сегодня они над городом, а завтра, глядь, — над деревней...

Иве стоял в проходе. Почти рядом с ним стоял Резо. Иве смотрел на него изучающе. Он недолюбливал Резо за его развязность, особенно в отношении к девушкам, за его самоуверенный и нагловатый вид и все поведение. Но что он действительно способный и начитанный парень, Иве не мог того

за ним не признавать. И внешне привлекательный, правда, одежда играла не последнюю роль в его облике. А уж с Наной Резо держится чересчур, миллиарно. Иве вдруг почувствовал страшное раздражение. «Ревнуют тогда когда любят», — вспомнилась ему где-то прочитанная фраза. А-ах!.. Нет, Резо определенно ему не нравится. Позавчера тот самый профессор жаловался декану на Резо. Декан качал головой, делал сокрушенный вид. Потом поглядел на Резо, проговорил раздумчиво по-латыни: «Человеку свойственны слабости» — и удалился. Так профессор и остался ни с чем. Девчонки стали восхищаться деканом: «Ах, какой человек! Другой бы на его месте поддержал коллегу, несмотря ни на что, а этот, видали?». «Да, да, за студента заступился! Молодец!». Но все же интересно, что шептал декан профессору? Это было замечено, но осталось неизвестным.

Иве почувствовал, как кто-то взял его под руку. Он глянул — это оказалась Нелли, раскрасневшаяся больше обычного, она смотрела в окно, на пронсившиеся мимо холмы, равнины, роци. Иве перевел взгляд на Нану. Резо стоял рядом с ней, обнимая за талию. Нана сняла обнимавшую ее руку, но Резо, ухмыляясь, что-то стал ей нашептывать, Нана заулыбалась, а он снова ее обнял за талию.

На каком-то полустанке в вагон поднялась женщина с ребенком. Женщина была черноволосая, смуглая до черноты и сама во всем черном, очень худая, и ребенок — ему было лет пять — тоже был худ и черняв. Ребенок заплакал — в тесноте, сжатый телами чужих людей. Они стояли в тамбуре, и женщина все пыталась пролезть в вагон, верно, надеясь на то, что кто-нибудь уступит ребенку место или на колени возьмет. А малыш тем временем разревелся, требовал, чтобы мать взяла его на руки. Мать не в состоянии была этого сделать, она все увещевала ребенка, старалась успокоить ласковыми уговорами и посулами. Потом обратилась к пассажирам, осторожней, дескать, ребенка совсем задушили. Какой-то сублильный парень поучающим тоном стал ей выговаривать, мол, куда ребенка тащишь в такую давку, дома надо ребенка оставлять или на такси ехать.

— Поди ко мне, малыш, — обратился к мальчугану Иве.

— Не хочу! — испуганно закричал тот и стал тормозить мать, проситься на руки.

— Поди к дяде, сыночек, поди, это хороший дядя! — принялась уговаривать та.

— Не хочу! Я к тебе хочу, на ручки хочу-у!

— Далеко едете? — спросил Иве.

— Нет, батоно, недалеко, в Каспи.

— Ну, еще ничего, скоро и Каспи. А то, правда, такое творится!

— Я его к врачу возила, утром раненько поехали...

— Пройдите сюда, здесь вот местечко посвободнее, — Иве и Нелли потеснились. Нелли теперь всем телом прижималась к нему и молча слушала его разговор с женщиной.

— Тебе не очень неудобно? — обратился он к Нелли.

— Нет, — чуть слышно вымолвила она.

Иве было не по себе от близости Нелли. Правда, иначе они и не могли стоять, их стискивала со всех сторон толпа, но он чувствовал волнение Нелли, оно передавалось и ему. А ребенок заплакал с новой силой. Иве высвободил свою руку из Неллиной руки и, повернувшись, отеснил людей от ребенка. Тот вскоре замолчал. «Сейчас Метехи», — подумал Иве. Перед глазами его встали братья. Он столько времени не виделся с ними! Как-то они там? Он все собирается, но то одно, то другое мешает, а сейчас ведь рукой подать до них!.. Зедазени и в другой раз повидать успеется...

— Уж так мы вас обеспокоили, батоно, — обратилась к Иве женщина.

— Ну что вы, что вы!

— Нынче олимпиада, а мой старший участвует, вот мы и торопимся, — объяснила она.

— Олимпиада?

— Да, сегодня в час дня начинается.

Иве отправлялся к братьям обычно со станции Метехи — сходил с поезда и добирался пешком. Это было удобнее, чем от Каспи. Но сейчас братья, вероятно, находились в Каспи, и он зря тащился бы по пыльным проселкам. Ему захотелось сказать этой женщине, что и его братишки участвуют в олимпиадах, но он сдержался — к чему ей это!

— Вы из какой деревни? — спросил Иве.

— Из Ностэ, батоно, с родины Георгия Саакадзе, — с достоинством отвечала та.

И Ностэ, и Ахалкалаки находились довольно далеко от центра. Иве никогда не бывал в Ностэ, но слышал, что это богатое, красивое село.

— Мы и сами из рода Саакадзе, — продолжала женщина.

Поезд замедлял ход.

— Приехали! Сходим! — раздался голоса ребят.

— Где семьсот четырнадцатая?! Сходим!

Поезд остановился. Поднялась суматоха, пассажиры спешили к выходу, а с перрона пытались подняться в вагон. Иве стоял на месте, не собираясь выходить из вагона. «Еще две остановки, — думал он. — Две остановки, потом пешком...» Потом он увидит, как его братья выходят на сцену, дуют в трубы что есть мочи. Он улыбнулся про себя: его братья — музыканты!..

Поезд тронулся. Стало свободнее. «А тот тип доказывал, что никакие трубачи из них не выйдут, — вот и нет! Вышли! Да еще на олимпиадах участвуют!»

Он опять почувствовал знакомую руку на своей руке. Оглянулся — Нелли стояла рядом с ним.

— А ты чего не сошла? — удивился Иве. — Все сошли, куда же ты едешь?

Она молчала и глядела в сторону. Монотонно стучали колеса. Мимо пронесся встречный скорый поезд, заглушив своим грохотом все голоса, все звуки в вагоне. Нелли стояла, не глядя на Иве, сжав свои тонкие губы, и все-таки было заметно, как они дрожат.

Был воскресный день, один из солнечных теплых дней мягкой тбилисской осени. В саду гуляли дедушки и бабушки с внучатами. Детишки держали в руках воздушные шарик, красные, голубые, зеленые, или ведерки с лопаточками для песка и важно ковыляли рядом со взрослыми. В глубине сада вокруг бассейна с фонтаном гуляло и сидело на скамьях множество народу. В бассейне плавали рыбки — несколько маленьких золотых и одна большая. И взрослые, и малыши с равным интересом наблюдали за ними.

Перед въездом, на большой клумбе, молодой агроном-декоратор, опустившись на одно колено, чертил что-то на доске, потом промерял землю сантиметром, снова чертил. Иве сидел неподалеку на скамейке и ждал Нану. На этой скамейке в будние дни обитали университетские «биржевики», но сегодня было воскресенье, их никого в саду не найти. Иве ждал Нану с минуты на минуту. Белые и сизые университетские голуби расхаживали вокруг, уверенные и медлительные. Вдруг большинство из них разом взлетело, словно решив поразмяться, и, описав широкий круг, они уселись на карнизе здания. По воскресеньям университетский сад целиком переходил в распоряжение детей, пенсионеров и голубей. Здесь царил особая, совершенно непривычная для Иве тишина, которую нарушали, вернее, лишь подчеркивали уличные шумы, доносившиеся как бы издалека.

Иве ждал с нетерпением, то и дело оборачивался на калитку. Его очень огорчало, что он не успел побриться. Идя сюда, он заглянул в парикмахерскую и обнаружил там, в кресле, Арчила Арчиловича! Иве сразу его узнал, не смотря на то, что с того далекого дня не встречал ни разу. Арчил Арчилович будто еще более пополнил, живот его вздымался чуть не к подбородку. Но галстук красовался, как и тогда. На нем был черный лавсановый костюм, модные черные же туфли. Он сердито покосился на Иве, но не узнал его.

«Интересно, устроил он в вуз свою младшую дочь? И что подельывает тот «бродяга» и «шалопай», его зять-моряк? Верно, уже зять он теперь, хватит жениховаться. Как они, ладят между собой?» — с усмешкой подумал Иве. И словно в ответ на его мысли парикмахер с угодливой улыбочкой обратился к своему клиенту:

— Арчил Арчилович, когда изволите свадьбу играть?

— Ты делай свое дело, делай, — пробурчал Арчил Арчилович. — у меня уж спина застыла сидеть тут у тебя, — и он вытянул свою толстую шею, подставляя ее парикмахеру, будто парикмахер должен был ее отрезать.

— Вы нынче что-то не в духах. Арчил Арчилович, — все так же улыбаясь, на смешном грузино-армянском тбилисском «языке» проговорил армянин-парикмахер.

— «Не в духах, не в духах!» Ты брей, брей!..

— Вартануш! Варта-ан! Горячую носи, горячую! — крикнул парикмахер.

Иве сел дожидаться своей очереди — после Арчила Арчиловича. Парикмахер не торопился. Выбрав тщательно своего неразговорчивого, но, по всему видно, старого клиента, он сделал ему компресс, легко промассировал шею, напудрил. Да, он знал свое дело, а кроме того, относился к Арчилу Арчиловичу с особым почтением и радением.

Иве не опаздывал, но ему хотелось прийти на место встречи на полчаса раньше. Он посидел бы там, в саду, подумал бы. За полчаса можно обдумать столько вещей, поразмышлять о многом. Обычно он так и делал. Строил

планы, мечтал... Но когда появлялась Нана, он забывал обо всем. Забывал то, о чем только что думал — куда пойти с ней, что ей сказать. Робость охватывала его, он терялся и смущался. А она всегда рассказывала ему какие-нибудь новости. Раз даже показала обнову — красивые разноцветные бусы.

— Погляди, какая красота, — сказала она. — Это бенгальские бусы, привез мне в подарок из Индии жених моей сестры.

Обыкновенно они шли в кино, потом расходились по домам. По дороге обсуждали увиденный фильм. А Иве очень хотелось зайти с Наной куда-нибудь в парк или сад, хоть в сквере посидеть, где под тенью деревьев, в таинственном полумраке, наполненном шепотом множества влюбленных пар, Иве был бы смелее, мог бы говорить о самых разных вещах, был бы откровенен... Но Нана считала, что после кино поздно куда-либо ходить, и стремилась домой.

Но на следующий после такого вечера Нана смеялась и болтала с Резо, будто и не помня об Иве. Ему казалось, что Нана ведет себя свободнее, непринужденнее с Резо, нежели с ним. Конечно, Резо лучше развлекал ее, он без конца рассказывал всякие истории, анекдоты, кого-то забавно копировал, конечно, Нане было веселее с ним.

И Иве все больше боялся чего-то неясного, неосознанного, чего ему и не хотелось осознавать.

...Парикмахер наконец кончил церемонию бритья Арчила Арчиловича. Напоследок, после горячего компресса, он опрыскал его духами, смазал смягчающим кремом, пригудрил и, артистически сдернув с него белоснежный передник и делая соответствующий жест, проговорил галантно:

— Прошу, Арчил Арчилович!

Арчил Арчилович молча грузно вылез из кресла, извлек из кармана бумажник, из бумажника трешку и молча же протянул ее парикмахеру.

— Сдачи, сдачи, Арчил Арчилович! — засуетился парикмахер.

Арчил Арчилович только рукой махнул — что, дескать, за глупости.

— Ну спасибо, Арчил Арчилович, благодарствуйте!

Иве быстро подсчитал, что, дай он парикмахеру хотя бы рубль (тоже, правда, многовато за бритье!), на билеты в кино его средств уже не хватит. Но ведь не дашь парикмахеру сорок копеек после великолепной трешки Арчила Арчиловича! И Иве тихонько выскользнул из парикмахерской.

— Твоя очередь, куда ты! — завопил вслед парикмахер, но Иве, будто не слыша, даже не обернулся.

«Куплю электробритву или, в конце концов, обыкновенную безопасную и буду бриться сам, чего ради всякий раз таскаться в парикмахерскую! — думал он, шагая к университету. — Шалук, Рони, Ираклий — все дома сами бреются, а я что дурака валяю!»

Посрамленный и пристыженный, он торопливо шел, приподняв и ссутулив плечи, словно отгораживаясь от взглядов, хотя никто на него не смотрел. И только очутившись в университетском саду, среди зелени, мирного лепета детишек и гугуканья голубей, он позабыл о своем конфузе.

Иве долго сидел на скамье, углубленный в размышления. Потом провел рукой по щеке — м-да, надо, надо было побриться. Он не любил, когда у него отрастала щетина, рыжеватая и колючая. Не хотелось показываться Нане в таком виде, да теперь уж ничего не сделаешь. Он встал, прошелся к клумбе перед парадным въездом — там все еще возился агроном. Оказалось, он складывал из цветочной мозаики портрет Важа Пшавела.

— Что это за растение? — постояв, заинтересовался Иве, указывая на зеленовато-серебристую травку, коростенькую и курчавую.

— По-латыни седум называется. А это вот хлорофоллия, а это — тетранцерера, — с живостью и охотой ответил агроном.

— Хорошая у вас профессия, занятная.

— Да как сказать... Мне-то нравится. А вы, видно, здесь учитесь?

— Да, в университете.

— А на каком факультете?

— На филологическом.

— Хороший факультет. Что ж, земные пласты изучаете?

— Нет, языки! Кавказские языки.

— А-а, я не расслышал, решил, что вы на геологическом. Языки, значит? Кто же все наши языки кавказские разберет! Сколько их!..

— А об Арнольде Чикобава не слышали или еще вот Варлам Топурия...

— Ну как же, как же, слышал. Только сам я далек от этого, вы уж простите. У меня работа легкая, не получается или ошибся — выкопал, заменил, поменял местами... главное — цвета со вкусом подобрать и иметь рисунок.

— Впервые вижу агронома-декоратора.

— У нас в городе работы для агронома-декоратора непочатый край, да мы почему-то не жалуем эту область, внимания не обращаем, а ведь можно

такую красоту создавать — и глазу и душе отрада будет. В других местах, ну, я имею в виду за пределами Грузии, и условий таких благоприятных нет, а чего только там не придумывают! Я вот ездил в Киев, в Прибалтику...

— Да конечно... верно...

Иве глянул на часы и потерял всякий интерес к беседе: «Нана должна была сейчас прийти. Нет, невозможно показываться ей в таком виде!».

— Знаете, сюда придет девушка... — обратился он к собеседнику. — Наверное, спросит вас, не ждал ли ее парень... это я... так вы скажите, что никого не видели, хорошо?

Агроном взглянул на него с удивлением.

— Пожалуйста. А какая она из себя, ваша девушка?

Иве описал Нану как мог.

— Я, понимаете ли, опаздываю... неожиданно такое дело...

— Пожалуйста, я скажу... если, конечно, она спросит меня.

— Да, да, прошу вас.

Он спешно повернулся и пошел прочь — к другому, противоположному входу в сад.

Дома никого не оказалось. Серго, конечно, на свидании — по воскресеньям у него как закон свидание. Ираклий уехал на экскурсию в Ереван. А Шалук и Роин, конечно, в библиотеке, где же они могут быть! Роин по воскресеньям либо спал, либо находился в библиотеке. Иве не знал, чем бы ему заняться, куда себя девать. Настроение было испорчено. Он прилег на свою кровать, взял книгу, пытаясь отвлечься, но буквы прыгали перед глазами, а уж о смысле такого чтения говорить было нечего. Он отложил книгу и устался в потолок. Потолок был чисто выбелен, как и стены. У них здесь вообще чистенько, опрятно. Недавно управляющий студгородком попросил Иве написать что-нибудь о жизни-бытье студентов в общежитии (они с управляющим были хорошо знакомы); Иве не отказал, написал небольшую, но теплую статейку, отнес в ту самую газету, где его уже не раз печатали. Завотделом прочел, одобрил. Незаметно они разговорились, завотделом слово за слово узнал почти все об Иве, о его братьях. Иве не утаил того, что он хочет перевести братьев в тбилисский детский дом или интернат, чтобы они были поближе. Заведующий сказал вдруг: «погоди-ка» — снял трубку и стал куда-то звонить. После недолгих переговоров он повесил трубку и сообщил Иве, что вообще это очень и очень сложное дело, но попытаться можно, авось, что-нибудь получится. Потом дал Иве задание — сходить на шелкоткацкую фабрику, посмотреть там и написать очерк — тему, говорит, подбери сам, предприятие это передовое, найдется кое-что интересное.

Иве дали справку о том, что он направлен на фабрику редакцией, и пожелали удачи. Он походил по фабрике часа три, пришел туда и на следующий день, потом еще звонил, уточнял кое-какие детали и в итоге написал очерк. Это было вчера. И вот сейчас он взял свою рукопись и принялся читать и править. Работа его так увлекла, что он постепенно забыл обо всем. Вдруг в дверь постучали. На его «войдите» на пороге распахнувшейся двери показались Нана и Нелли.

Иве опешил. Нана никогда не приходила к нему.

— Привет!

— Привет... Входите... садитесь вот сюда...

— Спасибо.

Девушки сели.

— Чего это ты такой бледный? — спросила, в упор глядя на него, Нана.

— Да не знаю... мне чего-то нездоровится сегодня... и голова болит, — соврал Иве.

Нелли вскинулась, участливо посмотрела на него.

— Бедный мальчик, заработался, — шутливо проговорила Нана. — А ведь если бы не Нелли, я тебя и не нашла бы.

— Да мы же с Нелли соседи.

— Я пойду, пожалуй, — заговорила Нелли.

— Да погоди, я ведь тоже иду, — возразила Нана.

— Нет, я пойду, меня Элеонора там ждет, — она встала и, не прощаясь,

вышла.

Иве и Нана остались одни.

— Я тебя битый час ждала, — укоризненно проговорила Нана.

— Я же говорю, нездоровится очень...

— А чего ты не брешься или в монахи собрался?

— Да ну, три дня всего как брися..

— Бриться каждый день надо. Ну хотя бы через день, самое крайнее.

Вот мой отец каждый день бреется, у него уж сколько лет один и тот же парикмахер.

- Кошмар!
- Да уж тебя ничем не прошибешь!
- Иве улыбнулся, провел рукой по борде.
- А куда вы в тот день укатили?
- Вылезти вовремя не смогли, вагон был битком набит... потом я сошел в Каспи, навесил родственников.
- Гм, вылезти не смогли... Все остальные почему-то вылезли. Что ж, очень даже подходящая девочка. Смазливая.
- Ты это о ком?
- О Нелли, о ком же еще!
- Да что с тобой, господи, совершенно случайно все это вышло!
- Иве не хотелось, чтобы она что-нибудь такое подумала, но в то же время он ни за что не сказал бы ей, зачем он сошел в Каспи и где находятся его братья. А иначе и вправду получалось что-то не то.
- Случайно? Не прикидывайся простачком!
- Говорю тебе, а ты как знаешь.
- Все мы беспокоились, что с вами стряслось. Я потому, собственно, и спросила.
- Хорошо было в Зедазени?
- Чудесно! Мы замечательно провели время. Ты много потерял.
- Я очень жалею, но что ж...
- Резо нас уморил, обхохотались мы... Хотя под конец он же все удовольствие испортил. Но это было уже в Тбилиси. Он подрался с кем-то на улице из-за пустяка.
- Ты с Резо хорошо спелись.
- Ох, ты не знаешь, какой у него легкий характер. Да, я с ним дружу, что ж в этом дурного, боже мой!
- Иве нервно потер руки. Ему было не по себе — ругать кого-либо заглазно было не в его правилах, но сдержаться он не мог.
- Нет, ничего дурного. Только этот твой Резо чересчур уж рукам волю дает. Впрочем, какое мне дело!
- Нана покраснела.
- Я не такая грубиянка, как Нелли, чтобы кулаками размахивать на шутки, — проговорила она неровным от волнения голосом.
- Кулаки ни при чем. Но ведь ты с ним не танго танцуешь, чтобы его рука обвивала твою талию!
- Нана еще более покраснела, глаза ее налились слезами.
- Может, ты считаешь его поведение сугубо джентльменским? — продолжал распалаться Иве.
- Бессовестный! — выкрикнула Нана. — Ты совершенно бессовестный!
- Хотя, конечно, какое мне до этого дело! И вообще это никого не касается, если хотите, целуйтесь у всех на глазах, кому какое дело, наконец!
- Бессовестный, как ты можешь так говорить! Как ты смеешь!
- Только я с вами в одной компании ни за что никуда не пойду и не поеду, вот и все! Мне противно смотреть на это!
- Хорошо, хватит, — сказала вдруг Нана спокойно и, встав с места, подошла к нему. — Не надо так говорить. Я тебя очень прошу.
- Она села рядом с ним. Взяла его за руку.
- Не будем ссориться, хорошо? — сказала она, заглядывая ему в лицо и стараясь поймать его взгляд.
- Иве сразу смяк, весь его гнев улетучился. Нана сидела рядом с ним! Правда, в кино они всегда сидят рядом, но то в кино, иначе-то и не сядешь, а вот так... они были одни, и она сидела рядом! Он почувствовал, как сильно колотится у него сердце.
- Нана подняла руку, ласково провела по его щеке ладонью.
- Нет, Иве не сожалел о том, что он ей сейчас наговорил, и о тоне своем не сожалел. Должен ведь он был высказаться, наконец! Пусть все знает! Пусть поймет! Но теперь он сидел как статуя — не двигаясь, не шевелясь, замерев от того, что она — рядом.
- А Нана гладила его по щеке. И вдруг Иве стало как-то неприятно, ему показалось, будто Нана опять укоряет его за то, что он небрит. Сейчас укоряет!.. Он встал, подошел к окну.
- В нашем клубе идет новый фильм, «Бесхарактерный мужчина», — заговорила Нана. — Ты поведешь меня?
- Пошли.
- Иве сложил листки с очерком, спрятал их в папку. Достал из шкафа костюм.
- Я сейчас переоденусь. Ты где подождешь, внизу?
- Да. Только быстрее, там уже много народу, вдруг билетов не хватит.
- Хватит. Я мигом...

С утра лил дождь. Сюда, в этот тихий огромный зал доносился шум бежавшей по водостокам воды, еще более подчеркивающий уют и тепло зала.

Лили сидела в самом конце, возле окна. Порой она поднимала голову, от раскрытых перед ней книг и тетрадей, обводила глазами сидящих вокруг себя, она танавливалась на знакомой фигуре метрах в трех от нее, через столлик, в правой колонке. Надо же, чтобы и он оказался сегодня здесь, в этот дождливый воскресный вечер. И так близко! Но так далеко от нее... Лили сидела здесь часа три. Когда она пришла, Иве был уже в зале, но он не видел ее, не видел, как она прошла чуть не в двух шагах мимо него — он был весь поглощен тем, что читал. А Лили так хотелось, чтобы он увидел ее и заговорил с ней, чтобы просто поболтать с Иве, — после той встречи на междугородной они, можно сказать, и не виделись, если не считать несколько мимолетных встреч на улице. Прощи, поздоровались друг с другом — и все.

Лили старалась углубиться в чтение, старалась думать о чем-нибудь другом, но ей никак это не удавалось. Она и в окно взглядывала, на окна противоположного дома. Они были ярко освещены, через кружевные занавеси виднелась большая люстра. Кроме этих окон все было темно. И еще был виден ветер — да, именно виден, потому что Лили только видела, как шевелятся на фоне освещенных окон ветви дерева. «У нас к вечеру погода обязательно меняется к лучшему. Если днем шел дождь, так к ночи всегда ясно, выходят звезды». — думала Лили. «Впрочем, что мне с того, идет ли дождь, светит ли луна, ветренно или тихо... Что мне с того!.. Я сижу здесь, в тишине, в тепле, потом сяду в троллейбус и доберусь до дому так, что и ног не замочу. Но все-таки не люблю я дождь. А у нас про дождь говорят — солнце плачет. Слезы солнца... хорошо ведь сказано!» Но взор ее все время убегал к Иве. Это стало ее злить. Она встала, обошла свой столик, вплотную подошла к окну и выглянула на улицу. Лучше бы не выглядывала! Внизу, напротив, подъезд дома был ярко освещен. В настежь распахнутые двери она, как на экране кинотеатра, увидела: Заур и девушка... они стояли друг против друга. Девушка была стройная, гибкая, высокая. Лили хорошо было видно ее лицо. Оно показалось ей знакомым. Ну да, это та самая, за которой он бежал в тот день, когда Лили с Иве возвращались с междугородной!.. Заур стоял в своей излюбленной позе — подбочась и чуть согнувшись в плечах, отставив вбок одну ногу. В руке у него была сигарета. Он без конца размахивал этой рукой и что-то говорил девушке. Та время от времени покачивала головой.

Лучше бы она не выглядывала на улицу! Хорошо, что Иве этого не видит. Она отошла, как побитая, села за свой стол. Нет, Иве все так же погружен в свои книги. Он ничего не знает. Даже того, что она, Лили, сидит в каких-нибудь нескольких шагах от него и сторает со стыда. Впрочем, при чем тут стыд?.. Она ведь не совершила ничего постыдного. Но она верила в искренность человека пустого и лживого! И кичилась его вниманием, его ухаживанием. Ловелас, никчемный ловелас! Опозорил ее перед всеми, перед всем селом! Все думали, что она станет его женой... Ах, какое имеет значение, что они думали, главное — вот там, на улице... и Иве здесь, возле — но за тридевять земель!

Она встала, тряхнула головой, как ни в чем не бывало собрала свои книги, тетради и тихонечко, стараясь не привлечь ничего внимания, вышла из зала. Единственное, что ей очень хотелось сейчас сделать и чего она все-таки не сделала — хотя могла, свободно могла! — это еще раз посмотреть на них там, в освещенном подъезде. И когда вышла из библиотеки — могла пройти по той улице, но свернула в сторону.

Разбитая, пониженная, шла она к троллейбусной остановке. И это будет всегда? Всегда она будет наткаться на Заура? Что ж, ничего удивительного, ведь он учится в том же университете, ходит по тем же или почти по тем же улицам, что и она... Лили казалось, что она больше не выдержит. Ее самолюбие было жестоко ущемлено, она чувствовала себя униженной, оскорбленной, вплеванной.

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Окончание следует

ДЕТИ ЕКАТЕРИНЫ

● Роман-хроника

Илья выступал с обычной сдержанностью, говорил, что темные силы воспользовались случаем и стремятся растоптать грузинское крестьянство.

— Мы никому этого не позволим, — говорил Илья, — крестьянство — столп Грузии, краеугольный камень нации, и наш долг беречь кормильцев страны, относиться к ним с большим уважением. Что было — было. Наша ошибка в том, что мы не сумели стать во главе разбушевавшейся стихии. Восставшие тоже часто впадали в крайности. Но сейчас нам надлежит спокойно взвесить все, что происходит в наших городах и селах.

Долго говорил Илья. Потом он представил собранию Тамару Багратиони, председательницу комитета помощи пострадавшим.

Тамара была уже далеко не молода, но былая прелесть сохранилась в ее лице. Недаром ее внешность часто сравнивали с прославленной красотой ее тетушек — Нины Грибоедовой и Екатерины Чавчавадзе. Говорили также о том, что, когда семья Давида Чавчавадзе попала в плен к горцам, Шамиль более всех баловал самую красивую из детей — маленькую Тамару, ласкал ее, задаривал сладостями. Овдовевшая Тамара двадцать лет провела за границей, воспитывая там своих дочерей — Элисабед и Екатерину, переезжая из Парижа в Рим, из Рима в Венецию, в Дрезден... Возвратившись в Грузию, Тамара много сил отдавала собиранию древних рукописей и произведений искусства, а также активно включилась в общественную деятельность. Илья Чавчавадзе сделал Тамару Багратиони постоянным членом Общества по распространению грамотности. Теперь Тамара представляла комитет помощи пострадавшим, от имени которого и взяла слово.

Саломе с нескрываемым удивлением взирала на женщину-оратора. Постепенно, подлав под обаяние Ильи и Тамары, заразившись их волнением, она стала иначе воспринимать все происходящее и всем выступавшим внимала с сочувствием. Когда Тамара начала перечислять пожертвования, поступившие в фонд помощи осиротевшим крестьянским семьям, и назвала большую сумму, внесенную Обществом по распространению грамотности, Саломе хотела уже заявить, что и она готова помочь пострадавшим, но в это время попросил слова какой-то гурийский крестьянин по фамилии Гогелия. У него сожгли дом в деревне, и он с ненавистью говорил о богачах-угнетателях... Саломе не понравилась его речь. Он напомнил ей ее непримиримого врага — бунтаря Иванэ Гегелия. Саломе хмурилась и ядовитыми репликами не раз прерывала выступавшего.

В июне 1907 г. царское правительство объявило роспуск Государственной думы. Наступали тяжкие годы реакции во всей Российской империи.

Окончание. Начало в №№ 8, 9.

15 июня в Ростове арестовали Гиви Гегечкори, скрывавшегося под чужим именем, и в третий раз сослали в Сибирь...

Таким образом, в небе Грузии в 1905 г. раздались первые раскаты революционного грома. Революция внушила веру и надежду бесправному, угнетенному народу. Страна была пропитана революционными настроениями: на улицах, на площадях, на баррикадах раздавались крылатые лозунги: Долой царизм! Да здравствует свобода! Ура, ура Амирану!¹.

Амираном был сам народ, поднявшийся на борьбу. Конца не было видно всеобщим политическим забастовкам. Революция внесла новые мотивы и в литературу. Знаменосцем нового движения становилась молодая литературная интеллигенция. Революционные стихи распевала вся Грузия. Близилась буря — предвестница рассвета... Присоединялись к революции и представители старшего поколения. Рабочих в черных блузах приветствовал Акакий Церетели: «Слава, слава доброму рабочему! Долой, долой правительство!..».

В рядах революционного пролетариата сражались писатели Иродион Евдзовили и Чола Ломтатидзе...

Алиханов-Аварский затопил кровью села и города восставшей Грузии, но возмездие настигло его на подступах к Еревану: он был убит пулей, пущенной рукой грузина. Однако на этом не кончились беды Грузии. Распоясавшаяся реакция не давала стране передохнуть.

«КОГДА В ЦИЦАМУРИ УБИЛИ ИЛЬЮ...»²

21 августа Илья Чавчавадзе навестил в Сагурамо известный почитатель и друг Грузии Артур Лейст. Илья с радостью принял дорогого гостя, но Лейст спешил в Тифлис и пробыл в Сагурамо недолго. 27 августа Чавчавадзе в своем экипаже (кучер Тедо Лабаури) отвез Лейста в Тифлис. Несмотря на жару, Илья решил на некоторое время остаться в городе. Однако через два дня из Сагурамо явился без вызова Тедо Лабаури... Илья работал в своем кабинете. Как член Государственного совета он готовил проект запрета смертной казни, этот проект, по мнению Ильи, необходимо было утвердить именно в те страшные годы наступления реакции.

Илья Чавчавадзе был избран в Государственный совет в 1906 году, и он использовал это обстоятельство как еще одну возможность борьбы с самодержавием. Отправляясь в Петербург, Чавчавадзе заявил: «В Государственный совет я вхожу как представитель дворянства, но это не значит, что я буду говорить там лишь об интересах дворян. Если мои избиратели надеются на это, они глубоко ошибаются. Это формальная, юридическая сторона дела. Не скрою и скажу, что в совете я буду защитником интересов всей Грузии, грузинского народа...».

...Илья вышел на балкон и очень удивился, увидев своего кучера:

— Что случилось, Тедо? Почему ты здесь?

— Плохо дело, барин... В Сагурамо крестьяне готовятся к бунту... Если вы не поедете, то, они говорят, им туго придется...

Тедо был смущен и растерян, как будто его мучали угрызения совести: он способствовал гибели человека, которому долго служил и от которого не видел ничего, кроме добра... Но Илья принял его смятение и страх за результат сложной обстановки в Сагурамо и велел закладывать экипаж на завтра. Илья попросил жену поехать с ним, но княгиня Ольга, увлеченная беседой с приятельницей — Ниной Орбелиани, не обратила должного внимания на приготовления мужа к отъезду. Однако наутро она вошла к нему в кабинет и стала умолять мужа отложить поездку, ссылаясь на дурное предчувствие. «И камернеру твоему нынче приснился дурной сон, — добавила княгиня, — как будто вы оба — ты и он — плавали в крови». Но Илья настоял на своем: он не любил менять решения. «Не бойся, — успокаивал он жену, — крестьяне нас не обидят, а разбойников я не боюсь. Все-таки я не кто-нибудь, а Илья, Илья Чавчавадзе! — Илья смущенно улыбнулся и поспешно добавил: — Я шучу, родная. Видимо, нашим крестьянам там несладко приходится, и наш долг — им помочь».

Когда они сели в коляску, Илья вдруг помрачнел. Ему не хватало воздуха, и он тяжело дышал. «Захвати на всякий случай оружие», — шепнул он камернеру так, чтобы не слышала жена.

¹ Имеется в виду герой одноименного грузинского эпоса.

² Строка из стихотворения Г. Табидзе.

— День обещает быть жарким, поэтому поторопись, — велел Илья кучеру. Но кучер и без того торопился, чтобы выполнить свое роковое обещание и быть на месте в указанный час...

В четверг, 30 августа 1907 г., в час дня пополудни был убит Илья Чавчавадзе. Великий поэт, на сочинениях которого воспитывались целые поколения; великий патриот и общественный деятель, который в течение 50 лет стоял во главе освободительного движения...

В коляске вместе с Ильей находились его супруга Ольга Тадеозовна Гурамшвили, камердинер Яков Торашвили. Газеты сообщали: «Когда коляска подъезжала к Цицамури, находящемуся в четырех верстах от Сагурамо, Яков заметил четверых вооруженных мужчин, он соскочил на землю и тут же был убит. Убийцы несколько раз выстрелили в Илью, княгиню ударили прикладом в лицо, и она потеряла сознание. Находившиеся неподалеку сторожа тотчас прибыли на место происшествия, но убийцы успели скрыться».

Потерявшую сознание княгиню отвезли в Сагурамо. Трупы Ильи Чавчавадзе и его камердинера доставили туда же... В Илью стреляли трижды — две раны были во лбу и одна — смертельная — в сердце. Яков имел одиннадцать ранений.

Свидетелями этого страшного убийства являются кучер, которого бандиты не тронули, и княгиня Ольга, которая до сих пор не пришла в себя.

Труп Ильи был ограблен: бандиты забрали пальто, пиджак, жилет, золотые часы, очки и бумажник, в котором князь хранил документы, а также кошелек с деньгами. Со слуги были сняты сапоги, Исчезли также револьверы, которые Илья брал с собой в дорогу».

Весть о гибели Чавчавадзе потрясла всю Грузию.

Поиски убийц Ильи Чавчавадзе ни к чему не привели¹. Отдельные партии пытались обвинить друг друга в страшном преступлении. «Мы говорили вчера и повторим сегодня, что никогда не поверим, будто убийство Ильи — дело рук какой-нибудь партии», — утверждали одни. Другие упорно твердили, что убийство носило политический характер.

Газета «Цискари» писала: «Не меньшим злом является то печальное обстоятельство, что вокруг гроба Ильи собрались националисты всех мастей. Черносотенцы, монархисты-погромщики, автономщики и социалисты «Исари», якобы оплакивая Илью, на самом деле используют его имя во зло, для сведения классовых, партийных или личных счетов. Все вместе — кто явно, а кто тайно, трусливо прикрываясь, кто в газете, кто в отдельных листовках, — распускают мерзкую клевету, будто Илью Чавчавадзе убили социал-демократы».

Народ вопрошал: кто же убил Илью?

Верный деятель грузинской социал-демократической партии Иродион Евдoshiви возмущенно восклицал:

«Подонки! Вы, которые не прчете радости и улыбки, стоя у гроба великого грузинского поэта, павшего от рук убийц... Неужели вы не понимаете, что ваша улыбка — хвала убийцам, что она означает сочувствие палачам...» Стихотворение И. Евдoshiви, посвященное Илье Чавчавадзе, кончалось следующими словами: «Отребя истории! Я плюю на вас и проклинаю ваше имя!».

Соратник Ильи Чавчавадзе, известный педагог, писатель и общественный деятель Яков Гогешашвили писал с тревогой: «Мы обязаны поставить диагноз и определить тот страшный общественный недуг, жертвой которого пал наш поэт. Мы обязаны обнаружить убийц и их вдохновителей, если таковые имеются. Мы не должны ничего бояться, не должны ничего скрывать; ибо от укрывательства недуг не исцеляется, а усиливается, разлагая общественный организм и суля гибель нации».

В такой напряженной атмосфере Грузия прощалась со своим вождем. Устраивались панихиды, собрания, велись споры — где и как похоронить Илью.

«Общество по распространению знаний сообщает, что отпевание усопшего будет происходить 6 сентября в Сионском соборе. Правлению общества предложено явиться на панихиду в траурных одеждах. Два члена правления отправятся в Сагурамо. Двое других командированы в Комиссию по организации похорон. Будет издано и распределено бесплатно 5 тысяч сборников с лучшими стихотворениями Ильи Чавчавадзе...»

«Тифлисское женское собрание, драматическое общество, общественные организации Кутаиса, Телави, Батума, Поти, Сухума, Зугдиди, Гори, Сенаки, Ахалциха приняли решение отправить на похороны своих делегатов с венками...»

¹ Сбнаруженные и опубликованные впоследствии материалы доказывают, что Илья Чавчавадзе пал от рук агентов царской охранки.

Подобные извещения, статьи, стихи, письма, депеши публиковались ежедневно...

«Похоронная комиссия избрала себе в помощь две малых комиссии. На первую возложены административные обязанности, такие как соблюдение порядка и прочее. В эту комиссию входят: В. Гуния, С. Яшвили, А. Эристави, И. Ратишвили и К. Кавтарадзе. Главным администратором избран В. Гуния. Второй комиссии поручено выработать порядок выступлений. В эту комиссию вошли: А. Сараджишвили, И. Панцхава и А. Мдивани. Желающие выступить во время похорон должны записаться в редакции «Накадули», в четверг...»

3 сентября состоялось заседание Тифлисской городской управы. Городской голова кн. В. М. Черкезишвили объявил: «Илья Чавчавадзе не был гласным, но он был первейшим поэтом, народным и общественным деятелем...».

В газетах был опубликован распорядок выноса и похорон.

В Сагурамо съехались люди со всех уголков Грузии. К семи часам утра 7 сентября двор уже был полон до отказа. Прибыли многочисленные делегации:

Стоял ясный солнечный день. Двор, в котором обычно весело и празднично отмечали илиаоба — день Ильи, сейчас был облачен в траур. Все собравшиеся искренне оплакивали усопшего. В 8 часов утра со второго этажа был спущен огромный черный флаг. Возле флага в почетный караул встали В. Гуния и В. Абашидзе. И. Ратишвили начал речь, и рыдания в толпе утихли. Первого оратора сменила Е. Габашвили. Свое прочувствованное выступление писательница закончила горьким вздохом: «Горе Грузии, потерявшей тебя!».

И снова заплакали, запричитали в голос одетые в черное сагурамские крестьянки.

Траурная процессия двинулась из Сагурамо в Тифлис.

Гроб несли сагурамские крестьяне.

В Цицамури на месте убийства процессия остановилась. На земле еще оставались следы крови. В. Гуния, ехавший впереди на коне — во главе почетного караула, спешился, его примеру последовали остальные. Они преклонили колени перед безвинно пролитой кровью Ильи. Затем всадники, одетые в грузинскую национальную одежду, оградили роковое место камнями.

Слово взял Ироднон Евдошвили:

— Братья! На этом месте закрыл глаза великий писатель Грузии, здесь его сердце издало последний стон, отсюда он в последний раз взглянул на свое отечество... Злодейская рука отняла Илью у всех нас, у всей Грузии, она поразила отца всей страны, вождя, предводителя. Так как же назвать убийцу, совершившего это злодеяние?

— Иудой, Иудой! — отозвалась плачущая толпа.

— Проклятье ему, проклятье! — раздавались грозные голоса.

Люди долго не могли успокоиться, взволнованные видом крови на той самой земле, которую воспевал Илья Чавчавадзе.

Наконец порядок был восстановлен, и похоронная процессия двинулась к Мцхета. У подножья Джварского монастыря¹ к ней присоединились жители Мцхета и тифлисцы, вышедшие встречать траурный corteж, который еще не раз останавливался — в Мухатверди, Авчала, Дигоми... На подступах к Тифлису почти весь город встречал своего поэта. На Военно-Грузинской дороге возле реки Вере погребальный corteж остановился. После короткой панихиды и выступлений процессия двинулась дальше. Тифлисцы несли гроб на руках. Люди на улицах становились на колени. За гробом Ильи шли писатели, учителя, мастера, рабочие, гимназисты, крестьяне. Движение в городе остановилось, магазины и лавки были закрыты. На всем расстоянии от Вере до Сионского собора, весь Головинский проспект был запружен народом.

Непрерывным потоком шли люди к Сионскому собору, чтобы поклониться праху Ильи. Панихиды чередовались с многочисленными выступлениями представителей общественности.

9 сентября в Сионском соборе можно было увидеть всю Грузию. Прибыли делегации из Кахети, Пшав-Хевсурети, Картли, Имерети, Мингрелии, Гурии, Саингиле, Сванети, Рачи-Лечхуми, Абхазии, Аджарии, Джавахети... Шли рабочие, студенты, наборщики типографий, гимназисты, люди самых разных национальностей. И реке народной не видно было конца. В 8 часов утра началась заупокойная служба. В соборе пело три хора. Последним от имени Общества по распространению грамотности выступил И. Ратишвили. В 11 часов гроб вынесли Важа Пшавела, Нико Цхведадзе, Антон Пурцеладзе, Артур Лейст, Иона Меу-

¹ Джвари — храм VI в., высящийся у слияния рек Куры и Арагви, воспет в поэме М. Лермонтова «Мцыри».

наргия, Иродион Евдшвили, а также городской голова Черкезшвили и заместитель Воронцов-Дашков.

Гроб бережно поставили на катафалк. Перед катафалком ехал Валериан Гуния. За ним несли большой портрет Ильи в траурной раме. Затем следовали представители духовенства. Следом за ними — тифлисские ремесленники с цеховыми знаменами, далее — кварельские и сагурамские крестьяне. За ними — 185 делегаций от городов и сел Грузии и от многочисленных общественных организаций с венками и цветами. Катафалк с гробом сопровождали родные и близкие усопшего, бывшие сотрудники «Иверии», известные общественные деятели, писатели, редакторы журналов и газет. И снова делегации — от Общества по распространению грамотности, от городских управ Тифлиса, Кутаиса, Сухума, Батума, Поти, Телави, Гори, Зугдиди, Озургети, Сенаки, Чиатура и др. Здесь были рабочие с фабрик и заводов, железнодорожных мастерских, рабочие Батумского порта и Бакинских нефтяных приисков. От Сионского собора до Эриванской площади в два ряда выстроились представители армянской, мусульманской и русской части населения. И несмотря на несметные толпы народа, повсюду царил порядок. Церемонией управлял высокий, представительный Валериан Гуния.

Сионская улица, по которой шествовала процессия, была облачена в траур — отовсюду свисали черные полотнища и стояла абсолютная тишина, которую иногда нарушали плач и вздохи. Возле здания, где помещалось Общество по распространению грамотности, сплошь закрытого черной материей, все остановилось. Медленно отворилась дверь, и на балкон вышел Акакий Церетели, поддерживаемый с обеих сторон друзьями. С их помощью тяжело больной Акакий подошел к перилам... В толпе раздались рыдания. Появление друга и соратника Ильи настроило всех на торжественный лад.

— Брат Илья! — ослабевшим от горя и болезни голосом начал Акакий, но подступавшие к горлу рыдания мешали ему говорить. Он собрался с силами и продолжил, обращаясь к народу:

— Предвестник будущего, поборник добра и враг всякого зла и насилия лежит перед нами в гробу, поверженный злодейской рукой, и словно спрашивает нас: «В чем я провинился, за что вы так сурово со мной расправились!». Он спрашивает нас об этом, а мы не можем ничего сказать в свое оправдание!..

Акакий снова замолчал, окидывая взглядом толпу. Не раз приходилось ему выступать перед народом, но такого несметного множества скорбящих не видел он никогда. Слезы подступили к его глазам, но он овладел собой и продолжил свою речь:

— И я, как грузин, наряду с горем переживаю сегодня глубокий стыд. Стыд сковывает мой язык, мне трудно говорить... Прощай, брат! Обстоятельства связали нас друг с другом, на протяжении полувека тянули мы одно ярмо, шли одной дорогой. Я остался один, и меня страшит мое сиротство. Но стоит ли говорить в наше время о личном!..

Акакий вытер слезы. Народ внимал ему в глубоком молчании.

— Ты исполнил свой земной долг и почил навеки. Твои деяния и твои заслуги скажут о себе сами, ибо наши причитания ничего к ним не прибавят и ничего не убавят.

Снова осекся голос Акакия, но он преодолел отчаяние и заговорил громче:

— Смерть твоя, так же как твоя жизнь, всколыхнула народные массы. Я вижу здесь людей из самых отдаленных уголков Грузии... Они окружили тебя... Пусть смерть твоя укрепит то, ради чего ты отдал жизнь: единство, равенство, братство и любовь.

Превозмогая слабость, Акакий закончил со стоном:

— Прощай, брат! Пусть память о тебе живет в веках!

Весть о смерти Ильи Чавчавадзе была встречена в Зугдиди с искренним сочувствием. Саломе тотчас направилась в основанную ею местную двухклассную школу и сообщила печальную новость. Затем она велела отслужить панихиду в своей дворцовой церкви и заказала зугдидским чеканщикам венок. В центре венка было расположено искусно сделанное серебряное сердце, пробитое пулей. Венок несли двое детей, одним из них был шестилетний Ашиль — внук Саломе Дадияни. Был венок и от петербургских грузин — «Великому поэту и общественному деятелю»; от сотрудников «Иверии» — «Твой могучий талант, благородное перо, твое учение вдохновляли нас, и с наслаждением трудились мы рядом с тобой». Были также венки от Дворянского банка, от редакций газет и журналов, от типографских рабочих и крестьян, от книжных магазинов, от ремесленников, лавочников, от гимназий, училищ, от общественных организаций и от отдельных общественных деятелей: от профессора Петриашвили, Валериана Гуния, Артура Лейста, Нико Николадзе, Якова Гогешашвили, Ионы Меунаргия, Иванэ Гомартели... Всех перечислить невозможно.

Среди родных и близких покойного находилась и одетая в траур Саломе Давидани, рядом с ней шел генерал Чавчавадзе. Саломе вспоминала тот день, когда Илья Чавчавадзе впервые посетил их в Петербурге.

«Счастливым было время, — вздохнула про себя Саломе, — правда, не было в живых, но с нами была матушка, одна из самых влиятельных женщин Грузии, которая и в Петербурге занимала достаточно высокое положение. Матушка вообще была особенной женщиной! Как она берегла тетрадь со стихами Бараташвили! Самый первый раз я показала стихи Илье по секрету от нее. Но она не рассердилась на меня, а напротив — похвалила за это. Илья был потрясен прочитанным, ни о чем другом не мог говорить...»

От своих мыслей принцесса отвлеклась лишь тогда, когда процессия вернулась на улицу, круто ведущую к Мтацминде¹. На площади св. Давида с взволнованной речью выступил городской голова Черкезишвили.

«Чья подлая рука совершила это подлое преступление, — гневно вопрошал он, — какой Каин опозорил перед всем миром доброе имя грузина?!».

«Проклятые убийцам! Позор и презрение палачам!» — раздавались возмущенные выкрики. Вслед за Черкезишвили выступили С. Мдивани, В. Мгеладзе, представительница московского комитета борьбы за женское равноправие г-жа Минович, от имени грузинских женщин выступила Нино Накашидзе, от Кутаисской городской управы — И. Хускивадзе, редактор армянской газеты Калантар, от имени сухумской общественности прочел свое стихотворение Мелитон Габечия. От имени учащихся с речью выступил Жоржолиани. Большое впечатление на всех произвела речь Важа Пшавела, которая завершилась следующими словами:

«Великий поэт, мы все клянемся перед твоим прахом, что не спустим поднятого тобой знамени, а будем держать его высоко, гордо и будем служить заветам твоим идеалам — братству, единству, свободе и любви, будем служить верно, непоколебимо».

После речи Важа Пшавела гроб сняли с катафалка и на руках понесли до церкви. Гроб был установлен рядом с вырытой могилой — на земле, которую каждый грузин почитает святой. Во время панихиды почти все стояли на коленях. После панихиды начались выступления. С речами выступило 27 человек. Обратило на себя внимание прощальное слово одного из представителей «Третьей группы».

— Мы считаем себя обязанными отдать последний долг тебе, Илья, и выразить нашу любовь к тебе. Хотя разная бывает любовь... Мы были бы весьма далеки от истины, если бы стали утверждать, что все одинаково оценивали прошлое, одинаково уважали тебя и признавали твои заслуги. Пусть как сторонника частной собственности оплакивает тебя дворянство, т. е. та часть нашего общества, которая присваивает чужой труд. Пусть склоняют перед тобой головы представители местной власти как перед сторонником существующего государственного строя. Пусть славят и возвеличивают тебя шовинисты как горячего патриота. Мы, разумеется, не можем присоединиться к ним и считаем своим долгом отметить, что же в твоей деятельности было для нас дорогим. Ты ступил на общественное поприще в ту пору, когда пошатнулся фундамент мрачной действительности Российской империи... И в Грузии ты был одним из первых провозвестников новой жизни и вступил в тот малочисленный отряд, который взял на себя руководство тогдашним общественным развитием, и весь свой талант и поэтическое вдохновение посвятил изображению ужасов крепостничества... Произведения, созданные твоим талантом, способствовали появлению нового поколения, сделавшего стержнем общественного развития классовую борьбу... Позор! — говорит это поколение тем, кто ликовал по поводу этого гнусного злодеяния. Люди, готовые из самых низменных побуждений и ради самых низменных целей убить весь народ, не видят, что убийство не поможет им уничтожить добрые плоды твоей деятельности. Они не видят также и того, что народ, который впитал все лучшее из твоего учения, отверг то, что противоречит его интересам. Народ, повторяю, бессмертен и не несет ответственности за то, что какой-то мерзавец совершил преступление. Позор тому, скажут грузинский пролетариат и весь трудящийся люд, кто, злодейски используя это убийство, возведет напраслину на всех честных людей и на тех, кто руководит ими. Сегодня мы не позволим себе призывать к мщению, стоя у этого гроба, но мы потребуем к ответу всех, кто стоит на нашем пути, кто изрыгает яд и скверну... — Последние слова прозвучали как вызов.

Затем были зачитаны телеграммы, прибывшие из разных городов: из Москвы, Петербурга, Вены, Берлина, Парижа, Киева, из всех уголков Грузии, от

¹ Мтацминда — по-груз. «Святая гора», на склоне которой находится пантеон выдающихся деятелей Грузии.

ссыльных революционеров, студентов, рабочих, от члена Венской Академии наук Гуго Шухарта... Целью час: продолжалось чтение.

К гробу подошла Саломе Даднани с внуком и встала на колени. 347036940
— Хоть глаза твои и закрылись навеки, я чувствую на себе их ихукурис333
нненный взгляд. Мы не смогли уберечь тебя от злодеев. Но молю тебя, не отж-
дествляй с этими мерзавцами всю Грузию...

Гроб опустили в могилу, и вскоре холм земли был завален горой венков и цветов.

Но народ не расходился.

— Встанем на колени, — сказал Валериан Гуння, — отдадим последний долг отцу нашему.

И вся Мтацминда опустилась на колени.

Стемнело, на небе зажглись звезды. У могилы Ильи Чавчавадзе застыл, словно каменное изваяние, Важа Пшавела. Он стоял в распахнутой чохе, в темном, цвета сумерек, ахалухи, не снимая руки с кинжала, висевшего на кожаном поясе. Из широко раскрытых глаз выкатилась слеза. Но это была не слеза, а родник стиха, бьющий из скалы поэзии:

Ты чувствам храм воздвиг, в основу
Созданья — мысли положил,
И кручи наших гор суровых
Нам купол храма озарил.
Они дозорными ходили,
Твои слова, чтоб нас хранить,
И сами мы тебя убили,
Врагам позволивши убить...

(Перевод О. Ивинской)

Поражение революции и наступление реакции повлияло на настроения внутри социал-демократической партии. Члены «Третьей группы» разделились на два лагеря. Одни доказывали, что было ошибкой братья за оружие и вызывать такое кровопролитие. Другие утверждали, что хоть рабочие и потерпели поражение, но теперь они хорошо знают, кто их враг и кто друг и с кем надо бороться до победного конца. Эти партийцы вновь принялись за создание подпольных кружков и пропаганду, готовясь к решительному бою.

Расколу «Третьей группы» в значительной степени способствовали споры вокруг нераскрытого убийства Ильи Чавчавадзе. Часть грузин не одобряла нападок лидеров социал-демократической партии на Илью и критиковала их за национальный нигилизм. Находившийся в сибирской ссылке Гегечкори теперь ясно видел, что пренебрежение национальным вопросом могло стоить его соратникам народного доверия. Оторванный от товарищей по оружию, Гегечкори остро переживал эту слабую сторону в деятельности грузинских марксистов.

Напряженной была политическая атмосфера в годы реакции, когда перодовой отряд социал-демократической партии подготавливал к новой атаке общественное мнение, теснимое и гонимое на время одержавшими верх темными силами...

ИТОГ ИХ ЖИЗНИ

Напо не мог больше оставаться в Салхино. Он так же безумно любил Елену и бредил Петербургом. Однако никак не мог принять какое-нибудь решение, понимая, что не просто отнять жену у такого влиятельного супруга.

Тем не менее в один прекрасный день Напо оказался в Петербурге и первым делом поспешил к дому возлюбленной. Едва пройдя через арку ворот, он окунулся в мир воспоминаний. Внезапно все вокруг ожило. Под четой белых берез стояла чугунная скамья, на которой Елена часто сживалась с книжкой.

Напо нетерпеливо взбежал по лестнице и позвонил в дверь. Швейцар был новым человеком в доме и не знал Напо, однако пригласил его в дом. Хозяйки не было дома. Напо понуро побрел вдоль Невского проспекта. По пути он заглянул к Нико Даднани-младшему, тот очень обрадовался кузену и сообщил, что завтра во дворце состоится большой бал. Напо оживился и стал как ребенок упрашивать кузена не идти на бал без него. Поспешно распрощавшись с удивленным Нико, Напо переночевал в гостинице, составив план действий на завтрашний день.

До вечера Напо слонялся по Невскому и думал о возлюбленной. Вечером, позабыв об обещании заехать за Нико, он кинулся во дворец. Случилось так, что Елена первая заметила его и сама подошла к нему. Напо почтительно при-

ложился к нежной ручке и, окинув презрительным взглядом супруга и деверя, сопровождавших Елену, отвел ее в сторону со словами: «Мне нужно с вами поговорить».

Елена смешалась, не ожидая такой дерзости. Напо заметил ее смущение и добавил: «Разумеется, я не собираюсь сообщать ничего такого, что шекировало бы вашего мужа, но предпочитаю говорить с вами наедине». Елена наклонила голову в знак согласия и попросила Напо ждать ее в третьем кабинете.

«Кабинетами» называли небольшие комнаты, предусмотрительно отгороженные от любопытных глаз плотными портьерами и предназначенные для частных разговоров.

Муж Елены с братом вошли как раз в тот момент, когда забывший о всякой осторожности Напо приник к губам возлюбленной... Вокруг сразу собрались любопытные, получился скандал, и оскорбленный супруг вызвал Мюрата на дуэль. На следующий день противники явились на место дуэли в сопровождении секундантов. Мюрат нанес сопернику опасную рану. Дуэль получила огласку. Мюрат был отстранен от военной службы и взят под арест. Его ждало еще более строгое наказание, но в дело вмешалась Саломе...

Мюрата освободили. Ему снова предложили службу в русской армии. Напо согласился, все еще не теряя надежды вернуть свою бывшую возлюбленную. Блестящий, образованный офицер — он быстро продвигался по службе. Опять он стал появляться на балах и в собраниях. И снова вокруг него, словно бабочки, кружились светские дамы, но для Мюрата существовала одна-единственная женщина, и он искал пути к ее сердцу. Странно: раньше Напо твердо придерживался решения никогда не жениться, теперь же он досаждал Елене просьбами выйти за него замуж. Загадочной властью обладала над дерзким, неукротимым смельчаком эта неприступная женщина.

Однажды император устроил смотр гвардейскому полку, которым командовал Напо. Он остался весьма доволен дисциплиной и выучкой солдат и офицеров и представил Мюрата к награде. Это событие позволило Напо войти в самые высокие круги общества, здесь он встречался с Еленой, уже успокоившийся и смирившийся с судьбой. Теперь он удовлетворялся тем, что Елена не отказывала ему в свиданиях.

Тайные свидания повторялись изо дня в день. Неопределенность отношений выматывала Напо. Он сделался мрачным и раздражительным. Одна из ссор с приятелем едва не привела к дуэли. Напо окончательно потерял чувство юмора, болезненно реагировал на самую безобидную шутку, на самый беззлобный намек. Напо никогда особенно не доверял друзьям, а теперь и вовсе подозрительность его усугубилась, он не замечал, что в большинстве случаев его сомнения необоснованны. Такой же необоснованной была его ревность. Напо слышал, будто у Елены с одним из его друзей-офицеров был легкий флирт.

Когда он стал расспрашивать Елену об этом, она небрежно перевела разговор на другую тему. Напо не сдержался и оскорбил ее. После тщетных попыток оправдаться Елена разрыдалась и убежала.

Целую неделю они не встречались.

Однажды во время очередного объяснения Елена сказала: «Между нами все кончено, и не будем ворошить прошлое! Бога ради, оставь меня в покое!».

Больше они не виделись. В этот раз Напо довольно легко пережил разрыв. Вскоре он увлекся некоей немкой, но та уехала в Ниццу с мужем, и Мюрат снова остался один. Желчность и спесь его становились все невыносимей. Он по малейшему поводу выходил из себя, обижался, ревновал. То и дело ссорился с товарищами по службе и вскоре понял, что в таком состоянии он не сможет достойным образом защищать честь мундира и выполнять свой воинский долг. Надутый на все петербургское общество, Мюрат вновь направил стопы свои в Мингрелию...

Дочь Саломе — Бебе так и не вышла замуж. История ее первой любви завершилась неудачно. Бебе полюбила сына управляющего (у Мюратов было несколько управляющих: в Салхино, Зугдиди и Чкадауши), но бедный Дата, ученик VII класса гимназии, умер раньше, чем Саломе узнала о недозволенном романе. Бебе тайком оплакивала эту безвременную утрату. А началась их любовь с самой невинной полудетской дружбы.

Бебе и Дата вместе ловили бабочек, вместе купались в реке. Они были в том возрасте, когда чувства только-только пробуждаются, и молодые люди не могут не трагить этих чувств щедро. У ровесников, Бебе и Дата, привыкших друг к другу, стало потребностью бродить по лугам и лесам и делить свою беспричинную радость с пастухами, крестьянами, работающими в поле, с сельскими ребятишками. Одним словом, их жизнь походила на идиллию.

Бебе самозабвенно увлеклась мечтательным робким юношей, и детское увлечение вскоре переросло в любовь. Почувствовав это, изменился и Дата. Прежде застенчивый и молчаливый гимназист, теперь в присутствии Бебе он становился необычайно красноречивым. Рассказывал ей обо всем, что только знал, а Бебе восторженно ему внимала.

Бебе была уже зрелой, сформировавшейся девушкой. Ее нельзя было назвать красивой, но юная свежесть и открытая улыбка делали ее привлекательной. Дочь госпожи и сын управляющего полюбили друг друга...

Внезапный недуг свалил юношу. Когда родители приехали в Кутанс, его уже не было в живых...

Так печально завершился первый роман Антуанетты Мюрат... Вслед за этим столько бурных событий обрушилось на семейство Мюратов, что родителям и братьям было уже не до младшей дочери и сестры.

Принцессе Саломе посоветовали пить минеральную воду Саирме. В Саирме часто бывал Беко Пипия — перегонял туда овец на летние пастбища. Моурави вызвал Беко Пипия к принцессе. Саломе, кутаясь в шаль, сидела на балконе.

— Ты бывал в Саирме? — спросила она у пастуха.

— Конечно, госпожа. Я каждое лето перегоняю туда ваших овец.

— Слышал что-нибудь о тамошних кислых водах?

— И слышал, и сам пробовал.

Принцесса поморщилась:

— Наверно, невкусно.

— Нет, госпожа, сначала эта вода кажется кислой, а потом к ней привыкаешь и пьешь с удовольствием — она холодная и приятная.

— От каких болезней ее пьют?

— Госпожа, в Саирме некий Эристави построил лечебницу. Там я слышал, что местная вода лечит желудок.

— Ты можешь привезти эту воду?

— Конечно. На это мне понадобится три дня, госпожа, три дня, три человека и ваше приказание.

Принцессе по душе пришлось расторопный пастух. Она повернулась к управляющему и поинтересовалась фамилией своего собеседника.

— Пипия — моя фамилия, — поспешил ответить Беко.

— Какой это Пипия? — нахмурилась принцесса.

Управляющий Алекси Беридзе немного задержался с ответом:

— Сын Копа Пипия.

Тут принцесса сразу все вспомнила.

— Сын того самого Копа, который убил нашего управляющего! — воскликнула она.

Беко был честный человек, да к тому же не из робкого десятка. Он опередил моурави и ответил на вопрос сам:

— Да, госпожа. Получилось так, что моему бедному отцу пришлось убить управляющего.

— Как это — пришлось убить?

— А так: большой негодяй был этот управляющий.

— Откуда ты знаешь?

— Мне отец рассказывал. Он ворвался к нам в дом с десятком головорезов, все вверх дном перевернул, стал требовать поборов. Под видом оброка забрал у отца десять охапок осои и доски, уже распиленные для строительства кухни. Обозленный отец снял висевшее там же, на дереве, ружье и пустился вдогонку за грабителями. «Верни мне мое имущество, — крикнул он моурави, — иначе плохо тебе придется». Но тот и бровью не повел. Отец выстрелил и убил управителя наповал.

Саломе недобро сверкнула глазами:

— Отец твой задолжал мне, поэтому в счет долга моурави забрал у него эти доски. Долг, милый мой, платежом красен.

Но гнев принцессы ничуть не напугал пастуха.

— Нет, госпожа, — упрямо проговорил он, — мы никогда не были крепостными, так какие могут быть долги и поборы? Просто этот управитель действовал своевольно и несправедливо. — Тут Беко Пипия хитро сощурился и добавил: — Не все же такие добрые, как ты, госпожа...

Саломе растаяла.

— Ладно, забудем о старых распрях. Скажи мне, когда ты сможешь отправиться в Саирме?

— Когда прикажете, хоть сейчас.

Саломе велела управляющему отправить Беко в Саирме на следующей неделе.

...Целый месяц пила Саломе воду, привезенную из Саирме, но улучшения не наблюдалось.

На рождество по старой традиции Саломе получала много подарков и поношений. Принцесса приободрилась и по всем правилам принимала многочисленных гостей и визитеров. Самыми первыми пришли крестницы Саломе — дочери домашнего священника Дата.

Давид Тодуа с 1890 г. жил в Салхино в качестве домашнего священника Мюратов. Церковь была построена еще в 1782 г. Кацией Дадиани, о чем гласила надпись, сделанная на одной из колонн: «Богородица, дева Мария, прими сей скромный дар от Кации Дадиани, да снизойдет благословение твое на него, на сына его и на супругу...».

Впоследствии церковь перестраивали дети и внуки Кации — Георгий, Леван и Давид Дадиани. Это была любимая церковь Екатерины. А с тех пор, как Салхино досталось Саломе, новые господа — Саломе и Ашиль особенно следили за церковью. Мюраты были католиками, Саломе — православной. Принц безропотно подчинялся властной супруге. По ее желанию служба в церкви велась по-православному.

Давид (Дата) Тодуа был одним из самых образованных священнослужителей во всей Мингрелии. Он знал грузинский, русский, латынь и немного французский язык. Давид закончил Мартвильское духовное училище. Затем Григол Дадиани (которого растила бабка Давида — Анацира) отправил молодого человека в Кутаис к епископу Габриэлу, чтобы тот сделал из него священника, и назначил юноше стипендию размером в десять рублей. Дата поступил в монастырь священником. В 1890 г. епископ Гурии и Мингрелии Григол посвятил его в сан священника. В том же году Дата вернулся в Салхино и с большой ответственностью приступил к исполнению своих нелегких обязанностей. Мюраты были довольны своим домашним священником. В течение пяти лет Дата получал по восемьдесят рублей в год, но этого было мало для многодетного священника (у него было четверо детей). Поэтому Дата попросил разрешения служить в какой-нибудь из близлежащих деревенских церквей. Мюраты согласились, и Дата стал священником в селе Дошакеши. Однако Дата продолжал поддерживать с господами самые добрые отношения.

Принцессе Саломе посоветовали ехать во Францию. Крепкая и энергичная Саломе в последнее время ощущала постоянное недомогание. Домашний врач-англичанин рекомендовал ей поездку во Францию. Саломе охотно согласилась и стала готовиться в дорогу.

Стояла капризная мартовская погода. С утра шел снег, но морской ветерок разогнал тучи, и снег исчез под лучами выглянувшего солнца. Саломе велела позвать к ней священника. Дата уже не служил у нее, в Салхино был новый священник, но Саломе хотела видеть старого верного Тодуа.

— Я еду в Париж, батюшка, и не знаю — вернусь ли назад. — Принцесса вздохнула и поднялась с кресла. — Перед смертью я хотела бы рассказать тебе кое о чем.

— Время ли вам думать о смерти, госпожа, — запротестовал Дата.

— Не утешай меня, — грустно сказала Саломе, — я чувствую, что скоро умру.

Саломе первой вошла в дворцовую церковь, перед алтарным престолом горели свечи.

Дата взял молитвенник и начал читать.

«Отверзни уста мои и исполни их благодарения. Пусть возвеличивает сердце мое царцу небесную и восхваляет чудеса ее...»

— Нет, отец, почитай что-нибудь другое, печальное... — Священник полистал молитвенник, переписанный собственной рукой, и, сам не давая себе отчета, вдруг начал читать:

Без тебя не светит солнце, ибо ты — его частица!
Зодиак его любимый, ты обязан с солнцем слиться!
Я в лучах тебя увижу — сердце светом озарится!
Горько было жить на свете — сладко с жизнью распроститься.

Душу я тебе вручила, умереть не страшно мне.
Жар любви твоей сокрыла я в сердечной глубине.
Лишь припомнив о разлуке, снова я горю в огне.
Обо мне не плачь, любимый, в чуждадельней стороне¹.

¹ Отрывок из поэмы Ш. Руставели в переводе Н. Заболоцкого.

Принцесса с удивлением воззрилась на священника, затем прервала его недоуменным восклицанием: «Святой отец, что такое ты читаешь? Ведь это же Руставели!».

Дата пришел в себя и увидел, что читает вслух переписанные в молитвенник любимые свои строки из письма Нестан-Дареджан к Тариэлу. Он снова принялся листать страницы и в этот раз наткнулся на речь, которую держал в тот день, когда впервые предстал перед принцессой в качестве домашнего священника.

Принцесса воспользовалась заминкой и заговорила:

— Святой отец, у меня, как и у всех смертных, есть грехи. Но я хочу покаяться в одном, самом тяжком грехе...

Дата с удивлением смотрел на трепещущую от волнения госпожу.

— Да-да, в самом тяжком грехе, — твердо продолжала Саломе. — Я, верная супруга Ашиля Мюрата, любила нашего соседа — Георгия Батонишвили, крестника моей матери...

— Никогда не слышал об этом, госпожа!

— Лжешь, батюшка! И ты, и все вокруг знали об этом. Втихомолку все сплетничали, но я молчала, ибо была виновата перед богом и пред супругом своим!

— Но я впервые слышу об этом, госпожа! — воздел кверху руки Дата.

— Не лукавь, отче, ты — добрый человек, я знаю. Тебе ведомы все преступления мои, но благородство и доброта мешают тебе сказать о них вслух. Раз ты не хочешь говорить, я все скажу сама.

Саломе откинулась на каменную скамью, сделанную специально для Екатерины, подняла высоко голову и дала волю накопившимся за долгие годы тщательно скрываемым чувствам и словам:

— Зачем таиться и лгать в час расплаты! Грядет мой судный день. Я любила князя Георгия, безумно любила. И чем сильнее было мое чувство, тем больше ревновал меня Ашил. И чтобы сбить его с толку, я взяла в дом Чабуртели, назначив его управляющим. Я приблизила к себе этого смутьяна Чабуртели. — Сводчатые арки церкви громким эхом повторили слова Саломе. Она испуганно закрыла лицо руками, но быстро оправилась и продолжила свою горькую исповедь: — Гордый, неукротимый Чабуртели, против ожидания, покорился мне безропотно. Я боялась, что или князь Георгий убьет управляющего, или мой муж убьет и того, и другого... Я старалась все решения принимать сама. Без ведома Ашиля застраховала зугдидский дворец и сама велела его поджечь. Этого оказалось достаточно, чтобы несчастный Мюрат наложил на себя руки... При загадочных обстоятельствах погиб и князь Георгий. Говорили, будто его отравил Чабуртели... Теперь ты видишь, отче, что у бедного Ашиля были серьезные основания для самоубийства! Ты как мужчина можешь понять, какое оскорбление я нанесла супругу своей неосмотрительностью... Поклянись, отец, что унесешь с собой в могилу эту тайну. Мои дети никогда не простят мне, если узнают об этом. Они ведь так любили отца. Да-да, любили мягкого, заботливого отца, который безвременно ушел из жизни, оставив меня в одиночестве. Такой же одинокой, наверно, умру я во Франции. Я верю, отче, что ты будешь молиться за мою грешную душу и за моих детей...

Саломе стало дурно. Священник долго хлопотал, прежде чем привел ее в себя, и бережно проводил до дворца...

После отъезда Саломе всеми поместьями, движимым и недвижимым имуществом стала управлять Бебе. К ней обращались с теми же титулами, соблюдая ту же учтивость, что и к ее матушке.

Мюраты и Дадяни продолжали владеть пастбищами и лесами, полями и лугами, горами и реками. Правда, все эти богатства постепенно переходили в руки купцов и торгашей и когда-то богатейший род разорялся. Не помогало делу и то, что принцесса Антуанетта трудилась не покладая рук. Особенно много труда положила она на виноградники «оджалеси».

В 1910 году скончался князь Андрей Дадяни. Его похоронили в Мартвили рядом с князем Нико. Прежде чем отправиться в Париж, Саломе установила на могиле мраморную плиту с надписью: «Сын мингрельского правителя Давида Дадяни — князь Андрей Дадяни. Надгробие сие установила сестра покойного принцесса Саломе Мюрат».

Из Чакадаши до Поти принцессу сопровождала небольшая свита: один экипаж и десяток верховых. Выхав рано утром, к вечеру Саломе добралась до

Шоти. Ночь она провела в доме у родственников Дадяни — Готуа. Измученная дурными снами, принцесса с трудом дождалась, когда рассвет сорвет черную маску с бесконечно тянущейся ночи. Наконец взошло солнце, как надежда, засияло над миром. Невыспавшаяся Саломе протерла глаза. На припущившем ветру блестели слезы. Принцесса поднялась с постели, оделась и выглянула в окно. Лучи восходящего солнца косо перерезали гладкую поверхность моря. В гавани стоял на якоре французский трехмачтовик. И вокруг было море. Море было кругом. Везде. Море колыхалось в душе Саломе, и ему не видно было конца.

«А что такое я сама и вся моя жизнь, как не капля в этом бескрайнем море? — подумала Саломе, — Я всего лишь волна в этой бездонной пучине, и я так же исчезну, растворюсь в бездне, как эта крохотная волна, которой сейчас так небрежно играет ветерок. А разве не таким же самым образом играла мною судьба в течение полувека? Снами и видениями полнится моя жизнь, то добрыми, то коварными, и вся жизнь прошла в непрестанной борьбе добра и зла. Наверно, всякая жизнь — борьба. И все же прекрасны были терзания души, единоборство меж духом и плотью. И как жаль, что угас огонь борьбы. Ныне душа отрывается от своей плоти, познавшей не раз как блаженство, так и муку. И хотя нарушена гармония между моей душой и телом, но было ведь совсем другое время, когда торжествовала плоть и ликовал дух! Если бы я могла вернуть свою молодость, я должна быть, лучше прожила бы свою жизнь. Теперь, когда я оглядываюсь на пройденный путь, мне лучше видны мои ошибки и предрешения. Много было и страшного, и загадочного. Судьба никогда не баловала меня, и не так уж много осталось в памяти счастливых мгновений. И все-таки, если бы я начала жизнь сначала, я бы выбрала опять свою судьбу, чтобы испить эту чашу до дна. Я никогда не любила читать романы, в которых герои — идеальные люди, без недостатков. В этой долгой жизни человек не может оставаться безгрешным. Я была такой же гордой, как и моя матушка, никому не позволяла глядеть на себя свысока. Многие обижались на мою спешивость, но я не считалась с этим. Мое положение обязывало меня быть высокомерной и знать себе цену. Щедрую дань отдала я любви».

Таковыми мыслями была увлечена Саломе, когда в комнату без стука вошел управляющий, поклонился и доложил: «Капитан сказал, что отплываем сегодня, в три часа...».

«Пятьдесят лет назад, — думала Саломе, глядя на Потийскую гавань, — матушка с малыми детьми — Нико, Андро, Саломе и Тamarой — отправилась отсюда в Петербург. Через двадцать лет она вернулась с тремя детьми. Маленькую Тamarу княгиня потеряла в Петербурге, так же как корону и престол. Единственное, чего достигла матушка, — это соединила наш род с родом Мюратов...» — Саломе задумчиво смотрела на пароход, который должен был еще раз доставить принцессу в Париж. Но суждено ли ей вернуться назад? Саломе не могла отделаться от этих горьких мыслей. Она стояла на берегу бескрайнего моря и повторяла про себя, как все пораженные тяжким недугом люди: «Все суета, суета и суета сует».

Снова подошел моурави и доложил:

— Все готово, госпожа, через полчаса отчаливаем.

— Я готова, Алекси! Но знаешь, мне кажется, я больше не вернусь в Грузию.

— Что вы такое говорите, госпожа! Врачи быстро поставят вас на ноги, — чтобы скрыть неловкость, управляющий склонился к руке Саломе.

— Верь мне, Алекси, — возразила Саломе, — я не вернусь больше. И запомни мое последнее желание — не нужно привозить в Грузию мой прах. Если мне не суждено больше видеть неповторимой красоты родного края, зачем везти сюда мое бесчувственное тело! Кончена моя жизнь, прожитая в тщете и напрасной суете. Прахом пойдут все мои дела: и Салхино, и Чкадауаши.

«Дети продолжат твое дело, будут управлять твоими владениями!» — раздался голос.

Саломе замахала руками.

— О нет! На моих детей нет никакой надежды. Напо в одну сторону поворит, Люсьен — в другую. А что может бедная Бебе?! Набегут чужаки, как саранча, разорят имение и сотрут с лица земли самое память об имени моем. Но оторванные от родной земли мои бедные кости там, во Франции, не так скоро узнают об этом, поэтому я предпочитаю, чтобы меня схоронили в Париже... — так говорила Саломе, но казалось, будто какая-то искра надежды еще живет в ее сердце.

Саломе снова взглянула на море. Дремлющее море было недвижно, из паровой трубы тянулся дым. Ветерок приносил запах угля и рыбы. Мучительные мысли, словно злобные муравьи, одолевали Саломе, словно упрямые волны налетали одна на другую. Саломе едва держалась на ногах, но не могла отвести от моря глаз. Моурави, заметив, что она покачнулась и едва не упала,

услужливо подставил ей стул. Саломе села. На душе у нее было все так же тяжело. Нет, не в болезни было дело. Она понимала, что навеки прощается с родиной. Саломе страдала и не могла разобраться, болезнь ее удручает так или что-то другое.

— Нет, не могу больше ждать! Неужели не подошло время отплытия! — нетерпеливо вскричала принцесса.

Управляющий снова побежал к капитану. Саломе попыталась взять себя в руки, и завязать ничего не значащую беседу с дворянином Алшибая, стоявшим рядом. Тем временем вернулся управляющий. «Капитан просит, — сказал он, — дать ему еще полчаса». Но Саломе, казалось, не слышала его. Она опять смотрела на море. Волны вздыхали, всползая на берег. Вода была так прозрачна, что камешки на дне можно было пересчитать. Саломе взглянула на небо. Вдали, над самым горизонтом, тянулась желто-бурая полоса, трепещущая в знойном мареве. На чистом небе над самым Палиастомским озером висело маленькое, с кулак, темное облачко. Затихшая в непривычном напряжении Саломе слышала стук собственного сердца. В последнее время принцессе, прежде столь жадно любившую жизнь, стали одолевать неприятные воспоминания. Саломе потеряла вкус ко всему. Она осунулась, побледнела. Домашний доктор ежедневно осматривал ее, но не мог установить диагноза. Пригласили знаменитого Топурия из Кутанса. Он скрыл от принцессы истину, назвал ее недуг «болезнью века» и посоветовал ехать в Париж.

...Наконец пришел моурави.

— Пора идти, отплываем, — сказал он.

Саломе встала, обвела глазами просторный зал ожидания и с грустной улыбкой обратилась к управляющему:

— Думал ли ты когда-нибудь о том, что наша жизнь похожа на этот зал ожидания? Все мы стоим и ждем, когда отойдет наш поезд или пароход. Подходит время, звенит звонок, садишься и едешь, а сюда приходят другие люди, и теперь они дожидаются своего часа, потом и они уезжают — и так бесконечно. Люди приходят и уходят, а земля, небо, море остаются вовеки. И небо бесстрастно, а мы все суетимся, торопимся, ждем звонка! Только в отличие от поезда и парохода оттуда, куда уходим мы, еще никто не возвращался.

Саломе в отчаянии махнула рукой и, нетвердо ступая, направилась к трапу. В тени платанов ее остановил капитан, извинился за вынужденную задержку и поцеловал принцессе руку. Любезность молодого, стройного, загорелого капитана пришлась по душе Саломе, и она ответила по-французски, ласково улыбувшись.

Теперь она вспоминала тот радостный день, когда возвращалась в Потн после свадьбы, с матерью и молодым мужем. Ах, как торжественно их тогда встречали! Сейчас ее провожают всего десять человек, да и то потому лишь, что жалуют бедную больную, а так — с ней давно уже никто не считается! Принцесса разглядывала провожающих, и взгляд ее не выражал ни радости, ни благодарности. Сомнения и подозрения терзали ее душу.

Саломе поднялась на пароход, ни разу не оглянувшись, — напрасно махали ей с берега провожающие. Она скрылась в своей каюте и тут же легла, чувствуя полное изнеможение. Но провожающие не уходили, пока не отошел пароход. Они надеялись, что принцесса покажется на палубе и попрощается с ними.

— Нельзя сказать, чтобы подданные очень любили принцессу, но и ненависти они к ней не испытывали, — заговорил Алшибая. — Саломе Дадяни — женщина европейски образованная, обладала особым шармом. Она умела хорошо держаться, вести приятную беседу. Есть люди, чей голос, лицо, жесты имеют какую-то притягательную силу. Таких людей мы успеваем полюбить прежде, чем осмыслим, достойны ли они этой любви. Такие люди занимают важное место и в нашей душе, и в нашем обществе. И когда они уходят, заменить их трудно, почти невозможно.

Алшибая, казалось, завел этот разговор лишь затем, чтобы развеять печаль, вызванную прощанием с принцессой.

Саломе занимала видное положение в обществе. С ее именем связано не только появление у нас первого трактора и прочих сельскохозяйственных машин, но она завязала личные контакты с Францией. Она собирала вокруг себя писателей и ученых, генералов и артистов, инженеров и астрономов... Принимала всех щедро, гостеприимно... Уехала Саломе во Францию, но сердце ее оставалось здесь, хотя и там у нее не было недостатка в друзьях и поклонниках.

Алшибая взглянул на пароход. Пароход все еще стоял, но Саломе не появлялась на палубе.

— Я хочу сказать, что Мюраты привезли в Грузию не только машины и европейскую цивилизацию, но и обогатили собранную Давидом Дадяни коллекцию древних сокровищ культуры вещами и книгами, принадлежавшими великому Наполеону. Ахиль Мюрат пытался перекинуть мост между экономиче-

ской и культурной жизнью Грузии и Франции. Екатерина возлагала на брак дочери большие надежды. Зять из императорского дома укреплял ее веру в возрождение независимого Мингрельского царства. Но вы знаете не хуже моего, что эти мечты лопнули, как мыльный пузырь.

Наш славный Николоз Бараташвили вложил в уста Наполеона следующие слова: «Время принадлежит мне, и я — надежда эпохи». Как мудро сказано! Это стихотворение я прочел в альбоме у Саломе. Принцесса бережно хранит бесценные автографы. Так же бережно относится она к книгам, картинам. А сколько у них книг! Только ради этой библиотеки стоило посещать дадиановский дворец! Особый интерес, безусловно, представляют мемуары Наполеона, Мюрата и их приближенных. Я могу перечитывать эти записки без конца. Библиотека — мое излюбленное место во дворце. Журналы и газеты — французские, русские, грузинские, романы, все новинки! На стенах портреты членов семьи, выполненные известными мастерами, гравюры, пейзажи. Подлинная национальная сокровищница хранится во дворце Дадиани. Но спросите — какова стоимость этих сокровищ? Сколько крови и пота пролито простым мужиком за эту роскошь? Мне как интеллигенту, выпускнику Сорбонны, ненавистна всякая эксплуатация, но я верю, что настанет время и...

Так разглагольствовал дворянин-либерал Алшибая, повторяя модные в ту пору теории и забыв о том, что сам является крупнейшим в Мингрелии помещиком.

— Впрочем, род Дадиани издревле славился самоотверженной преданностью отчизне. Достаточно вспомнить имя Цотне Дадиани. Но не меньше было среди них и жестокосердых, обуянных корыстью гордецов. Они стремились к богатству и власти, и никого не щадили на этом пути, ни брата, ни свата. Разве не таков был Мамия Дадиани? Сгноил в крепости племянника — прямого наследника престола. Юноша покончил с собой в неволе, а Мамия получил власть. Укрепившись и вознесясь сверх всякой меры, он объявил войну имеретинскому царю, взял в плен имеретинского царя Левана, и тот кончил свой дни в той же роковой крепости Шхети. Нет, Дадиани никогда не знали жалости! Еще более жестокими были они по отношению к крестьянам. Но и народ не щадил их во время революции 1905 года. Тогда и Саломе пострадала... Вот так, милостивый государь, народ пробуждается, народ борется, и никакой угнетатель не посмеет стать ему поперек пути...

Гудок отплывающего парохода прервал монолог Алшибая.

Саломе лежала в своей каюте, подавленная самыми мрачными предчувствиями. Провожающие, домашний священник и моурави, благословляли принцессу, шепча молитвы. Но не помогли ни молитвы, ни благословения, ни парижские лекари. Саломе Дадиани больше не вернулась в Грузию. Она умерла в Париже в 1913 г. Там ее и похоронили, согласно ее завещанию.

ЭПИЛОГ

В Грузии настали новые времена. Судьба Дадиани никого уже не интересовала. Смерть Саломе прошла незамеченной... Грузинская пресса ни словом не упомянула об этом факте. Никаких извещений, некрологов, соболезнований... У Грузии появились новые тревоги, новые заботы.

Так и не женившийся Напо сгинул на чужбине. Люсьен и Бебе, сметенные вихрем революции, кончили свои дни во Франции. Сын князя Нико — внук Екатерины — Нико-младший умер в петербургской тюрьме в 1917 году, Елена Эристави, преданная ему бесконечно, добилась разрешения и похоронила его в Москве в ограде церкви грузинского подворья. И прервался род Дадиани под натиском урагана истории.

Что касается Мюратов, то единственный внук Саломе — Ашиль имел восьмерых детей, которым дал грузинские имена: Тамара, Эка, Кетэван, Георгий...

Я слышал, что недавно Ашиль приезжал в Грузию, в Салхино, разглядывал любовно каждый камешек, беседовал со своим учителем Маркозом, которому перевалило за восемьдесят. Едва ступив в ограду бывшего дворца, Ашиль повалился на мокрую траву и, ко всеобщему удивлению, старательно выпачкал свой костюм. Потом переделся и бережно завернул грязный костюм в бумагу. «Я, очевидно, умру в Париже, — объяснил он, — хочу оставить детям завещание, чтобы похоронили в этом костюме. Пусть святая грузинская земля будет со мною вечно».

Перевод Анаиды БЕСТАВАШВИЛИ

СТРОИТЕЛИ

О ВОЕННЫХ строителях говорят не так уж часто, да и написано о них мало. Их подвиг на войне не так заметен, как подвиг солдата, прикрывшего грудью амбразуру вражеского дота, или как подвиг летчика, таранившего вражеский самолет, как подвиг пулеметчика, сумевшего отбить атаку неприятеля и удержать дот на важном рубеже. Но ведь самолет, на котором летчик совершил свой подвиг, откуда-то взлетел, кто-то строил для него аэродром или взлетно-посадочную полосу. И кто-то сооружал дот для пулеметчика. Кто-то строил мосты. И ставил надолбы. И рыл траншеи. И возводил другие оборонительные сооружения. И делал это и днем, и ночью. И в жару, и в стужу, и в ненастье. Под бомбежкой. Под проливным огнем. Зачастую, рискуя жизнью, на глазах у неприятеля шел впереди самых первых. И подчас сам вступал с ним в ожесточенную схватку...

ПОБЕДЫ

Таким был на войне труд военных строителей — этой огромной армии мужественных и скромных солдат, без самоотверженного подвига которых тоже не было бы нашей Победы.

...Заместитель Министра Обороны СССР по строительству и расквартированию войск, депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Ленинской премии генерал-полковник инженер Арчил Викторович Геловани рассказывает неторопливо, словно подводит итог прожитому:

— Родился я в 1915-м, в горном краю Грузии — Лечхуми, в селе Спататори, а детство провел в Баку, где отец работал инженером-технологом. В 21-м, после его смерти, вместе с матерью вернулся в Грузию. В 29-м окончил Первую тбилискую показательную школу и на всю жизнь сохранил самые светлые воспоминания о своих учителях. Это они дали мне прочные знания, научили принципиальному отношению к людям, к труду, к своим обязанностям.

В юности увлекался рисованием. Окончив школу, некоторое время учился в студии известного грузинского художника Мосе Тоидзе. Однако вскоре оставил ее и поступил в Тбилисский индустриальный институт на строительный факультет. Что повлекло меня туда? Хотелось строить, созидать, воочию видеть дело своих рук.

В институте нас обучали замечательные профессора: Мухадзе, Халтубришвили, Харадзе, Кулрадзе и другие. Я получил глубокие, основательные знания. Это помогло быстро переквалифицироваться, когда стал я военным, а впоследствии — решать серьезные, государственного масштаба инженерные задачи. Я безмерно благодарен своим учителям. Недавно, поздравляя мо-

лодых выпускников Грузинского политехнического института имени В. И. Ленина, я написал им об этом, и мне было очень приятно, что они опубликовали это письмо в своей газете.

...Да, днем он учился в институте, а вечерами работал прорабом на строительстве механического завода в Дидубе и Дома книги на набережной. В 1936-м, окончив с отличием институт, Арчил Геловани получил диплом инженера-строителя.

В 1939-м, работая уже старшим инженером треста «Инжстрой» в Тбилиси, по призыву партии Арчил Викторovich Геловани добровольно ушел на военную службу — в Военно-Морской Флот. Он успешно окончил знаменитую Ленинградскую «Дзержинку» — Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, служил на Черноморском флоте. В год Великой Отечественной вместе с частями Красной Армии освобождал Бессарабию, одним из первых вошел в Измаил. А в самом ее начале...

— Война застала меня в Одессе. Ранним утром я, в ту пору главный инженер военно-морских объектов, сооружаемых в Одессе и Николаеве, спешил на стройплощадку. Утро было ясное, море спокойное, только на душе заглаилась тревога. По данным разведки мы уже знали, что гитлеровцы замышляют что-то недоброе. Я шел по пирсу, когда послышался какой-то нарастающий гул. Он доносился издали, с высоты. Небо внезапно потемнело, стало грозным. Зловещий звук, поглотив все остальные, навис над морем, над портом, над городом. Мгновенье — и неслышной силой взрыв сотряс землю и море. 22 июня 1941 года в 4 часа 30 минут фашистские «юнкерсы» совершили первый разбойный налет на одесский порт. Они стремились потопить стоявший на рейде крейсер «Коминтерн». Так началась война для Одессы. Крейсер чудом уцелел, но сильно пострадал красавец-порт, воздвигнутый руками нескольких поколений строителей.

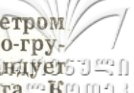
...Арчил Викторovich Геловани мечтал строить, созидать. И вдруг — война. Война, которая уничтожает людей, обращает в руины замечательные творения человеческой мысли, человеческих рук. И он, военный инженер III ранга, на протяжении долгих военных лет будет строить все, что должно преградить путь черной силе фашистов.

Военному инженеру Арчилу Геловани, с честью прошедшему весь тяжкий путь войны, не раз приходилось и лично участвовать в сражениях с неприятелем, но первого боевого крещения — схватки с гитлеровскими десантниками на дороге Николаев — Одесса ему вовек не забыть. В том бою он держал экзамен на мужество. И выдержал! На мундире генерал-полковника инженера А. В. Геловани среди боевых наград есть и медаль «За отвагу». Этим сказано все: ею наградились воины за проявленное в бою личное мужество и солдатскую доблесть...

События на войне подчас развивались стремительно. Гитлеровцы замкнули кольцо вокруг Одессы. Шли кровопролитные бои за Николаев. Вскоре военному инженеру А. В. Геловани было приказано возглавить в Крыму строительство оборонительных рубежей. Под артиллерийским обстрелом и бомбежками военные строители, руководимые им, возводили новые и укрепляли старые фортификационные сооружения на Перекопском перешейке, на Чонгарском полуострове и Арабатской стрелке. Враг рвался к Севастополю. Силы были неравными. Советским войскам подчас не хватало вооружения, боеприпасов. Снятые с кораблей, лишенных возможности действовать активно, зенитные и универсальные скорострельные морские пушки строители устанавливали на наземных позициях, превращая в сухопутные. Эти орудия били по прорывавшимся к Севастополю фашистским танкам прямой наводкой. Всего лишь за пять суток военные строители Арчила Геловани установили такие батареи на множестве позиций в Крыму. Не щадя сил трудились они, чтобы поставить огневой заслон на пути заклятого врага. Сколько мужественных и умелых своих помощников не досчитался Арчил Геловани, трудясь под вражеским огнем на крымских оборонительных рубежах!

У Генгорки, в четырнадцати километрах от Генчиска, военному инженеру Геловани и его строителям, устанавливавшим артиллерийскую батарею, самим пришлось вступить в бой с гитлеровцами. Трое суток длился он. Строителям удалось отбить все атаки вражеской пехоты и на время придержать гитлеровцев, рвущихся к Генчиску.

— Под Перекопом я был контужен. Снаряд разорвался рядом с моей машиной. Ехать в госпиталь отказался. Решил, отлежусь, и все пройдет. Меня уложили в колхозном влуде. Я было задремал, как дверь распахнулась и в комнату стремительно вошел увешанный гранатами, с трофейным парабеллумом за поясом человек огромного роста и могучего сложения. Поразила меня

войлочная сванская шапочка на его голове. Словно родным горным ветром повеяло на меня. И когда вошедший обратился ко мне, я ответил ему по-грузински. Мы несказанно обрадовались друг другу. Я узнал, что он командует батальоном, что в жарком бою его бойцам удалось сдержать натиск врага. К сожалению, в памяти не сохранилась фамилия отважного земляка. Хочется верить, что он дождался Победы, жив и поныне, что прочтет эти строки, откликнется и мы встретимся.

...Враг атаковал нас непрерывно, бои не затихали. Это был суший ад, когда вражеская артиллерия в упор била по Турецкому валу. Трудно пришлось, очень трудно... Тогда противнику удалось преодолеть нашу оборону под Перекопом и прорваться в степь. Я получил приказ перебазировать своих людей в Новороссийск и приступить к оборудованию порта Туапсе, строить на побережье аэродромы. Через Керченский пролив переправлялись под огнем врага. Уцелели чудом!

Надо было строить. Строить срочно, а строить-то было нечем. Мы собрали механизмы со всех законсервированных на Кавказском побережье санитарных стройплощадок и приступили к работе. Едва закончили сооружение аэродромов, как на них разместились три авиационные части: штурмовая и две истребительные. В те дни я и познакомился с замечательным человеком и отважным летчиком, опытным командиром авиационной дивизии, первым среди грузин Героем Советского Союза генералом В. В. Нанейшвили.

А гитлеровцев удалось остановить у станции Индюк, дальше по побережью они уже не сделали ни шагу.

...А. В. Геловани руководил строительством укрепрайонов по всему Закавказскому побережью — от Туапсе до Поти. С наступающими частями Советской Армии он вернулся в Крым.

Невозможно переоценить титанический труд военных строителей, затраченный ими на восстановление наших военно-морских баз. Это они из пепла и руин подняли и сделали краше прежнего город-герой Севастополь.

— Севастополь... Город-порт, колыбель русской морской славы, гордость нашего государства. Как любил я до войны гулять по его улицам, по широкой набережной! Города не было. Руины... битый кирпич, горы обломков, искореженные остовы домов, обуглившиеся бревна... И всего два чудом уцелевших здания — два от целого города!

Мог ли я мечтать о таком почетном и ответственном задании — руководить восстановлением Севастополя? В молодости мечтал строить дома — и вдруг мне доверили строительство целого города, и не только города — военно-морской крепости, главной базы Краснознаменного Черноморского флота!

...Тогда еще носивший погоны инженер-полковника, А. В. Геловани возглавил «Севастопольвоенморстрой». Предстояло воскресить город-герой, поднять его из руин. Параллельно в Севастополе действовал крупный гражданский строительный трест. А военные строители несли двойную нагрузку: строили город и возводили военные объекты, необходимые для базирования флота. Все создавалось заново — на земле и под землей, на воде и под водой...

На протяжении одиннадцати лет А. В. Геловани руководил возрождением Севастополя. И стоит сейчас гордый белокаменный красавец город-порт, город-герой с широкими просторными улицами, многоэтажными благоустроенными домами — стоит на радость народу нашему, друзьям на радость, на страх врагам!

— Можете ли вы себе представить, что я испытываю, приезжая в Севастополь?! Ведь нет ни одной улицы, в планировке которой я не принимал бы участия — а мы не просто планировали заново, мы старались сохранить своеобразие, колорит, прелесть старого города. Нет ни одного квартала, за строительством которого я лично не наблюдал бы. Вспоминаю Севастополь сорок четвертого и вижу Севастополь сегодняшний: великолепный, современный! Одиннадцать лет в Севастополе — самый плодотворный и замечательный, самый творческий период моей жизни, потребовавший отдачи всех знаний, всех сил. Пришлось руководить строительством самых разнообразных объектов — от жилых домов до сложнейших гидротехнических и подземных сооружений. Люди наши — и военные и гражданские — работали самоотверженно.

...Севастопольцы никогда не забудут, сколько труда, сколько любви вложил генерал Геловани в воскрешение их прекрасного города. В знак особой благодарности и признательности они избрали Арчила Викторовича почетным гражданином Севастополя. Не боясь громких слов, можно с полным правом

сказать: новый Севастополь — детище генерал-полковника инженера А. В. Геловани.

— В начале пятидесятых годов все крупнейшие державы мира начали создавать ракетные войска стратегического назначения. Степенью их развития и поныне определяется оборонное могущество великой державы. Советские военные строители провели титаническую работу, сделали все необходимое, чтобы ракетчики советских войск стратегического назначения с успехом несли свою ответственную боевую вахту. Наши люди трудились в тяжелейших географических, геологических, климатических условиях, но задачу, поставленную Центральным Комитетом ленинской партии, выполнили. И к работе этой генерал Геловани тоже имел самое непосредственное отношение...

— Мы строим. Строим повсеместно, — говорит он. — Военные объекты и жилье для офицерских семей. Обстраивать войска — святая обязанность военных строителей, ведь боеготовность армии во многом зависит от того, как устроен быт ее солдат.

...Молодым парнем уехал Арчил Викторович Геловани из Грузии. Много сложных, тяжелых моментов было в жизни этого большого военачальника. Не раз приходилось проявлять особую принципиальность, особое мужество: и во время войны, и в мирные дни, при решении технических и организационных вопросов. Многие предстоит ему одолевать и впредь, потому что Арчил Викторович — в боевом строю. Он трудится, не зная отдыха, все с той же юношеской увлеченностью и страстностью. Трудится с полной отдачей всех сил великому делу, которому служит. Служит на высоком посту заместителя Министра Обороны своего социалистического Отечества.

ДРУГ И ПОКРОВИТЕЛЬ МОЛОДЕЖИ

«СЫН ПРОШЛОГО, отец будущего и воспитатель грядущего Грузии» — так охарактеризовал выдающегося педагога и общественного деятеля Якова Гогебашвили великий грузинский поэт Акакий Церетели. Яков Гогебашвили боролся за достойное воспитание народа, за выявление новых сил национальной культуры. Он проявлял большую заботу о студентах-грузинах, обучавшихся за пределами родины, и часто лично оказывал им материальную помощь. Помогал он также Акакию Церетели, Эгнате Ниношвили и другим грузинским писателям и общественным деятелям.

Высоко ценя Эгнате Ниношвили за его демократизм, за сострадание к бедному крестьянству, Яков Гогебашвили, узнав о его тяжелом заболевании, решил поддержать больного туберкулезом писателя, с которым, кстати, не был близко знаком. «В ту же секунду, — пишет он в своих воспоминаниях, — я решил предоставить больному все средства на существование, но только так, чтобы это... не задело его самолюбия». Он выслал ему 50 рублей из своих средств и написал короткое письмо: «Если эти небольшие денги Вы сочтете крошечной оплатой за то большое удовлетворение, которое я испытываю, читая ваши рассказы, то доставите мне большое удовольствие... Но если почтете их долгом, то вернете, когда представится возможность... Пока же совершенно не поправитесь, каждый месяц будете получать от меня от сорока до пятидесяти рублей».

Писатель Шно Мгвимели вспоминает: «Яков любил театр, артистов. Он непременно приобретал билет на каждое новое представление. Ни один юбилей и бенефис не проходил без

того, чтобы Я. Гогебашвили не прислал виновнику торжества поздравление и подарок».

Поскольку Яков Гогебашвили считал национальный театр единственным объединяющим центром в жизни грузинского народа того времени, этот театр и его судьба были предметом его постоянных забот.

Гогебашвили очень любил музыку, особенно грузинские народные мелодии. Он придавал ей большое просветительно-воспитательное значение. И потому считал большим недостатком своего буквара «Деда зна» отсутствие в нем нот для пения.

У Гогебашвили был прекрасный слух. Биографы замечательного педагога отмечают его безупречный исполнительский вкус. Слушателей изумляли напевы им крестьянские народные песни, дошедшие с языческих времен: «Оровела», «Гутнури», «Калоури», «Урмули».

Всем существом своим Яков тянулся к крестьянам, часто вместе с ровесниками он уходил в ночное, проводил время с ними на пашне, на жатве, на молотбе, разделяя с крестьянскими ребятами их тяжелый труд, который старался облегчить песней. Именно здесь учился он постигать красоту и смысл грузинских народных песен.

Гогебашвили называл себя сыном народа, взращенным в народном подоле. Он признавался, что народные мотивы наполняли восхищением его юношеское сердце, и считал необходимым перенести их на ноты и дополнить из других источников.

С юных лет Гогебашвили пытался вникнуть в смысл героических песен. Ему нравилось, когда народ сопровождал храмовые праздники песнями в три-четыре ряда.

Еще в юности в родном селе Вариани он услышал и выучил много народных песен, в том числе распространенный в то время мотив «В сне увиденный Эдем...». Переехав в Тбилиси, Яков часто слышал этот напев от тбилисских мастеровых и пекарей. В детские годы восхищение вызвала у него песня «Придите посмотрите виноградник», которую он всегда напевал. Также любимы были им «Вижу, ласточка, тебя высоко летящей», «Вчера открыл я дверцу клетки», «Эге, попалась красивая птичка в наш силос» и другие.

Яков Гогобашвили подружился с известным музыкантом Михаилом Мачавариани. Он сам спел и перенес на ноты несколько песен, предполагая внести их в свою книгу «Дэда зна». Уже немолодым Яков Гогобашвили напевал и перенес на ноты такие сложные многоголосые песни, как «Царица Тамар и султан», «В яме я спрягал просо», «Гавнана», «По горе идут три волка», «Мумли-мухаса», «Заяц прыскал» и другие. Он постоянно думал об их сохранении. И когда появилась возможность записать их на граммофонные пластинки, Гогобашвили, несмотря на свой преклонный возраст, сам напел эти старинные песни так, как они с детства запали ему в душу.

Имей мы сегодня эти пластинки, могли бы услышать живой голос Якова Гогобашвили. Наш долг — найти эти записи, сохранившие старинные народные песни в исполнении создателя «Дэда зна».

Двери его дома всегда были открыты для всех талантливых и честных людей. Гостями Я. Гогобашвили были ученые, писатели, педагоги: Дмитрий Бакрадзе, Иосиф и Константин Мамацашвили, Георгий Церетели, Вахтанг Тулашвили, Нико Цхведадзе, Антон Пурцеладзе, Геге Магалашвили, русский педагог Симонович и его супруга Анна Мухелишвили, Георгий Иоселиани, его ученики и ближайшие соратники Василий Барнов и Нико Ломоури.

По инициативе Я. Гогобашвили круг этих людей, пополненный новыми силами, перерос в салон Иосифа Мамацашвили, где наряду с другими решались и разрабатывались вопросы организации сельских школ, учительские заботы и т. д. Именно в этом кругу родилась мысль об учреждении Общества по распространению грамотности, которое сыграло большую роль в развитии грузинской национальной культуры.

Большую культурно-просветительскую роль музыки Я. Гогобашвили выразил в следующих словах: «Песня доставляет радость человеку, рассеивает

грусть и печаль, придает бодрость, вдохновляет на благородные порывы, усиливает национальное самосознание, объединяет все сословия, все классы, создает единую нацию». «Поэтому», — говорил он, — мы должны иметь собственные силы, чтобы создать национальную музыку, углубить народную музыку — песню, способствовать ее поискам и распространению».

Поклонник музыки, он своим племянникам Шалве и Кристине (собственной семьи у Гогобашвили не было) приобрел музыкальные инструменты — скрипку и фортепьяно, заботился, чтобы они глубоко овладели музыкой, которая, по признанию Якова, возвращала ему вторую молодость.

В последние годы жизни Я. Гогобашвили не переносил тишины. Чтобы как-то скрасить свое одиночество, он приобрел одну канареек, которые оглашали дом одинокого человека своим пением.

22 и 23 апреля 1903 года газета «Цнобис пурцели» опубликовала пространный и глубокую статью о музыке студента факультета композиции Петербургской консерватории Котэ Поцхверашвили, в которой подчеркивалась необходимость обработки народной песни на основе классических принципов и с учетом достижений профессиональной музыки так, чтобы народная песня не утратила своего первоначального вида.

Разумеется, Яков Гогобашвили обратил внимание на эту статью. Его заинтересовал незнакомый автор, который, как стало ему известно, плодотворно работает и энергично пропагандирует грузинскую народную музыку в разных городах Российской империи, систематически устраивая лекции-концерты, делая популярные обзоры грузинской народной музыки в Петербурге, Риге, Дерпте, Харькове, Одессе, Варшаве, Гельсингфорсе, Баку, Ереване, Тбилиси и Кутаиси.

Узнав о материальных затруднениях, которые испытывал талантливый молодой музыкант, Я. Гогобашвили приложил немало усилий, чтобы обеспечить Котэ Поцхверашвили хотя бы прожиточный минимум в виде стипендии. Но в течение долгого времени все старания Гогобашвили в этом направлении были тщетны. На протяжении ряда лет нуждающийся студент терпеливо ждал обещанную ему Кутаисским банком стипендию. Тогда Я. Гогобашвили обратился с письменным заявлением к различным грузинским общественным организациям, к состоятельным лицам с просьбой выделить из своих фондов определенную сумму для Поцхверашвили. Но и этот его призыв остался без ответа.

Тяжелое материальное положение Котэ тревожило и его соотечественников, такие проживавших в Петербурге и объединенных в землячество. Вот что писал 21 июля 1906 года грузинский композитор Мелитон Баланчивадзе Якову Гогобашвили:

«Глубокоуважаемый Яков Семенович! Уважьте меня и сообщите, пожалуйста, как разрешился вопрос со стипендией К. Поцхверашвили? Вероятно, ему отказали. Но, спрашивается, что могло послужить причиной отказа? Я недавно узнал, что в настоящее время свободны две стипендии Зубалашвили; разве нельзя, хотя бы временно, дать одну из них К. Поцхверашвили?»

В настоящее время К. Поцхверашвили живет у меня, это очень трудолюбивый человек и при этом настоящий музыкант.

Остаюсь вашим искренним почитателем, Мелитон Баланчивадзе».

Еще не будучи лично знаком с молодым музыкантом, Я. Гогобашвили в письмах не только ободрял его, но и оказывал ему материальную поддержку. В ответ на такое сердечное участие Котэ Поцхверашвили писал:

«Глубокоуважаемый господин Яков Семенович! Позвольте мне выразить Вам глубокую и сердечную благодарность за ту заботу и старания, которые Вы проявляете в отношении меня на протяжении последних двух лет. Искреннее участие и сочувствие, которое было высказано в Ваших письмах, на долгое время будет для меня единственной подбадривающей силой. Вот уже седьмой год, как я изучаю грузинскую музыку, и по сей день никто кроме вас не оказывал мне такой поддержки...»

В другом письме он жалуется своему старшему другу:

«Уважаемый Яков Семенович! Не утруждайте себя, из Кутаиси тоже ничего не получите. Они мне с 1903 года обещали золотые горы, но отказали... В прошлом году я обратился в Комитет, распределяющий стипендии Сараджишвили, с просьбой оказать мне материальную помощь для изучения музыки. На эту просьбу я получил такой ответ: «Грузинские композиторы ничего не создали, наши стипендии не предназначены для них».

Тогда Я. Гогобашвили обращается с просьбой оказать денежную помощь будущему композитору к бакинскому нефтепромышленнику Якову Мансвешвили, который, уважив просьбу Гогобашвили, назначил Котэ Поцхверашвили ежемесячную стипендию в размере 25 рублей и внес его в список стипендиатов, выразив надежду, что он «оправдает наши с тобой надежды».

«...Если бы не Вы, — пишет Поцхверашвили Якову в письме от 21 января 1907 года, — мне никто не дал бы стипендии, и мои желания остались бы только желаниями.

Ваш вечный почитатель Константин Поцхверашвили».

Организованный в том же году в Москве Котэ Поцхверашвили концерт грузинской музыки имел большой успех. В статье об этом концерте, помещенной в газете «Цнобис пурцели», Я. Гогобашвили приветствовал молодого композитора и обращался к грузинскому обществу с просьбой оказать ему содействие и поддержку.

По поводу этого концерта в той же газете была напечатана статья Захария Палиашвили, которого как умного, серьезного студента Московской консерватории, успешно овладевавшего теорией музыки в композиторском классе С. И. Танеева, Я. Гогобашвили считал своим постоянным стипендиатом.

Спустя год газета «Исари» опубликовала статью Я. Гогобашвили «О грузинском хоре», посвященную концерту, устроенному Котэ Поцхверашвили в Москве в 1907 году. Автор ее с удовлетворением отмечает, что присутствующие пришли в восторг от мелодичных звуков грузинской музыки.

По мнению Якова Гогобашвили, необходимо учредить комитет в составе шести-семи человек по распределению стипендий, который упорядочит это важное дело.

В течение многих лет Я. Гогобашвили неутомимо боролся за воспитание грузинских музыкальных кадров. Прекрасно понимая силу воздействия музыки и пения, считая его духовной пищей человека, показателем культуры нации, ее просвещения и образования, Я. Гогобашвили как истинный гуманист и выдающийся мыслитель постоянно заботился о процветании грузинской музыкальной культуры, о выявлении и поддержке ее новых сил.

В одной из своих статей Я. Гогобашвили говорит, что лет двадцать пять тому назад он познакомился с неким Миропольским, направленным из Петербурга в Грузию для проверки семинарий и духовных училищ — тот хорошо разбирался в музыке. Он прослушал грузинские народные песни и церковные песнопения и пришел от них в восторг. Миропольского поразило обилие их, красочность и гармоничность.

По заключению Якова Гогобашвили, после прослушивания грузинских песен и песнопений Миропольский особенно высокого мнения остался о грузинских педагогах.

«У грузинского народа есть славные национальные мелодии, песни и песнопения, — пишет в одной из своих ста-

тей отец грузинской педагогики, — и для того, чтобы драгоценное достояние не осталось мертвым капиталом, для того, чтобы оно действовало и шло вперед, совершенствовалося, стало бы источником интенсивного наслаждения и прославлялось бы в глазах грузин и иностранцев, необходимо, крайне необходимо создать большой, национальный грузинский хор». А чтобы этот хор в дальнейшем развивался и расцветал, посоветовал оказать поддержку Котэ Поцхверашвили.

В 1910 году Поцхверашвили приехал в Тбилиси. Яков Гогобашвили разослал его в гостинице «Универсаль», и пригласил к себе. И вот наконец великий педагог и молодой композитор впервые встретились. Я. Гогобашвили принял гостя как родного сына. Затем он повел его в Дворянское собрание, где рассматривалось прошение Котэ о назначении стипендии. В развернувшихся во время заседания прениях Я. Гогобашвили горячо отстаивал просьбу К. Поцхверашвили. Он вышел с собрания взволнованным, вспоминает К. Поцхверашвили, но не терял надежды, что ему в конце концов назначат стипендию. Но был получен отказ. Тогда возмущенный Я. Гогобашвили написал председателю марганцепромышленников Ждановичу: «Пусть бог покарает гневом за бестолковый ответ председателя тбилисского и кутаисского дворянства. Этот ответ, мотивированный позорной причиной, возмущил меня, старого человека. Ваше учреждение не сословное, Вы свободны от таких причин, сделайте для меня это дело, не то я заложу все свое имущество и сам разрешу этот вопрос».

Настойчивость Я. Гогобашвили в конце концов увенчалась успехом. Предприятие марганцевой промышленности назначило Котэ Поцхверашвили стипендию в размере 40 рублей в месяц. Теперь бюджет будущего композитора уже составлял 65 рублей. И них 35 рублей он платил за обучение. Правление бакинских нефтепромыш-

ленников выделило ему в виде единовременного пособия 2.000 рублей.

Одновременно Котэ Поцхверашвили настойчиво изучает композицию дирижерское мастерство и музыковедение. В 1912 году он приезжает из Петербурга в Грузию для проведения ряда концертов. В это время композитор работает над симфонической поэмой «Амирани» и оперой «Крушение идолов». Он предстал перед своим покровителем и защитником со своего рода творческим отчетом. Я. Гогобашвили похвалил его за усердие и сказал: «Напиши такое произведение, чтобы грузинский народ пришел к тому воскресному дню, который я ожидаю с нетерпением. Что же касается либретто «Крушения идолов», оно слабое, идола не смогут сокрушить молитвы Нино. Этим вопросом интересуется Василий Барнов, свяжись с ним и по его указаниям переделай либретто».

К. Поцхверашвили принял совет Я. Гогобашвили и переработал по указаниям В. Барнова либретто «Крушения идолов».

Частые дружеские встречи с Яковом Гогобашвили, его отеческие советы и наставления с еще большей силой будили в молодом композиторе любовь к родной музыке. Гогобашвили требовал, чтобы он нашел такой музыкальный язык, который не отдалил бы его от народа. «Я прошу тебя только об одном, — говорил он Котэ, — при написании оперы включи в нее как можно больше народных мотивов. Мои книги потому пользуются спросом, что я старался говорить с народом на понятном ему языке».

Выдающийся педагог и общественный деятель Яков Гогобашвили горячо боролся в ту сложную и тяжелую пору за расцвет грузинской музыки, за всестороннее раскрытие таланта грузинского народа, за его просвещение и благополучие. Сегодня с такой же силой звучит его призыв к музыкантам: «Пишите и говорите с народом на понятном ему языке».

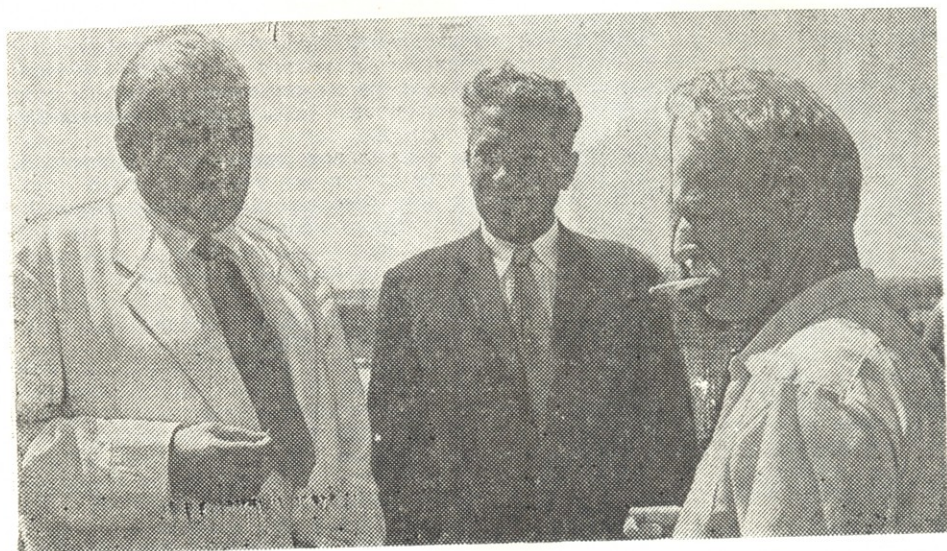
Дни, проведенные с Шолоховым

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Михаила Шолохова, в течение последних сорока лет издающиеся массовым тиражом на всех континентах земного шара, каждый раз с нетерпением ожидает бесчисленная армия читателей. Трудно найти другого современного романиста, который был бы столь популярным у огромной читательской массы, как М. Шолохов. В чем же причина этого?

В мастерстве, народности, творческой специфике? Безусловно, но не в меньшей степени и в той поразительной жизненной правде, которую писатель передает с потрясающей непосредственностью, абсолютно не прикрашенной.

Задолго до присуждения автору «Тихого Дона» Нобелевской премии его возвели в ранг гигантов художественного мышления. Он был совсем молодым, когда благодаря содержательности, совершенству формы и психологической глубине первых же книг имя его связали с именами классиков русской литературы XIX века. Подобная судьба — удел не многих.

Шолохов, как известно, пишет на современную тему, однако тема эта в то же время и история и современность, и прошлое и настоящее, и философское предвидение и лирический пассаж в эпосе. Все, о чем пишет Шолохов в «Тихом Доне», хотим мы того или нет, это история нашей страны, картины жизни, правдивые, нарисованные с большим художественным мастерством. Пожалуй, никем в художественном творчестве не было сказано столько правды о том периоде жизни нашей страны, сколько сказал Шолохов. Он дал нам возможность заглянуть во все бездны, которые породила тогдашняя жесточайшая действительность, он показал нам жизнь того времени, какой она была и

НА СНИМКЕ: справа налево — Михаил Шолохов, Георгий Джибладзе и Георгий Леонидзе (1961 год)

как она развивалась. Никто нам не рассказывал и не показывал столько. Нравится нам это или нет, но таков был ход истории, и «Тихий Дон» — это не только творческий подвиг его автора, но и пример гражданского мужества. И по прошествии веков не померкнут картины, нарисованные Шолоховым. И даже же самый строгий, самый дотошный историк не сможет возразить против той истины, которая проявилась в «Илиаде» нового времени. В ней все бурлит, все борется, умирает и рождается, висит на волоске, перед глазами предстает жизнь в своей неповторимой красоте, с тысячами испытаний... Одни воспринимают ее органически, иные — скептически. Первые относятся к категории типов трагических, вторые — трагикомических. Целая галерея таких типов представлена Шолоховым в «Тихом Доне».

Поэтому так трудно и в то же время так легко писать о нем. Трудно потому, что нужно быть точным, как Шолохов, и легко, потому что его мастерство воодушевляет и вдохновляет. А лучшего духовного настроя для критика, чем воодушевление и вдохновение, и быть не может. В это время пишется легко, непринужденно, и в глубине души ощущаешь благодарность к человеку, давшему возможность испытать подобное ощущение.

Неудивительно, что дни, проведенные рядом с писателем такого масштаба, незабываемы. В лице Шолохова грузинская писательская общественность давно обрела истинного друга, с которым ее связывают самые тесные дружеские отношения.

Симптоматично, что автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» со своими друзьями трижды побывал в Грузии. Впервые он приехал к нам в 1961 году. Его пригласили по инициативе известного журналиста и общественного деятеля Давида Мchedlishvili, который сделал многое для укрепления дружбы русского писателя с грузинскими деятелями. Эта дружба длится по сей день, бескорыстная и деловая.

Достопримечательности Грузии, в том числе могила А. Грибоедова, памятники культуры, собранные в Государственном музее республики, окрестности Цинандали — все это произвело на М. Шолохова глубокое впечатление.

Повсюду он говорил о героическом прошлом Грузии, ее прекрасном настоящем и еще более прекрасном будущем. В его словах, мыслях, ощущениях явственно чувствовалось наряду с глубокой любовью, искреннее восхищение мужеством, энергией грузинского народа, его достижениями в области культуры. Все, кто был тогда рядом с ним, — Георгий Леонидзе, Давид Мchedlishvili, Михаил Давиташвили, Григор Абашидзе, Ираклий Абашидзе — были покорены его простотой, теплым, почти братским отношением.

Мне с моими друзьями посчастливилось поближе познакомиться с Михаилом Александровичем. И те несколько дней, что мы провели рядом с ним, беседы и споры по различным вопросам искусства навсегда останутся в моей памяти. Несмотря на бурную, полную тяжелых испытаний жизнь, Шолохов — человек тихий и спокойный, исполненный теплых, человеческих чувств. Всемирно известный художник, он отличается удивительной простотой и скромностью. Вот он стоит рядом с вами, слушает, отвечает вам, но вас не покидает мысль, что он — на вершине Олимпа. Порою кажется, не ты его гость, а он сам пришел к тебе, как добрый нежный старший товарищ. Есть в этом мгновенное приближение великого к обыденному и наоборот.

Еще раз напомним, Михаил Шолохов — человек спокойный, скромный, обаятельный. С первой же встречи он очарует вас, и вы уже навеки его друг. Но в нем бушует разинский гладиаторский дух, бесстрашный и непреклонный. Он всегда готов к борьбе. Ведь всю свою молодость Михаил Александрович провел в борьбе — на фронтах гражданской и второй мировой войн. Его классические произведения — романы, повести, рассказы, выступления, как итог титанического труда, пронизаны боевым творческим духом и глубочайшей принципиальностью. Он никогда не отступит, как простой донской казак, не уступит в главном, принципиальном, как его герой Григорий Мелехов.

Кроме этих личных достоинств, Шолохов обладает удивительным умением правильно понимать новое и старое, большое и малое. Осматривая Светицховели, он задал мне ряд вопросов, отметив дисгармонию в архитектуре западного фасада. В ответ на мои слова о существующем в теории искусства тезисе — достижение гармонии путем дисгармонии — с улыбкой ответил: «Древние умели строить, и вкус у них был высокий и тайны эстетики им были хорошо знакомы. Светицховели — великий монумент, подтверждающий эту истину».

Впоследствии, в Дарьяльском ущелье он долго разглядывал взметнувшиеся в небо скалы-великаны, приведшие его в изумление, слушал грозный рев разъяренного Терека. Я почувствовал, что мысленно он перенесся в эпоху Грибоедова, Пушкина, Лермонтова. Внимательно осматривал вековые развали-

ны форта, сооруженные на отвесных скалах башни, и мне рассказали, прошлое повторилось в новой вариации — гений девятнадцатого столетия здесь, у древнейших врат Грузии, встречал гений века двадцатого. Приехавший сюда из донских степей Шолохов видел в гордых горах Грузии живые картины прошлого и настоящего. Он как вольный сын природы любовался странной палитрой Дарьяла. У творчества его та же полная гнева палитра, но пронизанная такой нежностью и красотой, какая свойственна самой природе. Естественность — альфа и омега его творчества. Можно смело утверждать, что Шолохов вжил в природу, растворился в ней.

Никогда не забуду первого знакомства с Шолоховым. В 30-е годы мы, начинающие критики, спорили о вопросах его художественного метода, говорили о близости «Тихого Дона» к романам Л. Толстого, критиковали «теорию непосредственного впечатления», бывшую тогда в моде, утверждали, что Шолохов — писатель огромного дарования, что первая же книга его романа «Тихий Дон» представляет собой несравненную эпопею. К сожалению, «Донских рассказов» ни я, ни мои товарищи еще не знали.

Но уже тогда Шолохов рисовался нам литературным колоссом, который сразу проявил все измерения своего художественного вдохновения. И мы, неопытные юнги литературы, не ошибались тогда, давая столь высокую оценку адмиралу литературы. Одно только мы не знали. В этом сравнительно небольшого роста человеке было нечто богатейшее не только в духовном, но и физическом отношении. Это мы почувствовали во время его пребывания в Грузии. В ветреную погоду он одолел крутые тропинки к пещерам Вардзин с той же удалью, с какою мчится на своем иноходце казак по донским степям. Мы не заметили его усталости. Мы, его чичероне, нуждались в отдыхе, а он без усталости шел и шел вперед.

Удивительной воли человек! В Цинандали он полусушня говорил о своей выдержке и воле, призывая меня в свидетели того, что он, Михаил Шолохов, находясь в райских погребках и марани Цинандали, даже не прикоснулся к дарам Бахуса. И тут же выражал сомнение — вряд ли кто в это поверит. Он обладает исключительным чувством юмора, и дед Щукарь — это не просто фольклорный образ, как думают некоторые критики, это непосредственное отражение шолоховской души.

Истину, правду он говорит прямо, не стесняясь. Человека ценят не по занимаемой им должности, а по богатству внутреннего мира. Однажды он беседовал с нами до самой зари. В ту ночь по нашей просьбе Михаил Александрович написал прекрасные слова о Важа Пшавела, да так, что не понадобилось менять ни буквы: свободно, легко, непринужденно, каллиграфическим почерком. Эти слова известны сейчас каждому грузинскому литератору.

Передавая мне рукопись, Шолохов сказал: до юбилея Важа Пшавела прошу не публиковать. Это было 23 июня в 3 часа ночи. Юбилей должен был состояться 27 июля. Я поступил так, как просил меня Михаил Александрович: слово о Важа Пшавела было передано в прессу 26 июля и опубликовано в день юбилея великого грузинского поэта.

Шолохов притягивает к себе людей как магнит. В обществе друзей он необыкновенно обаятелен. Что только не расскажет, не вспомнит! Рассказывает живо, увлекательно, остроумно. Его можно слушать без конца и не соскучиться. Когда он рассказывает, перед вами — Шолохов-романист.

В июле 1961 года мы гостили в Вешенской. Шолохов покорил нас своей непосредственностью, заботой и вниманием. Очарованный грузинскими лирическими песнями, Шолохов с увлечением (в который раз!) слушал Цицино Цицикишвили и Нателу Кирвалидзе, виртуозному исполнению которых аккомпанировал автор, талантливый композитор Сандро Мирианшвили. Во второй наш приезд в Вешенскую хозяев очаровало пение Венеры Майсурадзе и музыкальное сопровождение Медеи Гонглиашвили. Шолохов с удовольствием погружался в море чарующих грузинских мелодий.

Нас принимали в Вешенской так сердечно, что восхищенный Георгий Леонидзе сказал: «Только истинно великий человек, который и в гостеприимстве гений, мог оказать столь ласковый и сердечный прием...». Я осмелился тогда до аналогии с Горьким назвать Шолохова Гомером в прозе XX века. Георгию Леонидзе это сравнение очень понравилось, он даже несколько раз так и обратился к Шолохову.

Оригинальность — самая сильная внутренняя стихия его творческого духа, заложенная в его же естественности и простоте.

В июне 1961 года Шолохов вместе с Георгием Леонидзе и Давидом Мchedlishvili был моим гостем. Среди приглашенных было немало журналистов и фоторепортеров, которые не давали покоя автору «Тихого Дона». Его фотографировали во всех ракурсах — то в профиль, то в фас, а он, казалось, не обра-

щал на это никакого внимания. Но спустя некоторое время я убедился, что Шолохов — не любитель подобных церемоний и мирится с ними по мере необходимости. Когда, собираясь в Вардзиро, мы вышли в боржомский парк, большая группа отдыхающих окружила писателя и попросила его сфотографироваться вместе с ними. Оказывается, они подкарауливали Шолохова, расставив повсюду «пикеты». Но он в очень вежливой форме отказался фотографироваться, сославшись на трудный день, который ему предстоял...

В тот вечер в моем доме разговор шел о прозе, затем перекинулся на общие литературные проблемы. Шолохов проявил при этом фундаментальные знания по грузинской литературе и искусству, что привело всех нас в восторг. Георгий Леонидзе не мог скрыть своей радости по поводу того, что такой большой писатель прекрасно знает не только Шота Руставели, Важа Пшавела, Илью Чавчавадзе, Акакия Церетели, но и разбирается в грузинском фольклоре. Этот вечер никогда не забудется...

Во время пребывания Шолохова в Грузии мы строго соблюдали традиции грузинского гостеприимства, но, когда приехали к автору «Тихого Дона» в Вешенскую, перед нами наполовину в шутку, наполовину всерьез встала «проблема»: кто же лучший хозяин?

В 20—30 километрах от Вешенской в просторной палатке на берегу реки Хопер, после рыбалки Шолохов устроил нам пир. Это было 21 июля 1961 года. Среди гостей находились крупный норвежский издатель с супругой, которые полностью разделяли наш восторг перед гостеприимством Шолохова. В тот день волшебные звуки грузинских мелодий в исполнении наших замечательных певцов разнеслись над донскими степями, где некогда жили бессмертные герои «Тихого Дона» и «Поднятой целины», где еще раньше мчали своих иноходцев правдивые сердцем люди, самоотверженные, бесстрашные казаки Разин и Пугачев. Было нечто прекрасное, патетически возвышенное и героически романтическое в этих встречах на берегу Хопра.

Не скрою, все это время меня не покидала мысль о том, что 27 июля должен состояться юбилей Важа Пшавела, что масса дел осталась незавершенной и доклад еще не написан. Шолохов все это знал. На следующий день, вечером, когда закончилась встреча с норвежским издателем, гостившим с супругой у писателя, Михаил Александрович неожиданно ввел меня в свой рабочий кабинет и сказал: здесь можно успеть написать несколько страниц. Я был поражен его чуткостью. Поблагодарив, сел за шолоховский стол и действительно стал писать. Однако больше двух страниц написать не смог. Но и это было немало. Во всяком случае с помощью самого Шолохова главное оказалось сделанным: целина доклада была поднята — он был начат!

Во второй наш приезд в Вешенскую Шолохов организовал многочасовую прогулку по Дону. Он показал нашей делегации, куда в отличие от первой входили известный композитор Реваз Лагидзе и поэт Ираклий Абашидзе, деревню, где «жили» герои «Тихого Дона», — вот мой хутор Татарский, — сказал он. В течение всей этой прогулки Шолохов проявлял присущие ему чуткость и заботу.

На другой день мы осматривали хутор Кружилин, где он родился. К сожалению, дома, где Шолохов впервые открыл глаза, теперь уже нет. Другой же дом, где он провел свое детство, существует и поныне. Кружилинцы оказали нам большое гостеприимство, да и мы не остались у них в долгу, одарив их своей любовью, чувством братства и дружбы. Кружилинцы очень гордятся тем, что Шолохов был их односельчанином, мы же — тем, что он — наш личный друг.

А такие личности, как Шолохов, — люди особой судьбы; их талант рождает зависть у бездарных и посредственных писателей, за всю свою жизнь так и не создавших ничего значительного, а в искусстве клеветы превзошедших самих инквизиторов. Они существовали и тогда, когда понятия инквизиции еще не было, и прошло более десяти веков, прежде чем родился первый инквизитор. Именно они создали абсурдную легенду, будто Платон украл свои мудрые мысли у Моисея пророка, что «Органон» Аристотеля не что иное, как индийское сочинение, которое завещал великому философу его дядя, а он выдал его за свое. И Шекспир тоже вор; ни одна трагедия не написана им, бездарным актером, неучем, выходцем из низов; все принадлежит перу графа Р. М. Ретленда. И Гегель — плагиатор, но от других литературных воров отличается тем, что является самым «мощным плагиатором». Инквизиторы заставили бегать по судам Рене Декарта, гениального Островского... Разве всех назовешь...

Подобную судьбу разделил и Шолохов. Как только вышла в свет первая книга «Тихого Дона», разочарованные завистники оклеветали его автора. Но тогда он не знал об этом, и только когда клевета умерла, ему стало о ней известно. А сегодня средней руки писака, нашедший прибежище в буржуазной

Европе, повторяет покрытую полувекковой пылью клевету на сей раз с целью чисто политического шантажа. Здесь простой расчет: апологетам буржуазного мира отнюдь не по душе автор «социалистических романов» Михаил Шолохов, которого отличает удивительная духовная застенчивость, очаровывающая друзей, бескорыстно его любящих. В свою очередь и он дарит им свою любовь.

Никогда не забыть мне той неизмеримой радости, которую испытал я в день моего шестидесятилетия, когда мне передали поздравительную телеграмму от Михаила Шолохова, присланную из Вешенской: «Поздравляю с днем рождения, обнимаю, целую моего стареющего друга. Мужайся и не унывай. Твой Михаил Шолохов».

Не забуду еще одной телеграммы от него. 26 декабря 1964 года я поздравил его с наступающим Новым годом и закончил телеграмму известными словами Пушкина: «Прошу разрешения крепко обнять Вас с надеждой увидеть на холмах Грузии...».

В ответ я получил телеграмму: «Надеюсь обнять дорогого академика на холмах Грузии беспечальной летом этого года. Сердечный привет. Шолохов». Однако летом 1965 года он не смог приехать в Грузию. Приехал лишь в августе 1968 года. Поездил по Западной Грузии, несколько дней провел с чаевыми. Его избрали почетным членом натаневского колхоза. Вместе с колхозником Константином Гуджабидзе, четверо сыновей которого погибли в борьбе с фашистами, посадил мандариновые деревья. Шолохов принял близко к сердцу горе колхозника. Будучи военным корреспондентом на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах, он собственными глазами видел ужасы войны, с таким мастерством описанные в «Науке ненависти» (приключение Виктора Герасимова), «Судьбе человека» (трагедия Андрея Соколова), романе «Они сражались за Родину». Да и сам он во время войны пережил много горя. Вражеская бомба у него на глазах убила семидесятилетнюю мать, фашистские мины взорвали дом, в котором он жил, сгорела вся его библиотека... Понятно, что человек, перенесший столько бед, к тому же еще большой писатель, не мог остаться глухим к горю отца, потерявшего сыновей.

И была в этом какая-то шолоховская символика, когда в натаневском колхозном саду он сажал мандариновые деревья в память четырех не вернувшихся домой братьев!

Но самое драгоценное, что сеет Шолохов своим творчеством на мировых меридианах, это человечность, человеколюбие, гуманизм, правда, идея нового мира, высочайшая слава советской литературы. Если бы не было Горького и Маяковского, для мирового величия советской литературы достаточно было бы имени одного Шолохова. Его можно поставить только в один ряд с гигантами художественного мышления. Он так далеко раздвинул границы нашего искусства, что стал первым среди современных писателей. Его проза своим мастерством доставляет нам такую же радость, как прекрасная музыка.

Эпос Шолохова, как Бетховен, затронет неизведанные чувства, как Моцарт, изумит, как Верди, взволнует и вызовет восторг, как Шопен, превратит в колосса, будь ты самый немощный человек, как Бизе, выведет на людную площадь, чтоб опьянить любовью, как Чайковский, обласкает и согреет лиризмом, как Палиашвили, очарует и внушит мысль, что прозе, как и музыке, доступно все.

Таков эпос Шолохова! Некоторые сравнивали его прозу с полифоничной музыкой, усматривая между ними родственные связи... Я не знаю, как будет доказано это сходство, но в этом сравнении интуитивно чувствую истину. Однако оставим параллели. Справедливее будет считать шолоховскую прозу полифонической по ее естественным течениям, внутреннему звучанию и многоголосию фраз. Подобно полифонической музыке шолоховская проза чарует читателя многообразием тонов. Это своего рода музыка, песня, только тот, кто поет, служит музе Аполлона как поэт и как музыкант. Шолохов в своем творчестве глубоко музыкален, и потому он поэт, нарушивший обычные границы между прозой и поэзией, передавший формы прозы поэзии, оставив при этом в неприкосновенности ее внутреннюю суть. Полифоничная проза — внутренняя стихия поэтического таланта Шолохова, сила которого так оригинально раскрылась в «Илиаде» донского края. Раскрылась как новый эпос, как первенец современности.

Шолохов настолько своеобразен, оригинален и исключителен, что я не вижу, с кем бы его можно было сравнить. Он — несравненный писатель! Единственное возможное сравнение выражается следующей формулой: Шолохов — Гомер XX века. Его эпос — эпос XX столетия!

Как солдат в окопе...

«**Н**АЧИНАЯ с зеленой юности, — признается Константин Лордкипанидзе, — я живу, как солдат в окопе. А в окопе чаще всего приходится смотреть только вперед, и у меня пока не было времени оглянуться, подумать о прожитом. Да и то надо учесть, что жизнь в окопе имеет, как я сейчас понял, не только свои преимущества, но, к сожалению, и некоторые минусы. Солдат из окопа не все видит и не всегда знает, что происходит за пределами обозримого».

В этих словах писателя, прошедшего большой жизненный путь, звучат нотки некоторого сомнения. И это вполне естественно, ибо художника, считающего себя солдатом новой эпохи, не может не волновать вопрос, насколько в ногу с действительностью шагает он.

Следуя заветам своих предшественников — классиков грузинской литературы, для которых слова писатель, борец, гражданин слились воедино, а также призыву эпохи, сознавая свой долг перед временем и народом, К. Лордкипанидзе всегда в кипении жизни, в поисках того сложного и трудного участка, где более всего нужен человек недюжинных сил. Его неодолимо влечет к себе светлое и доброе в жизни, им никогда не владел скепсис: он никогда не терял надежды, убежденный в силе и гуманизме человека.

Благодаря этим качествам и счастливому совпадению их с духом эпохи, К. Лордкипанидзе неуклонно стремится к утверждению зова времени и собственных убеждений, отстаивая их с первых шагов своего творчества, базирующегося на позициях социалистического реализма в литературе.

В силу этого он воспринимает мир, где постоянно противостоят добро и зло, не однобоко, а во всей его многогранности. Вот почему его романы и рассказы отмечены таким глубоким драматизмом, а даже самые напряженные ситуации в них освещены надеждой, ибо писатель верит в непоколебимость добра, неодолимость силы человеческого духа, в его победу над темными силами жизни. Такой настрой делает еще более сильным дух борьбы, который буквально пронизывает его произведения.

Борец по натуре, К. Лордкипанидзе с открытым забралом защищает то, во что верит сердцем и разумом. Поэтому он действительно похож на солдата, прошедшего всю жизнь в окопах, откуда пусть и не все видно, зато отлично просматривается поле битвы. В этом нас убеждают вся жизнь его и творчество.

И хотя К. Лордкипанидзе сравнительно «скупой» творец, все его творения питают глубинные истоки жизни.

«Каждый правдивый писатель повествует о своей биографии и биографии своего поколения, именно из произведений можно глубоко и полно узнать о духовной жизни писателя». Истинность этих слов со всей очевидностью подтверждает творчество самого К. Лордкипанидзе.

Борьба за установление Советской власти в Грузии, первые трудности и первые радости победы, утверждение социалистического образа жизни в городах и селах, великая и суровая Отечественная война, послевоенные годы восстановления народного хозяйства, устремленность к новым вершинам на пути строительства коммунизма — вот путь миллионов советских людей, вот их мир, художественно обобщенный и отраженный в произведениях писателя.

Наряду с высокой гражданственностью их отличает удивительная простота, придающая неповторимое очарование его творениям. Считая классическую форму наиболее действенной для выражения своих мыслей и чувств, он заявляет: «Моим главным учителем в литературе был и остается Илья Чавчавадзе. Именно его произведения («Отарова вдова», «Рассказ нищего», «На селище») произвели на меня неизгладимое впечатление. У него я впервые прочувствовал соль грузинского языка и рельефную легку характеров. Если я что-нибудь знаю, как писатель, всему этому я выучился у него».

Константину Лордкипанидзе не исполнилось и двадцати лет, когда вместе с другими пролетарскими писателями он вошел в грузинскую литературу и обратил на себя всеобщее внимание. В 1923 году восемнадцатилетним юношей он становится одним из основателей Кутаисского отделения Ассоциации пролетарских писателей. Можно сказать, что свой путь как писатель он начал с первых же дней установления Советской власти в Грузии и с тех пор идет в ногу с жизнью.

В годы революции и гражданской войны призывали не только в армию. Массовый призыв был объявлен и в литературу, куда устремились и откуда столь же стремительно отхлынули тысячи жаждущих создавать новую культуру. Сравнительно упрямые примитивисты довольно долго пытались доказать преимущество своей позиции и продолжали пребывать в литературе до тех пор, пока сама жизнь не выбросила их на мель. Но наряду с этим процессом из потока пролетарских писателей выделилась та часть истинно талантливой молодежи, вокруг которой произошла консолидация советской литературы. Одно из ярких доказательств тому — творчество К. Лордкипанидзе.

Уже в его ранних произведениях (стихах, поэмах, рассказах, пьесах) ощущается та здоровая позиция, которую писатель отстаивает по сей день. Это — верность и бескорыстное служение новой жизни. Литературные достоинства этих ранних опытов, разумеется, не бесспорны не только для нас, но, видимо, и для их автора (очевидно, по этой причине он и не внес их в недавно изданный четырехтомник своих сочинений). В двадцатые годы главным являлось то, что молодой писатель искренне говорил о революции, о комсомоле, о новых отношениях между людьми. И хотя в первых книгах К. Лордкипанидзе нельзя не заметить наивности и неопытности их автора, схематизма образов и других художественных недостатков, в них неизменно ощущается жажда познания жизни и верная литературная позиция, что и привело писателя к созданию опубликованного в 1931 году романа «Долой кукурузную республику», который позднее, после переработки и завершения, был назван «Заря Колхиды».

Благодаря масштабности отраженных в нем жизненных явлений, актуальности и глубине проблем и, что самое главное, его высоким художественным достоинствам роман приобрел значение этапного произведения в процессе развития грузинской советской литературы.

«Заря Колхиды» занимает особое место и в творчестве К. Лордкипанидзе. Хотя сразу же по выходе в свет роман получил высокую оценку таких признанных авторитетов, как Михаил Джавахишвили и Лео Киачели (см. К. Имедашвили «Человек и время», стр. 46—53), писатель не прекращает вдумчивой и тщательной работы над ним, совершенствуя и шлифуя его для каждого нового издания.

В этой книге, по словам Л. Киачели, «...Константин Лордкипанидзе порази нас замечательным художественным видением мира, некоторые картины романа поражают своей выразительностью. К этому еще следует добавить доскональное знание новой деревни и новых людей ее». По большой жизненной правде, масштабности и силе художественного изображения, отличающим роман, «Заря Колхиды» вызывает определенные ассоциации с произведениями Михаила Шолохова. Показательно, что впервые эти имена сопоставил Михаил Джавахишвили в 1934 году во время публичного обсуждения романа, в котором многосторонне проявились талант и мастерство его автора. Но особенно сильное впечатление оставляет психологическая обрисовка образов и характеров. Писатель создал целую галерею типичных образов сельских тружеников периода коллективизации. Он одинаково тщательно лепит каждый образ, в результате чего наряду с центральными героями Меки Вашакидзе и Тарасием Хазарадзе в памяти читателя надолго остаются четко обрисованные образы Аслана Маргвеладзе и Георгия Джигкариани, Барнаба Саганелидзе и Дахундары, Дофины и Вачуа и многих других.

В «Заре Колхиды» на примере жизни сельского батрака Меки Вашакидзе с большой убедительностью раскрыты сила и величие творческой энергии раскрепощенного крестьянства. Картины социальных изменений на селе создают тот необходимый фон, без которого остались бы непонятными причины перевоплощения центральных героев. Поэтому писатель не ограничивается ху-

дожественной биографией Меки, а рисует обширную картину всей сельской жизни. Действие выводит на сцену героев, отличающихся своеобразием характера и психики. Каждый из них представляет собой типичный образ людей различного социального строя, а собранные вместе, они прекрасно показывают процесс перелома, происходившего на селе в период коллективизации.

Талант и чутье К. Лордкипанидзе с особой силой проявляются в отличном понимании тенденции развития художественного образа, которой он никогда не идет наперекор. Подтверждением тому служит образ Меки Вашакидзе.

С первых же страниц романа становится очевидным, как горька участь этого сельского батрака. Она сломила Меки, связала по рукам и ногам, но жажда жить по-человечески все же в нем сильна.

Наши ожидания, что Вашакидзе не сражен окончательно, что он снова поднимется на борьбу с превратностями жизни, оправдываются. И пусть с первых шагов Меки выбирает неверный путь. Главное — он начинает действовать. С интересом наблюдаем мы, как Меки собирает деньги, чтобы приобрести упряжку быков. Он меняется буквально у нас на глазах, так как у него появилась цель в жизни. Сколько художественной правды в сцене на базаре, когда Меки с довольным легким кошельком в кармане деловито шагает среди толпы и с видом завязатого покупателя разглядывает продающийся скот. Два года жил Меки этой мечтой, но собранных денег оказалось недостаточно для ее осуществления, и отчаяние его безгранично. Он не видит выхода из своего жалкого положения. От энергии и самолюбия, ненадолго пробудившихся в нем, не остается и следа. Все свои сбережения он тут же спускает в кабаке, пьянствуя с Дахундарой, и снова становится верным слугой Эремо.

Писатель с исключительным мастерством рисует образ Меки. Он дает читателю время глубоко проникнуть в духовный мир героя, разобраться в душевных переживаниях, которыми переполнен этот одинокий парень. Если бы К. Лордкипанидзе завершил образ Меки на этом этапе развития, он все равно бы остался одним из лучших психологических портретов в грузинской прозе. Но логика развития образа не позволяет поставить точку здесь. Действие должно продолжаться, судьба Меки должна убедить нас в необходимости новой жизни. Писателю надлежит показать ту силу, которая способна претворить в жизнь мечты таких бедняков, как Меки, раскрепостить их труд, вывести на прямую и ясную дорогу.

Для того, чтобы неожиданный поворот в жизни Меки был подготовлен психологически, писатель скрупулезно рисует трагическое бытие батрака, раскрывая его переживания и мысли. Тяжелый плуг жизни оставил в душе Меки глубокую борозду, которая готова принять семена новой жизни. Поэтому совершенно естественным воспринимаем мы его выступление на общей сходке крестьян, когда в нем неожиданно вспыхивает годами накапливавшаяся ненависть, и он, волей случая ставший свидетелем темных махинаций кулаков, как разъяренный тигр набрасывается на врагов бедных крестьян. Отсюда берет начало новый жизненный путь Меки, путь борьбы и побед, который навсегда связывает судьбу Вашакидзе с общей судьбой трудового народа — творца будущего.

Писатель и в дальнейшем не изменяет жизненной правде. Внезапный поворот Меки, подталкиваемого обстоятельствами к новой жизни, дался ему легко. Но искоренить в себе то, что годами накапливалось и отпечатывалось в его характере, — не так-то просто. Автор умышленно не торопит процесс перерождения главного героя. Мы еще долго сможем наблюдать, как проявляются в Меки годами привитые навыки. Постепенно новая жизнь заставляет его забыть свое жалкое прошлое. Так социальная действительность преобразовывает Меки Вашакидзе, выводит его из рабского глена на широкую дорогу жизни, превращает из пресловутого «Хрикуны» во всеми уважаемого труженика.

Меки — один из самых значительных героев грузинской советской литературы, своеобразная жизнь которого олицетворяет путь многих молодых людей нового села.

Значение «Зари Колхиды» для грузинской литературы заключается еще в том, что именно в этом романе впервые выведен высокохудожественный образ сельского коммуниста. Судьба Меки, находящаяся в центре внимания писателя, не позволила ему с самого же начала ввести в действие вожака крестьян, и линия Тарасия Хазарадзе несколько позднее вплетается в общее развитие сюжета. После поражения Меки в индивидуальной борьбе, когда назревает момент связи его с общим движением, образ Тарасия приобретает особое значение, и автор со всей внимательностью обрисовывает этот образ. После той сродки, с которой начинается новая эпоха в жизни Меки, судьба его неразрывно связывается с судьбой Тарасия, и, начиная с этого момента, два главных образа романа развиваются параллельно.

Константин Лордкипанидзе с присущей ему психологической глубиной рас-

крывает духовный мир героя, умело убеждая нас в высокой гражданственности и коммунистическом сознании Хазарадзе, в его чрезвычайно человеческих чувствах и характере. По мере развития действия все яснее становится, какими прекрасными качествами наделен Тарасий — предводитель масс. Особенно необходимо подчеркнуть его умение найти подход к крестьянину. Хазарадзе лично понимает, что путь к колхозу не одинаков для всех, что к каждому нужен свой подход. И ему не изменяет терпение, он умеет находить индивидуальный «ключик» к сердцу каждого из односельчан. Его чуткость полностью проявляется во взаимоотношениях с Меки. А его человечность и дружеская забота наполняют чувством благодарности сердце юноши, жаждущего тепла.

Создание коллективного хозяйства на селе было сопряжено с величайшими трудностями. С одной стороны, борьба с кулаками и другими врагами трудящихся, с другой — необходимость приложить всю энергию, чтобы искоренить частнособственнические инстинкты, глубоко коренящиеся еще в сознании крестьян. Художественная литература, обращаясь к периоду коллективизации, не могла обойти стороной эти трудности. Не случайно высокую оценку получили именно те произведения, в которых были художественно отображены все муки рождения нового мира. Закономерно и то, что наиболее значительными явились те образы коммунистов, через которые неприукрашенно и правдиво раскрывались все трудности работы сельских руководителей. Именно к ряду таких образов примыкает и образ Тарасия Хазарадзе.

Тематически с «Зарей Колхиды» перекликается и продолжает ее роман «Волшебный камень», первые две книги которого уже увидели свет. Недавно в журнале «Гантиади» была напечатана еще одна большая глава этого романа. Несмотря на то, что полностью он еще не опубликован, уже ясна сфера интересов автора и основы конфликтов. Это произведение о военной и послевоенной жизни грузинской деревни, об актуальных и наболевших проблемах ее, о борьбе добра и зла, о моральном облике и психологии сельского жителя. Главное достоинство этого романа в его правдивости. И здесь писатель не изменяет своему стилю — со строгим реализмом показывает трудовой пафос сельских тружеников и то, что мешает им в общественной или личной жизни. Необходимо отметить, что во второй части романа критический пафос все более обостряется, и надо полагать, в заключительной части он достигнет кульминации. Биографии семей Надибаидзе и Угрехелидзе даны на широком фоне. Благодаря раскрытию обширной картины жизни, многообразию характеров «Волшебный камень» уже сейчас вырисовывается, как значительное эпическое полотно.

Большая правда жизни — животворный источник творчества К. Лордкипанидзе. Он — непосредственный участник всех интересующих его процессов, а не сторонний их наблюдатель. Проще чем взяться за роман «Заря Колхиды», писателю годами жил в Имеретии и активно участвовал в строительстве новой деревни. И этот увиденный воочию и познанный им мир описан в романе «Волшебный камень».

В тридцатые годы литературные контакты между братскими народами нашей страны приняли чрезвычайно широкий и организованный характер. Константин Лордкипанидзе и здесь был одним из первых. Результатом длительной командировки в Белоруссию явилось его «Бессмертие» (или «Белорусские рассказы»), которое сразу же нашло широкий отклик у читателя и до сегодняшнего дня не потеряло своей художественной силы и значения. Писатель с большим мастерством и искренней любовью нарисовал образы деда Рухло, сына его Михася и командира красных партизан Пискуна. В этих рассказах жизнь белорусского народа описана не сторонним наблюдателем. Все здесь исключительно точно и, что самое главное, существенно. Основной упор в этих рассказах делается не на особенности быта белорусского крестьянина, а на раскрытие и понимание его души. В этом и заключена сила четырех рассказов, объединенных в единый цикл, главным героем которых является дед Рухло, простой белорусский крестьянин, олицетворяющий совесть и бессмертие народа.

«Говорят, писателем рождаются. Иногда мне кажется, что это правда. А иногда кажется: когда ты молод — ты один из богов, ибо ты участвуешь в сотворении мира, и видения той прекрасной поры никогда не увядают в твоём сердце, и гибнут они только вместе с тобой».

Пройдя долгую жизнь, К. Лордкипанидзе искренне признается нам в верности первой любви и в своих первых открытиях мира. «Когда я вспоминаю о юношеских годах, перед моим взором встают два человека — мой первый комсомолец Бичоя Пурцхванидзе и мой первый колхозник Коба Чохели», — говорит он.

О первом колхознике К. Лордкипанидзе мы знаем многое, и среди этого многого и то, что именно образ Кобы Чохели вдохновлял писателя, когда он работал над своими романами о грузинской деревне. А Бичоя Пурцхванидзе — новое открытие для читателя.

Рассказ «Мой первый комсомолец» интересен со многих сторон. Но главной его достоинство в том, что писатель, как на исповеди, повергает нам первый сердечный трепет, первый восторг, красоту впервые по-настоящему увиденной жизни, образ и дух которой сопровождает его на протяжении всего его жизненного пути. Глазами юноши увиден рубеж старой и новой жизни. В то же время между этим юношей и читателем посредником является писатель, проживший долгую жизнь. Он вносит в повествование теплую улыбку, озаряющую доверчивую натуру искреннего и неискушенного юноши, его неосознанное стремление к идеалу. Эти два плана видения прошлого, завуалированное и открытое, которые трудно отличить, создают возможность гармонического и широкого восприятия той далекой жизни.

В рассказе представлена эпоха великих социальных и политических катаклизмов. Здесь мы видим мрачные пейзажи дождливого и грязного Кутаиси 1921 года, которые словно не дают поверить, что когда-нибудь распогодится; видим беженцев, которые стремятся укрыться от понятной и поэтому неприятной для одних, от непонятной и все-таки неприятной для других новой жизни: а она преследует их по пятам. Все это видят широко раскрытые от страха глаза юноши Коция. Да мог ли страх не затронуть его сердца, когда все, кого он знал, были охвачены страхом, все боялись большевиков, которые придут и станут по-своему управлять страной. Всех пугал призрак повального голода — и беженцев, и тех, кто их сопровождал. И Коция не знал ни одного человека, который был бы избавлен от этого страха, поэтому и сам, поддавшись всеобщему настроению, покорно исполнял приказы гвардейцев, предоставив в их распоряжение и себя, и свою арбу, чтобы довести до железной дороги награбленный ими провиант или бог знает какие сокровища.

И когда, возвращаясь обратно, он вдруг столкнулся с бойцами Красной Армии, среди которых оказался и его школьный товарищ, Коция удивило буквально все: и блестящая кожаная тужурка сверстника, и его широкий уверенный шаг, и, что главное, совершенное отсутствие страха. Это было самое сильное впечатление, которое открыло перед Коцией все преимущество смелого и гордого сверстника, и юноше стало стыдно, что рядом со школьным другом, он, закутанный в обноски с чужого плеча, усталый и голодный, выглядит таким жалким.

В этом небольшом рассказе каждый эпизод, каждый образ обладает удивительной силой. Но главная удача писателя — образ Бичоя Пурцхванидзе, молодого человека в блестящей желтой кожаной скрипучей куртке. Сначала молодого писателя очаровал внешний облик пламенного юноши, похожего на Павку Корчагина, а затем его покорили слова, стремление и романтическое воодушевление сверстника.

Бичоя Пурцхванидзе — новый, художественно совершенный, сильный герой грузинской прозы. В своих высказываниях, поведении он непосредствен, естествен и бесхитростен и, вместе с тем, обладает твердым характером и силой воли.

Рассказ «Мой первый комсомолец» — замечательный образец документальной художественной прозы. Интересно заметить, что как писатель старшего поколения Константин Лордкипанидзе интенсивнее всех грузинских прозаиков работает в этом молодом жанре, который сегодня так актуален в мировой литературе. В этом легко убедиться, вспомнив цикл его рассказов «Смерть еще подождет».

О жизненных фактах, о реально-конкретном случае написано много блестящих художественных произведений. Но авторы пропустили их через свое творческое горнило, переработали с помощью собственной фантазии и, обогатив жизненной правдой, преподнесли читателям. Документальная художественная проза отличается от традиционной беллетристики верностью, точностью и документальностью факта. В этом смысле она сближается с журналистикой, но с точки зрения проникновения в характеры и по силе выражения их должна подниматься до уровня настоящей литературы. На основе такого сложного скрещивания и создается документальная художественная литература, все больше привлекающая внимание современного читателя.

По своей точной документальности и художественному впечатлению эти рассказы одно из принципиально новых и значительных явлений в грузинской прозе последних лет. Этот цикл смело можно поставить в ряд лучших произведений, написанных о Великой Отечественной войне.

В одном из своих воспоминаний Константин Лордкипанидзе пишет: «Три года провел я в действующей армии. Кое-что из того, что я видел и пережил там, читателю известно из моих рассказов. Над другими я работаю сейчас и, очевидно, буду работать долго, потому что, как видно, призрак войны не легко

оставляет человека. Я не хочу, чтобы стерлись имена тех, кто с честью выполнил самый тяжелый долг человеческой жизни — долг солдата».

Теме Великой Отечественной войны посвящены его рассказы «Клинок без ржавчины», «На безымянной высоте», «Как погиб старый рыбак». В новом цикле «Смерть еще подождет» объединены такие прекрасные в своей простоте новеллы, как «Цабуния», «Мамия Джагани» и другие.

Об этом цикле Георгий Натрошвили писал: «Замечательные, эпохальные произведения. Это именно то, что мы называем грузинской советской классикой, что будет жить вечно, как невыдуманные страницы летописи нашего бурного времени, рассказывающие о красоте, смелости и величии души солдата-грузина».

В творчестве К. Лордкипанидзе значительное место занимают его публицистические произведения.

Оптимизм и надежда, с которыми писатель вглядывается в нашу жизнь, не мешают ему ставить читателя перед наиболее острыми проблемами нашего общества. Одним из лучших образцов публицистики писателя является его рассказ «Да здравствуют донкихоты!». Судьба таких типов, как Бодокия, вовсе бы не волновала его, если бы они не несли с собой некую опасную инфекцию. Мещанское понимание благополучия, узкий практицизм, девальвация высоких идеалов, поза уставшего человека берут свое начало из чисто эгоистической природы Бодокия. Подобное чрезмерное внимание к собственной персоне, потеря всякого интереса к общественному доводит человека до нарциссова комплекса, а увлеченный самим собой, он теряет элементарную способность к добру. Так рождается цинизм, от которого до ненависти один шаг. Еще большее несчастье заключается в том, что обладатели подобной мещанской душонки настойчиво проповедуют и насаждают свою мораль. Постепенно перед читателем все более отчетливо вырисовывается истинное лицо Бодокия, ничем не оправданный скепсис, невежество, духовная бедность, и наконец перед нами встает обнаженная фигура обывателя, собственника, утратившего все стремления, равнодушного и озлобленного человека.

В этом рассказе писатель умышленно сталкивает две противоположные точки зрения. Против проповеди неограниченной свободы Отия Бодокия, которая в конце концов выливается в крайне примитивный эгоизм, восстает Джаба Гургенидзе, убежденный, что большая и всеобъемлющая любовь должна сопровождать всю жизнь человека, что в его душе не должно быть места корысти, что те, кто «сможет броситься в воду во имя любви, пожертвовать собой ради друга, стать опорой угнетенного — именно они придадут миру прочность и красоту, именно они пишут великий закон человеческой жизни!». Такое убеждение Отия Бодокия называет донкихотством, на что Джаба Гургенидзе искренне отвечает: «Да здравствуют донкихоты!».

Константин Лордкипанидзе задумывается над многими светлыми и теньвыми сторонами нашей жизни. Они вынудили его засесть за публицистические статьи, среди которых и «Продиктовано любовью». В этой статье наряду с хорошим писатель обращает внимание и на плохое в нашей жизни. Много теплых и, что главное, правдивых слов сказано в ней о том благе, которое новая жизнь принесла грузинским селам и городам, и только такие нигилисты, как Бодокия, не хотят замечать этого. Солнечный день родины, верный жизненный путь народа законной гордостью наполняют сердце писателя. Любовь исторгла из его души гимн Грузии, и эта же любовь наделила его смелостью не пройти мимо боли, дотронуться до открытой раны.

В этой статье К. Лордкипанидзе со всей остротой касается самого тяжелого недуга современной грузинской деревни — у большей части молодежи не лежит к ней сердце, каждый из таких «наивно полагает, что кто-то другой сделает то, что должны сделать они, а хлеб и без них отлично вырастет». Это хорошо видят и чувствуют руководители села, от них зависит многое, но только их стараний недостаточно. Главное, чтобы молодежь поняла ту великую миссию, которая ложится на ее плечи. Именно поэтому грузинская литература уделяет пристальное внимание этой проблеме. Поэтому и К. Лордкипанидзе с искренностью и болью говорит об этом недуге.

Прожив жизнь, как солдат — в окопе, он всегда видел поле битвы глазами бойца, воспринимал его душой бойца. И мир, в котором он живет, как боец, охватывает многое и поучителен для других.

Вот уже несколько лет кабинет Руставели при Тбилиском государственном университете готовит сборник «Руставели в мировой литературе». С этой целью здесь собирают и глубоко изучают весь материал на языках разных народов мира о поэме «Витязь в тигровой шкуре». В этой работе принимают участие как наши ученые, так и иностранные грузиноведы,

такие, например, как И. Бицадзе (София), Я. Браун (Варшава), М. Иштванович (Будапешт), Д. Ланг (Лондон), Г. Печ (Иена), Г. Фогт (Осло) и другие исследователи.

Большую помощь кабинету в этом начинании оказали советские университеты и научные библиотеки, а также многие зарубежные университеты — Берградский, Берлинский, Будапештский, Бухарестский, Вар-

шавский, Йенский, Пражский, Софийский и другие.

Значительная часть этой работы уже завершена. В типографию переданы два тома, в которых представлены рустведологические суждения зарубежных деятелей. На основании этого материала и написана итоговая статья руководителя кабинета Руставели профессора Л. Менабде, которую мы и предлагаем вниманию читателей.

РУСТАВЕЛИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ЭТО ДОВОЛЬНО сложная и объемная проблема. Она охватывает ряд вопросов:

I. Рустведологические рассуждения зарубежных деятелей;

II. Переводы «Витязя в тигровой шкуре»;

III. Влияние Руставели на общественную жизнь за рубежом.

Коснемся каждого из них хотя бы вкратце.

Как известно, бессмертная поэма Шота Руставели уже давно вышла за национальные рамки и завоевала себе почетное место в сокровищнице мировой литературы. Писатели и ученые самых разных зарубежных стран на протяжении полутора веков читают, изучают это творение, пишут о нем исследования, статьи, книги.

Имя Руставели в литературе многих зарубежных стран встречается с начала XIX столетия. В Германии оно впервые упоминается в 1804 году, во Франции — с 1810-го и т. д. Но подобные упоминания чаще имели место в связи с теми или иными произведениями, переведенными или пересказанными с русского языка. Самостоятельный же, не зависящий от других факторов интерес к поэме Руставели проявляется позже, в частности — во Франции с 1828, в Польше с 1830, в Германии с 1850, в Англии с 1879 годов. Еще большей известностью Руставели стал пользоваться в нашем столетии. О нем писали в Болгарии (1900 г.), Греции (1904 г.), Бельгии (1905 г.), Чехословакии (1912 г.), Швейцарии (1920 г.), Норвегии (1931 г.), Голландии (1931 г.), США (1933 г.), Иране (1934 г.) и других странах.

Руставели и его поэме посвятили свои труды многие известные деятели мировой культуры. Разумеется, эти работы не равноценны как по объему, так и по значению. Одни, знакомя читателей своей страны с «Витязем в тигровой шкуре», попутно высказывают и свои соображения в ее адрес. Так поступали, например, француз Мари Броссе (1828 г.), поляк Казимир Лапчинский (1863 г.), англичанин Оливер Уордроп (1912 г.), венгр Бела Викар (1917 г.), румын Виктор Кернбах (1956 г.), чех Яромир Иедличка (1958 г.), чилиец Густаво де ла Торре Ботарро (1964 г.) и так далее. Другие — и среди них англичанин Уиль-

ям Аллен в 1929 году, австриец Роберт Блейхштейнер (1950 г.), бельгиец Жерар Гарит (1966 г.) посвятили Руставели общий обзор. Не один ученый делал предметом своих исследований отдельные вопросы руствелологии. К этой категории авторов можно отнести немцев Феликса Холдака (1907 г.), Гертруду Печ (1966 г.), француза Рене Лафона (1966 г.). Тут же следует отметить, что среди зарубежных ученых были и такие, которые изучали Руставели и его поэму в связи с развитием всей грузинской литературы. Это в первую очередь немец Артур Лейст (1883 г.), англичанин Уильям Морфилл (1888 г.), поляк Казимир Виневич (1930 г.), француз Жозеф Карст (1934 г.) и Луи Арагон (1955 г.), немец Герхард Дее-терс (1963 г.), поляк Богдан Гембарский (1967 г.) и другие.

Многие посвятили свои объемистые статьи самому Руставели. Это — поляк Константин Рдуловский (1830 г.), норвежка Евгения Киеланд (1931 г.), иранец Хамза Сардавар (1934 г.), француз Эдмон Жалу (1938 г.), англичанин Дэвид Ланг (1966 г.), индиец Сунит Кумар Чаттерджи (1969 г.) и другие.

Примечательно, что некоторые зарубежные исследователи знакомились с поэмой Руставели, изучая ее с целью более глубокого проникновения и раскрытия явлений эпохального значения в мировой литературной жизни, осмысления всеобщих творческих процессов.

В этом плане внимания заслуживают книги известного английского ученого Мориса Баура «Героическая поэзия» (1952 г.) и «Вдохновение и поэзия» (1955 г.) и профессора Кембриджского университета Питера Дронке «Средневековая латынь и начало европейской любовной лирики» (1965 г.).

Эти исследователи рассматривают поэму Руставели наравне с другими известными шедеврами мировой поэзии и тем самым уделяют ей почетное место в ней.

За рубежом было так много написано о Руставели, что даже тамошние деятели науки сочли необходимым описать и подытожить весь этот материал. Вспомним хотя бы объемистый очерк венгерского ученого Дьердя Радо — «Венгерская критическая литература о поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», ее венгерских переводах, иллюстрациях и изданиях», которая была издана на венгерском (1962 г.), а затем на русском (1969 г.) языках, труды польского востоковеда профессора Яна Рейхмана «Шедевр Руставели в Польше» (1966 г.), воспитанника нашего университета Яна Брауна «Руставели в Польше» (1966 г.), лектора Бухарестского университета Тамар Га-

не «Шота Руставели в Румынии» (1966 г.), чешского языковеда Вацлава Черни «Руставели и чехи» (1966 г.) и другие.

Всемирное признание литературно-художественного и культурно-исторического значения Руставели и его поэмы обусловило интенсивный рост зарубежной руствелологической литературы, а это обстоятельство в свою очередь выдвинуло перед грузинской общественностью новую задачу — освоение, изучение и оценку руствелологических трудов, созданных за рубежом.

Грузинские ученые всегда проявляли живой интерес к иноязычной руствелологической литературе. Достаточно привести труды известных грузинских исследователей К. Кекелидзе, Ш. Нуцубидзе, А. Барамидзе и других. Примечательно, что обзор руствелологических суждений зарубежных ученых встречается как в обобщенных научных трудах, так и в специальных исследованиях. К примеру, можно назвать следующие труды: «Немецкие авторы о «Витязе в тигровой шкуре» (1966 г.) Ш. Ревшвили, «Руставели в литературе стран народной демократии» (1970 г.) Т. Буачидзе, «Руставели в Англии» (1971 г.) Н. Орловской, «Витязь в тигровой шкуре» и французская общественность» (1971 г.) Д. Панчулидзе. За последние годы опубликована серия статей: «Руставели в Америке» (1972 г.), «Руставели в Болгарии» (1973 г.), «Руставели в Польше» (1974 г.), «Руставели в Венгрии» (1974 г.), «Руставели в Румынии» (1975 г.), «Руставели в Чехословакии» (1975 г.) и другие.

Грузинскому читателю только частично известны статьи и высказывания многих иностранных ученых о Руставели и его поэме.

Кабинет Руставели при Тбилиском государственном университете отобрал материал о поэме, имеющийся на иностранных языках, изучил его, перевел, обработал и подготовил для публикации в виде сборника «Руставели в мировой литературе», два тома которого уже находятся в производстве.

Перевод и публикация «Витязя в тигровой шкуре» имеют более чем вековую историю. Впервые поэма была переведена на французский язык. В 1828 — 1831 годах Мари Броссе опубликовал краткое содержание и прозаический перевод начала и некоторых других строф поэмы на французском языке. В последующие годы «Витязь в тигровой шкуре» в разном виде (полностью или частично, в стихах или в прозе) появлялся на французском языке благодаря Ахасу Борену, Ионе Меунаргия, Георгию Гвазава, Ани Марсель Паон, Ели-

завете Орбелиани. Наиболее интересен последний стихотворный перевод Серги Цуладзе, заслуживший всеобщее признание и премию имени Лангула.

В прошлом веке к переводу «Вепхисткаосани» приступили и поляки. Первые польский читатель получил поэму на своем родном языке в 1863 году в переводе Казимира Ланчинского (с помощью и участием Георгия Эристави). Хронологически это был второй перевод руставелевской поэмы на европейский язык. Впоследствии «Витязь в тигровой шкуре» переводился на польский язык Юлианом Тувимом, Богданом Гембарским, Софьей Вольник, Игорем Сикирицким. Недавно Ежи Загурский осуществил полный поэтический перевод поэмы Руставели.

Первый поэтический перевод поэмы на европейский язык появился в Германии в 1889 году. Он был сделан Артуром Лейстом. Дважды, в 1955 и 1970 годах, в Берлине был издан поэтический перевод, исполненный Хуго Хуппертом. В ближайшем будущем выйдет еще один поэтический перевод поэмы на немецкий язык, выполненный Херманом Будензигом. В прошлом году в Швейцарии увидел свет сокращенный прозаический перевод «Вепхисткаосани», подготовленный Рут Нойком.

В дело ознакомления английского читателя с «Витязем в тигровой шкуре» большой вклад внесла Марджори Скотт Уордроп, чей прозаический перевод неоднократно издавался в Лондоне, Москве и Тбилиси (1912 г., 1938 г., 1966 г.). Интересен поэтический перевод поэмы Венеры Урушадзе. Скоро выйдет прозаический пересказ поэмы Роберта Стивенсона и Кэтрин Эштон.

Здесь же следует упомянуть и другие переводы поэмы: на венгерский Бела Викара (1917 г.) и Шандора Вёреш (1954 г.), китайский Ли Ци Е (1943 г.), итальянский Шалвы Беридзе (1945 г.), румынский Веры Роман (1947 г.) и Виктора Кернбаха (1956 г., 1963 г.), японский Ипея Фукуро (1955 г., 1972 г.), чешский Яромира Иедлички (1958 г.), испанский Густаво де ла Торре Ботарро (1964 г.), еврейский Бориса Гапонова (1969 г.), болгарский Стояна Бакирджиева (1975 г.) и другие языки.

Читатели с интересом знакомятся, а исследователи изучают и оценивают переводы «Витязя в тигровой шкуре». Вспомним хотя бы труды С. Иорданишвили «Переводы «Витязя в тигровой шкуре» на европейские языки» (1938 г.), Ш. Нудубидзе «О новом немецком переводе «Витязя в тигровой шкуре» (1953 г.) и «Французский перевод «Витязя в тигровой шкуре» (1965 г.), С. Себребрякова «Поэма Руставели на французском языке» (1965 г.), «Поэма Ру-

ставели на испанском языке» (1966 г.) и «Новый английский перевод поэмы Руставели» (1970 г.), З. Киннадзе «Еврейский перевод «Витязя в тигровой шкуре» (1975 г.), Дж. Гагидзе «Венгерские переводы «Витязя в тигровой шкуре» (1975 г.)... Содержательные статьи появились и за рубежом: рецензии Герхарда Деетерса на немецкий перевод «Витязя в тигровой шкуре» (1955 г.) и Дина Хаулики на румынский перевод поэмы (1956 г.); Бруно Фрай о переводе поэмы Шота Руставели Х. Хуппертом (1957 г.); «Шота Руставели» Рэнэ Лакота (1965 г.); «К покорению вершин» Марселя Бриона (1965 г.); «Влестательный вклад» Жана Каталы (1966 г.); «Чилиец перевел бессмертную поэму Руставели» Хосе Гарчеса (1966 г.); рецензия Эрнана дель Солар на испанский перевод «Витязя в тигровой шкуре» (1966 г.); «Грузинский народный эпос в Израиле. О переводе «Витязя в тигровой шкуре» на еврейский язык» В. Арнольда (1969 г.) и другие.

Несмотря на колоссальный объем проводимой вокруг Руставели и его поэмы работы, нужно отметить, что ее переводы требуют еще более тщательного изучения и глубокого филологического и идейно-художественного анализа.

Наша наука особое внимание уделяет коренным вопросам взаимосвязи Руставели с зарубежной литературой. Уже давно ученые обратили внимание на тот факт, что Руставели знал и использовал в своей поэме шедевры зарубежной литературы как своего, так и предшествующего ему времени. Но, к сожалению, исследованию того, какое место занимает «Витязь в тигровой шкуре» в зарубежной общественной жизни, до сих пор не уделялось должного внимания. Учитывая тот факт, что поэма Руставели оказала неоспоримое влияние на некоторых представителей зарубежной культуры, видных как западных, так и восточных писателей, вдохновила не одного зарубежного живописца, композитора, театрального деятеля на создание прекрасных произведений, ее значение для зарубежной культуры должно явиться предметом специального изучения.

Известные писатели в своих статьях и речах не раз выражали большое уважение и любовь к этому великолепному творению. Запомнились восторженные высказывания о нем Луи Арагона, Пьера Гамары, Анны Зегерс, Хермана Будензига, Джеймса Олдриджа, Юлиана Тувима, Леопольда Левина, Хуго Хупперта, Рафаэля Алберти, Хосе Луиса Пачеко, Кристиана Белева, Людмила Стоянова, Виктора Кернбаха, Ивана Скалы, Халдора Лакнеса, Ганса Шерфига, Карло Леви, Цендеина Дамдинсуреана, Абул Касема Лахути, Франдиско Колоане, Джо Уоллеса, Джеффри Датона и многие других.

Руставели и его поэме посвятили свои стихотворения иранский поэт Абул Касем Лахути (1937 г.), австриец Хуго Хупперт (1954 г.), румын Виктор Кермбах (1958 г.), монгол Х. Перле (1965 г.), канадец Джо Уоллес (1966 г.), индийский поэт Сунит Кумар Чаттерджи (1966 г.), немец Херман Будензиг (1972 г.) и другие поэты.

Английский поэт и прозаик Алан Силитоу в своем стихотворении «Витязь в тигровой шкуре» (1969 г.) по-новому озвучил эпизод борьбы Тариеэла с львом и тигром, изобразил его с помощью новых поэтических средств.

Известный венесуэльский писатель и ученый Карлос Аугустос Леон предложил сборнику своих стихов эпиграф, взятый из поэмы Руставели (1970 г.). Имя великого грузинского поэта носит литературный кружок сталелитейного комбината г. Хенигсдорфа (ГДР).

Сфера влияния Руставели не исчерпывается литературой. В Польше он вдохновил художников (Андрей Хайдрих,

Мариан Гарлицкий, Ян Скаржинский), композитора (Анатолий Зарубин), театральных деятелей (Мечислав Котларчик, Збигнев Поправский, Тадеуш Малак и др.) на создание интересных произведений.

Вспомним хотя бы замечательные иллюстрации Михая Зичи (1888 г.), иллюстрации итальянского художника Фульвио Бианкони (1945 г.) к «Витязю в тигровой шкуре», балет французского балетмейстера Сержа Лифаря «Шота Руставели» (1946 г.), постановку Мечислава Котларчика «Витязь в тигровой шкуре» (1960 г.), портрет Руставели, выполненный чилийским художником С. Монтезини (1966 г.), симфоническую поэму на тему «Витязя в тигровой шкуре» (1966 г.) чилийского композитора Педро Нуне Наварете.

Все сказанное выше позволяет надеяться на то, что специальные исследования четче выявят огромную роль Руставели и его поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в зарубежной общественной жизни.

В 1972 году Научный совет по фольклору при Отделении литературы и языка АН СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и Институт истории грузинской литературы

имени Шота Руставели АН ГССР в Тбилиси провели Всесоюзную конференцию по проблемам теории фольклора. В ее работе приняли участие фольклористы всех республик Советского

Союза. Из многочисленных докладов, прочитанных на конференции, некоторые положены в основу книги «Проблемы фольклора», выпущенной издательством «Наука» в Москве в 1975 году.

Споры и размышления о проблемах фольклора

УЖЕ ЗАГЛАВИЕ этой книги указывает на ее проблемный характер. Состоит сборник из четырех разделов. Исследования, представленные в каждом из них, объединяются одной общей проблемой. Открывающая издание работа Н. И. Кравцова «Проблемы теории фольклора» носит не только проблемный, но и дискуссионный характер. В ней поставлен вопрос о необходимости по-новому изучить в историческом и теоретическом плане богатейшее фольклорное наследие советских народов. Подчеркивается тот факт, что фольклор советских народов позволяет проследить сложный процесс их развития с древнейших времен до наших дней. Указано на его мировое значение. Автор оценивает фольклор, как своеобразный синтетический вид искусства, при определении специфики которого он отмечает необходимость учесть тот факт, что это более сложное явление, нежели литература. Исследователи считают целесообразным расчленив науку, изучающую это сложное явление искусства, на три части: теорию фольклора, методологию его изучения и историю. При исследовании специфики фольклора, по справедливому замечанию автора, не следует ни слишком преувеличивать, ни преуменьшать значение этих трех элементов: слова, припева и приема исполнения. Традиционность, импровизация и вари-

ация, по мнению исследователя, затрагивают творческий процесс. Коллективность — специфическая черта всех отраслей народного творчества. Поэтому, как отмечает автор, ее нельзя считать специфической чертой поэтического фольклора.

Интересно ставит Н. И. Кравцов вопрос о магических функциях различных фольклорных жанров, которые этнографы, а зачастую и фольклористы, преувеличивают, не всегда в должной мере учитывая связь фольклора с историей народа.

Исследователь считает нецелесообразным разрабатывать отдельные теоретические проблемы фольклора, полагая необходимым выработать его целостную теорию, что, на наш взгляд, представляется невозможным без разработки отдельных проблем.

Первый раздел книги, где помещены работы, объединенные проблемой специфики фольклора, открывается интересной работой Б. Н. Путилова «Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора», в которой подчеркивается связь поэтического фольклора с бытом. Автор указывает, что в короткие отрезки времени в связи с историческими этапами нельзя представлять развитие фольклора по аналогии с литературой, что «историко-фольклорный процесс по самому его характеру не всегда поддается такому членению, такой периодиза-

щи, потому что у него своя, глубоко отличная от литературы, динамика развития».

Главное для исследователя — стороны народной жизни, движение народной культуры в целом. Выдвинутые им положения, несомненно, интересны. Мы хотим лишь заметить, что при исследовании специфики фольклора следует больше внимания обращать на отношение фольклора к литературе, на то, что и литература, и фольклор являются формами словесного искусства, хотя и отличными друг от друга.

Интересно поставлен вопрос о взаимоотношении фольклора и традиции, точнее, взаимоотношении силы традиции в фольклоре и роли фольклора в создании и развитии традиции. По резонному замечанию автора, под традициями нельзя понимать нечто отсталое, консервативное. Одной из особенностей историко-фольклорного процесса Б. Н. Путилов считает его типологическую повторяемость. Подчеркивается то обстоятельство, что стадии развития, пройденные фольклором одного этноса и сохранившиеся в нем в виде следов, для фольклора другого этноса могут быть еще живыми, и путем историко-психологического анализа можно представить его ранние стадии. Это должна учитывать методика его исследования. Здесь также следует принять во внимание то обстоятельство, что в этом случае мы имеем дело не с нивелированием и что каждому этносу свойственно нечто неповторяемое, характерное только для него. Автор требует определить границы типологических взаимоотношений. Он справедливо указывает на необходимость учитывать эволюцию жанра, чтобы при исследовании ранних форм фольклора отказаться от литературоведческого подхода. Автор поднимает сложный и серьезный вопрос о том, что на поздних этапах своего развития фольклор постепенно сближается с литературой.

В работе С. Н. Азбелева «Фольклор в системе общественного сознания», посвященной определению его особенностей, говорится об исторической роли народного творчества. Автор специально рассматривает социальную природу фольклора, его коллективный характер и другие актуальные вопросы. Он считает, что художественная литература, профессиональная музыка и т. д. совершеннее, чем фольклор. Мы не можем согласиться с этим утверждением. По его же словам, у фольклора больше возможностей быстрее откликаться на все явления жизни.

Проблемной и, на наш взгляд, дискуссионной является статья В. А. Аникина «Творческая природа традиций и вопрос о своеобразии художественно-

го метода в фольклоре», в которой своеобразно поставлен вопрос о традициях и творческом методе. Автор считает неоправданным отождествление художественного метода литературы и фольклора. У него имеются интересные наблюдения, однако спорной представляется его мысль, будто «личная инициатива в фольклоре весьма ограничена». Нам кажется, что автор преувеличивает в фольклоре роль традиций в сравнении с литературой. Но его работа представляет интересную попытку показать художественный метод фольклора.

Оригинальная работа А. С. Прангшвили «Фольклор и психология» содержит интересные наблюдения, новые положения и, в частности, утверждение, что «фольклор включает в себя определенную сумму народных психологических знаний». Исследователя интересует вопрос, имеется ли в фольклоре (и если имеется, то какое) значение духовного мира человека. Исследование этого вопроса опирается на анализ данных грузинского фольклора.

В статье В. М. Гацака «Сказочник и его текст» рассматривается, какой вид приобретает та или иная сказка в разное время при записи у одного сказочника и у разных. Такие наблюдения весьма любопытны с точки зрения живого творческого процесса. Исследователь придает большое значение памяти. В связи с поставленной проблемой он ссылается на опыты Андерсена, Дюма, Ортуган, Курта Шира и других. Автор требует экспериментально-аналитического изучения сказки с помощью применения современной техники.

Статья М. М. Плисецкого «Роль памяти в фольклорном процессе» отличается использованием новых наблюдений при определении специфики народного творчества. Ее автор считает, что «народное поэтическое творчество является по сути искусством памяти». Память, безусловно, играет большую роль в развитии народного творчества, однако весьма сложный живой творческий процесс подразумевает и многие другие факторы, самыми значительными из которых, думается, являются талант и способность отдельных сказителей и исполнителей.

Новизной постановки вопроса отличается работа М. Я. Чиковани «Фольклор и мифология». Мифология, по его определению, по своей внутренней природе относится к области художественного творчества. Мифологическая тематика свойственна и другим отраслям искусства, и это позволяет расширить рамки фольклористики. Отмечено также, что мифология сыграла огромную роль в развитии эстетического мышления. Исследователь, указывает,

что советский фольклор находится на той стадии развития, когда процесс создания сюжетов, характерных для определенных жанров, уже завершен, достигнута стабильность основных образов, а в некоторых областях началась деформация, что повлекло исчезновение некоторых видов фольклорного искусства. Работа в основном посвящена вопросу места охотничьего божества Дали в различных произведениях грузинского устного народного творчества.

Тематически разнообразен и второй раздел книги, начинающийся работой К. А. Сихарулидзе «О генетической связи народно-поэтических жанров». Автор ставит вопрос о взаимозависимости поэтических жанров и на основании анализа богатого сравнительного материала показывает генетическую связь героической и похоронной поэзии. Работа в целом заслуживает внимания с точки зрения исторической судьбы поэтического фольклора.

В статье Е. В. Померенцевой «Соотношение эстетической и информационной функции в разных жанрах устной прозы», как показывает заголовок, поставлена весьма актуальная проблема, решение которой имеет большое значение для установления генезиса фольклора и путей его развития.

С. Ю. Неклюдов в работе «Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура» на основании материалов некоторых народов Сибири указывает на генетическую связь волшебной сказки героического характера с героическим эпосом и историческими преданиями и сказаниями. Таким образом, под термином «богатырская сказка» понимаются жанры, имевшие в виду В. М. Жирмунским, Е. М. Мелетинским, Ларне-Томпсоном и А. М. Астаховой.

В работе А. С. Мирбадалевой «О специфике жанра туркменских романтических десантов» охарактеризован один из ведущих жанров туркменского устного народного творчества — лирико-эпические поэмы, — по наблюдениям автора, сформировавшийся в результате сложного взаимодействия поэтического фольклора и литературы.

Исследователь в основном опирается на положения М. М. Бахтина, П. Г. Богатырева, П. Н. Беркова и в результате всего этого приходит к выводу, что в народной драме комическое имеет общий характер и несет значительную идейно-эстетическую нагрузку. Это положение можно распространить на народную драму всех народов вообще.

В том же разделе помещены статьи Б. Кербелите «Литовские народные предания на современном этапе», С. Кондратьевой «Музыкальные особен-

ности эпических и лирических песен в сравнительном освещении», М. Кайтайник «Проблемы изучения истории рабочего фольклора». В первой из них на основании литовского материала ставится вопрос о диффузии жанров. Решение этого вопроса имеет значение для общей фольклористики, для которой важны и вопросы, поставленные в двух последующих статьях.

В третьем разделе с разных точек зрения рассматриваются сложные вопросы народной поэтики. Статья А. И. Баладина «Мифологическая теория и проблема поэтики» посвящена вопросу художественной природы фольклора.

Х. Кероглы в своей работе о поэтике эпоса рассматривает многообразные приемы, как поэтические, так и прозаические, наблюдающиеся в этой своеобразной области. Ф. М. Селиванов в статье «Поэтика былин» касается различных ее аспектов, указывая при этом, что изучение поэтики русского героического эпоса имеет богатые традиции, в основном относящиеся к былинам. При изучении исторической поэтики фольклора автор считает необходимым использовать сравнительно-типологический метод.

В работе «Этическая природа («пейзаж») в олонхо» представлены интересные наблюдения известного якутского исследователя И. В. Пухова. Его мнение о том, что в олонхо природа является не только фоном, но и объективацией действий героев, что в произведениях этого жанра описание природы имеет большое идейное и композиционное значение, представляется убедительным. Работа, как отмечает автор, представляет интерес для исторического изучения поэтики.

Проблемной является статья В. А. Бахтиной «Время в волшебной сказке». По мнению автора, время отображает в сказке прошлое, оно является художественным вымыслом. Исследователь опирается на определение Д. С. Лихачева, согласно которому сказочное время связано с сюжетом, зависит от него. В этом отношении сказка отличается от произведения художественной литературы. В последнем чувство времени является одним из средств выражения психологического состояния героя. Если в литературе время является значительным компонентом построения сюжета, выражает точку зрения автора на явление, то в сказке подобная функция представлена лишь в зародыше. В. А. Бахтина подчеркивает своеобразие сказки, выражающееся в том, что время в ней не накладывается на человека отпечаток, в сказке человек не стареет. Время в ней можно вернуть, вновь обрести молодость. По заключению автора, в сказке фантастическое время не-

сет на себе важную функцию, оно утверждает силу и красоту человека.

Весьма интересные наблюдения содержатся в работах Л. Астафьевой, У. Конкка, Л. Саука, М. Лигере — «Эстетические функции символики в народных лирических песнях», «Табу слов и закон иносказания в карельских плачах», «Оппозиции песни — повествование, стих — проза в фольклоре», «Влияние обрядности на создание поэтических образов в латышских народных песнях свадебного цикла».

В этом же разделе помещена статья Д. К. Бардавелидзе «К изучению древнейших стихотворных форм», посвященная малоизученной проблеме. Исходным моментом для разысканий автора служит громадное значение народной поэзии для изучения древнейшей стихотворной формы. Учтена изменчивость стихосложения в связи с развитием фольклора. Правильным представляется соображение о темпе развития стихосложения, более медленном, чем темп развития поэзии вообще, об относительной устойчивости версификации. Столь же верным кажется мнение автора об относительно более позднем происхождении параллелизма, для которого необходим довольно развитый язык. Основной стихосложения признаются хоровые песни, построенные по принципу повторений. Заслуживают внимания наблюдения над грузинскими народными стихами, многообразием их форм. Чем более древен стих, тем менее разнообразен. В работе указана связь системы грузинского стихосложения с фонетической системой языка — с народной музыкальной культурой. Указано на существование восьмисложного стихосложения в венгерской, румынской поэзии и в поэзии других народов. В этой связи приводятся высказывания Бела Бартока, Р. Якобсона, Г. Церетели. В заключение делается вывод относительно сравнительно-исторического анализа, который должен доказать, является ли восьмисложное стихосложение архетипом, зародившимся у разных народов на заре стихосложения и ставшим в дальнейшем источником структур стихосложения.

В четвертом разделе книги объединены работы, посвященные общетеоретическим вопросам о роли этнических групп в фольклоре того или иного народа или в развитии отдельных жанров. Этот раздел открывается работой Е. Б. Вирсаладзе «О роли эпических групп в создании национального

фольклора». Автор справедливо считает, что фольклорные памятники должны быть изучены комплексно, в естественной среде. Следует учесть, в какой обстановке создавался тот или иной текст, чем обусловлена художественная и социальная функция произведения. Особое внимание исследователь уделяет вопросу изучения отдельных памятников народного творчества в связи со всей фольклорной традицией. Автор ставит вопрос об изучении фольклорных произведений в совокупности и в тесной взаимосвязи с коллективной идеологией, считая обязательным региональное изучение фольклора. Учтены поэтические традиции отдельных уголков как Западной, так и Восточной Грузии. В работе Е. Б. Вирсаладзе подняты вопросы, имеющие значение как для фольклора, так и для понимания развития литературного языка. В целом статья носит проблемный характер.

Статья В. И. Евсеева «Регионально-генетические связи прибалтийско-финской и русской народной поэзии» содержит наблюдения над богатым иллюстративным материалом, позволившим исследователю выявить генетическую связь произведений разных племен и жанров.

В работе Л. Г. Барага «Этическое и межэтническое в сказочном эпосе восточнославянских народов» показана большая историческая ценность сказочного эпоса, в котором, по сравнению с другими видами устного народного творчества, особенно отчетливо представлена история происхождения восточных славян, их связь с другими народами в древнее и новое время.

В. К. Соколова в своей работе «Соотношение национальных и общих элементов в преданиях» отмечает, что, несмотря на местный характер преданий, и в этом жанре имеются общие с другими народами сюжеты и мотивы. Верно наблюдение, что восприятие интернациональных элементов характеризуется своеобразными приемами. Общие сюжеты и мотивы в преданиях остаются почти без изменений. При заимствовании происходит использование сюжетного клише, а не образов.

Как видно из сказанного, некоторые вопросы, поставленные в рецензируемом сборнике, носят проблемный характер, некоторые выводы в нем спорны, однако в целом книга представляет значительный вклад в советскую фольклористику.

●
Акакий СУРГУЛАДЗЕ,
член-корреспондент АН
Грузинской ССР

ОН ПОДНИМАЛ ЦЕЛИНУ ГРУЗИНСКОЙ НАУКИ

НАУЧНОЕ наследие Иванэ Александровича Джавахишвили — выдающегося ученого и общественного деятеля, основателя Тбилисского государственного университета — это целая энциклопедия исторических знаний о Грузии. Ученому удалось представить в единстве все области ее исторической жизни и дать последовательное научное описание развития Грузии.

И. А. Джавахишвили создатель нового этапа в развитии грузинской историографии. «С неведомой до тех пор грузинской историографии глубиной и широтой охвата, — замечает его ученик академик Н. Бердзенишвили, — покойный ученый совершенно заново разработал бесчисленные вопросы нашей истории: политику, экономику, право, этику, идеологию, материальную и духовную культуру. Большая эрудиция, высокая научная оснащенность, широкая историческая перспектива, острое критическое чутье, образцовая и достойная подражания научная добросовестность, неослабевающая увлеченность в работе, огромная сила воли и благородная любовь к родному народу —

все это вместе взятое было присуще ныне покойному ученому и давало ему возможность сильной рукой поднимать целину грузинской науки»¹.

В настоящей статье мы постараемся коротко изложить социально - политические взгляды И. А. Джавахишвили, формирование которых, как нам представляется, определялось двумя основными факторами: идеологией национально-освободительного движения в Грузии второй половины XIX века и мировоззренческой концепцией русской буржуазной историографии конца того же столетия — позитивизмом.

Национально - освободительное движение с 60-х годов XIX века, как известно, получило в Грузии широкий размах. Возглавили его тердалеули под предводительством великого писателя и общест-

¹ Н. Бердзенишвили. Первая годовщина со дня смерти акад. И. Джавахишвили. Вестник ИЯИТК, XIII, 1943, с. 266.

венного деятеля Ильи Чавчавадзе. Возрожденные на традициях русской революционно-демократической мысли, тергдалеули объявили бескомпромиссную борьбу реакционной дворянской идеологии, провозгласили ликвидацию крепостничества основным рычагом общественного прогресса. Их программа предусматривала национальную консолидацию грузинского народа, поднятие его самосознания и патриотического духа, борьбу против реакционного режима царизма плечом к плечу с революционерами России.

Идеология национально-освободительного движения, несмотря на ее утопический характер, была для того времени прогрессивной, ибо служила благородной задаче освобождения грузинского народа от колониального гнета и ярма крепостничества.

Социально-политические взгляды тергдалеули восходили к принципам русского революционного демократизма и европейского утопического социализма, предусматривали широкие преобразования во всех областях социально-экономической, политической и культурной жизни общества, призванные вывести Грузию на путь быстрого развития.

Идейное течение тергдалеули имело блестящих представителей не только в грузинской литературе, но и в науке и искусстве. С 30-х годов XIX века в обстановке засилия политической реакции в это движение включилась большая часть грузинской общественности. Оно же подготовило прочную основу для распространения социализма в Грузии.

И. Джавахишвили вырос в такой семье, где взгляды тергдалеули и развернувшееся под их руководством национально-освободительное движение пользовались большими симпатиями. Отец Ивана Александровича — Александр Джавахишвили, педагог по профессии, активно занимался общественной деятельностью. Он был большим почитателем Ильи Чавчавадзе. Великий писатель и его сподвижники часто собирались в этом доме, где оживленно обсуждались судьбы Грузии — ее настоящее и будущее. Сохранение чувства национального достоинства, в противовес жестокому колониальному режиму реакционных властей Кавказа, являлось главным предметом идейной жизни этого круга грузинского общества. В этом духе шло формирование интеллекта Иванэ. Насущные проблемы тергдалеули, их высокие мечты на протяжении всей жизни оставались органической частью его духовного мира.

Петербургский университет, куда в 1895 году поступил Иванэ, объединял в ту пору лучшие силы в области исторической и филологической наук России. Здесь работали В. Робен, П. Коковцев,

В. Жуковский, Н. Веселовский, А. Цагарели, Василевский и другие.

Посещая лекции этих ученых, Иванэ параллельно с глубоким интересом начал исследование русских и западноевропейских историков. С особым вниманием знакомился он с трудами признанных в то время медиевистов и ориенталистов Бокля, Э. Майера, Г. Маурера, Фюстеля и Куланжа, Ф. Ленорманна, Ковалевского и других.

Мировоззрением этого поколения историков был позитивизм, который, как известно, получил наиболее широкое развитие и распространение во второй половине XIX — начале XX века. Позитивистская историография объективно стояла на службе либеральной буржуазии и в тот период вела борьбу против развивавшейся тогда марксистской методологии.

Идеологическую основу позитивизма составлял идеализм. В объяснении общественных явлений эта идеология опиралась на ошибочную в научном отношении методологию. И, разумеется, в конечном счете наносила ущерб развитию исторической науки.

Однако на определенном этапе (90-е — 900-е годы) позитивисты, невзирая на порочность своего мировоззрения, сыграли положительную роль. Они обогатили историческую науку новыми фактами, широким освещением исторической жизни народных масс и, с точки зрения интерпретации этих фактов, сделали шаг вперед по сравнению с дворянской историографией. Позитивисты, кроме того, как известно, попытались разрушить барьер, существовавший между историей и естественными науками, расширили тематику исторических исследований, успешно применили аналитический метод при истолковании исторических фактов и явлений, обогатили историковедческую базу и усовершенствовали научные методы критики источников не только по форме, но и по содержанию.

Не следует также забывать, что позитивизм в историографии играл не одинаковую роль в разных странах. Там, где капитализм развился рано и классовое господство буржуазии было отчетливо выражено, позитивизм имел более заверченный характер; он являлся идеологическим оружием буржуазии в борьбе за господство даже в тех странах, где пережитки феодализма были сильны и антагонизм буржуазного общества отчетливо не выражался (Россия, славянские страны, Италия, Испания). Позитивистская историография на первом этапе своего развития и здесь сыграла прогрессивную роль. Она использовалась радикальными, буржуазно-демократическими кругами в качестве идейного оружия против монархизма, мистицизма, клерикализма, в качестве средства утверждения научного, опытного знания.

Позитивистское мировоззрение к 80—90-м годам XIX века прокладывает себе дорогу и в грузинской действительности. Первыми его представителями здесь были Илья Чавчавадзе, Георгий Церетели, Нико Николадзе, Дмитрий Бакрадзе, сравнительно позднее — Тедо Жордания, Еквтиме Такашвили, Н. Урбнели и другие. Они первыми сосредоточили внимание на роли народных масс в истории, на экономике как основе духовной жизни, классовой борьбе как движущей силой истории и т. д. Кроме того, они объявили борьбу феодальной историографии, которая и в научном отношении была беспомощна, и к тому же в идеологическом отношении лила воду на мельницу реакции.

Иванэ Джавахишвили воспитывался на трудах историков — позитивистов¹. И в Петербурге, и в Германии он слушал лекции знаменитых позитивистов, вдумчиво изучал работы выдающихся по тому времени медиевистов Э. Майера, Г. Маурера, Фюстеля и Куланжа, Ф. Ленормана, Масперо и многих других. Нет сомнения, что эти историки оказали влияние на мировоззрение молодого ученого.

Однако И. Джавахишвили по своему мировоззрению никогда не был эпигоном даже общепризнанных авторитетов. Он уже с юных лет критически относился к буржуазной ориенталистике и медиевистике, смело противопоставив им собственные воззрения. Ярким примером для иллюстрации этого положения может служить хотя бы первая пробная лекция молодого ученого, прочитанная им в ноябре 1902 года на публичном заседании исторического факультета Петербургского университета.

В этой лекции И. Джавахишвили решительно возвысил голос против антинаучных взглядов буржуазной ориенталистики Запада (Г. Роулинсон, М. Дункер, Ф. Ленорманн, Э. Майер и др.) относительно некой извечной отсталости Востока и неспособности его к самостоятельному развитию, против расовой теории как основы подобных взглядов. «Поскольку большая часть индоевропейских народов живет преимущественно в Европе, а остальные группы человечества селятся на Востоке, в силу этого общими чертами всей восточной культуры считаются в большей или меньшей степени застывание на одной точке, замкнутость, неимение классов и сословий, отсутствие сословий и классовой борьбы, одним

словом, духовная и социальная неподвижность»¹.

И. Джавахишвили гневно разоблачал лживость этих теорий, их антинаучность, научную необъективность и указывал на необходимость преодоления подобных теорий на базе изучения истории народов Востока. «Тщательное изучение истории какого-либо из народов Востока непременно сможет дать нам соответствующие факты, но если ограничиться рамками нашей специальности, можно было бы, не вдаваясь в детали и подробности, на основании данных истории Грузии и Армении показать если не полную ошибочность, то, во всяком случае, хотя бы преувеличенность той характеристики, которая дается культуре народов Востока, особенностям представителей неиндоевропейских племен»².

В этой же лекции ученый ставил перед историками самую актуальную задачу — изучать историю народов Востока «без каких-либо предвзятых мнений и предубеждений, а на основании совершенно несомненных данных», наряду с этим «изучить и установить основные факторы, представляющие собой соединительные звенья социальной жизни народов Востока, которые, несмотря на различия в расовом происхождении и преграды политической обособленности, все-таки создали столь сходные образцы своей государственной и общественной культуры»³.

За исследование исторического прошлого грузинского народа И. Джавахишвили взялся с самого же начала с высокой научной взыскательностью. Его воззрения на историю Грузии как ученого-демократа, материалиста отчетливо выражены в полемическом научном очерке «Патриотизм и наука», опубликованном в 1904 году в Тбилиси. Этот очерк воссоздал кризисную обстановку, сложившуюся к 900-м годам в грузинской исторической науке и открывавшую путь, с одной стороны, нигилистическим, а с другой — ультра националистическим взглядам. В этой статье И. Джавахишвили справедливо выступил против романтизма, распространенного среди грузинской дворянской интеллигенции, осудил адвокатски-заступнический подход к истории Грузии, ее идеализацию, изображение ее в качестве единого общенационального потока. Кроме того, он подверг критике нигилизм, отличавший некоторых грузинских исследователей, отдававших дань модным буржуазным теориям. Надо «не нигилистически отрицать прошлое, не обреченно махнуть рукой на самих себя, не стенать и плакать по пово-

¹ На наличие двух вышеотмеченных компонентов в формировании мировоззрения И. Джавахишвили первым заострил внимание исследователь П. Ратиани.—См. его: Мировоззрение Иванэ Джавахишвили, журнал «Мнатоби», 1966 г. № 6.

¹ И. Джавахишвили, История грузинского народа, т. I, 1960, с. 391.

² Там же, с. 392.

³ Там же, с. 400.

ду потерянного райа, а научно изучать прошлое, установить закономерности его «зла» и «добра» и передавать их в качестве духовной пищи строителям новой страны — патриотам». Такую задачу ставил ученый перед грузинской историографией.

В этом же очерке И. Джавахишвили провозглашал отсталостью идейные представления о том, что в прошлом Грузии якобы не имели места столкновения сословий и направлений, будто в народе царили идиллические, «отечески-сыновние отношения».

Протестуя против такой лженаучной точки зрения, ученый писал: «Многие полагают, будто это качество нашей истории свидетельствует о наших особых добродетелях и талантах. А того не знают, что европейские ученые гордятся именно этой межсословной борьбой; они утверждают, что только индоевропейские нации способны обнаружить столько талантов и способностей к общественной жизни, чтобы для завоевания социальной свободы воспользоваться борьбой между сословиями», что «Восток и вообще народы Азии не знают, что такое борьба за завоевание сословных прав... Как видите, не столь уж похвальной оказывается на поверку это мнимое свойство грузин — отечески-сыновние отношения» между сословиями. К счастью, ученый, критически изучивший грузинские исторические материалы, может доказать, что прошлое Грузии действительно изобилует примерами сословной борьбы¹.

Велико значение этого труда И. Джавахишвили. Выдвинутые в нем положения намечали новые пути в карвелологии того времени. Молодой ученый не только требовал от других поставить исследование истории Грузии на строго научный фундамент, но и сам подавал пример, взявшись за титанический труд по научному обоснованию истории родного народа. Вместе с тем, выполняя патристический долг перед своей эпохой, И. Джавахишвили заглядывал вперед и считал назначением передовой грузинской общественности вести борьбу за самоопределение. В этом деле решающее значение он придавал не упованиям на милости со стороны самодержавия, а утверждению духа борьбы против него.

Блестящей иллюстрацией революционно-демократических убеждений И. Джавахишвили явился труд «Патристическое и социальное движение в Грузии в XIX веке», написанный в годы первой русской революции и запрещенный царизмом за высказываемые в нем радикальные взгляды.

В этом исследовании И. Джавахишвили с научной неподкупностью разо-

бачил реакционную политику царского самодержавия, последствия его жестокого колониального режима, обосновывал, что классовая борьба, социальные и политические движения имели свою историю и традиции не только в XIX столетии, но и в древности, что мощный революционный подъем по всей Грузии в 1905 году, приковавший к себе внимание всего мира, пустил глубокие корни в жизни и психике народа. В работе правильно оценивались массовые и идейные движения трудящихся и интеллигенции Грузии. Здесь автор по своему мировоззрению продолжал традиции грузинских шестидесятников.

Как мы видим, в 900-е годы мировоззрение И. Джавахишвили в определенной мере уже сложилось, сформировались его социально-политические убеждения вообще и в частности научная точка зрения на историю Грузии. И мировоззрение это было революционно-демократическим. Оно перекликалось с бурными революционными событиями эпохи. Иванэ Джавахишвили как ученый и гражданин уверенно встал в ряды тех демократов, которые в национально-освободительном движении выступали продолжателями традиций грузинских шестидесятников. Это направление играло видную роль в жарких боях грузинского народа за освобождение от социального и национального гнета, в борьбе, которую с начала XX века возглавила Коммунистическая партия.

Мировоззрение И. Джавахишвили легло в основу всего его научного творчества. С позиций своего мировоззрения ученый изложил историю грузинского народа, определил ее подсобные науки, обосновал целый ряд карвелологических дисциплин.

Правда, предполагая наличие государства и в Грузии на общинно-родовом уровне ее развития, И. Джавахишвили, безусловно, находился под влиянием буржуазно-позитивистской историографии. Эти его взгляды несовместимы с марксистско-ленинским учением о государстве, и именно это было главным козырем для критиков-вульгаризаторов, подходивших к проблеме метафизически, не считаясь с тем, на каком именно этапе родового строя предполагал И. Джавахишвили существование первой грузинской государственной организации. Современная грузинская историография относит первые государственные образования у грузинских племен гораздо раньше эпохи Страбона, к VI—IV векам до н. э. Судя по археологическим данным, к этому времени как в Западной (Колхида), так и в Восточной Грузии (Иверия) уже отчетливо проступают черты разложения первобытно-общинных отношений и формирование государственных единиц. Наряду с этим в настоящее время в науке высказаны заслужи-

¹ И. Джавахишвили, Патриотизм и наука, 1904, с. 15.

вающие внимания предположения относительно социальной природы этих первых государственных образований. Ряд ученых считает, что в данном случае мы имеем дело не с рабовладельческими государствами классической эпохи, а с образованиями так называемого смешанного типа (прогофеодальными), с преобладанием элементов военной демократии, где медленное развитие феодальных отношений происходит минуя рабовладельческую формацию.

Если концепцию И. Джавахишвили о возникновении государственного строя в Грузии рассматривать в свете этих взглядов, то она отнюдь не выглядит несовместимой с марксистско-ленинской точкой зрения. Кроме того, И. Джавахишвили — первый исследователь, особо заостривший внимание на специфическом характере переходных отношений от родового бесклассового общества к классовому в Грузии.

И. Джавахишвили, как известно, специально изучил социально-политическое и культурное положение Грузии в эпоху объединения. Характерным явлением для государственной жизни объединенной Грузии он считал дальнейшую борьбу между царями и родовитыми азнаурами и провозгласил краеугольным камнем государственного устройства патронкмба (патронаж)¹. По мнению ученого, патронкмба было явлением не только государственной, но вместе с тем социальной и частноправовой жизни. Патрони означал и частного собственника, и владельца, и покровителя, а кма называли и того, кто сидел на земле какого-либо господина, азнаура или человека другого сословия либо как купленный без вотчины или с вотчиной, либо как добровольно находящийся со своей собственной вотчиной под покровительством того или иного сильного господина; в качестве такого подданного (кма) знатный азнаур мог иметь и азнаура².

Патронкмба в качестве характерного для Грузии явления И. Джавахишвили понимал по содержанию как феодальные отношения между сюзереном и вассалом и закрепощение основной массы, которое

ему представлялось общим признаком для феодальных отношений во всех странах. «Грузинское патронкмба поразительно напоминает западноевропейский феодализм», — указывал ученый.

И. Джавахишвили дал материалистическое объяснение грузинской общественной жизни. Он считал, что в исторической жизни народа, в его духовном мире процессы подъема и спада обусловлены особенностями социально-экономического развития. Ученый затем и изучал с большим увлечением экономическую жизнь Грузии, чтобы объяснить и обосновать негнбаемую стойкость народа, в течение столетий окруженного врагами и вынужденного с оружием в руках отражать их натиск. Как известно, эта проблема в свое время очень волновала Илью Чавчавадзе. В период подготовки к 750-летию поэмы гениального грузинского поэта Шота Руставели И. Джавахишвили проделал титаническую работу, чтобы полно воссоздать материальную культуру той эпохи и воочию показать, что гуманистическая культура Грузии XII века была обусловлена высоким уровнем развития экономики и социальных институтов.

В первой половине 30-х годов нашего столетия, когда в одной части марксистской интеллигенции чувствовалось сильное влияние рапповщины и вульгарного социализма, мировоззрение И. Джавахишвили как историка освещалось одно-сторонне. Некоторые критики в ту пору объявляли его антимарксистом и требовали отвергнуть его научное наследие как реакционное (Г. Соселия, К. Орагвелидзе и др.).

Подобная оценка мировоззрения И. Джавахишвили была односторонней, догматической и, стало быть, неверной. Отдельные положения ученого, на которых действительно чувствовалось некоторое влияние позитивизма, этими критиками раздувались и возводились на высоту принципов. Они отнюдь не считались с тем, что мировоззрение И. Джавахишвили в целом было материалистическим и зиждилось на лучших завоеваниях революционного демократизма, что в грузинской историографии его научное наследие осталось той ступенью, на которой впоследствии выросла грузинская марксистско-ленинская историография.

¹ И. Джавахишвили. История Грузинского народа, т. II, 1965, с. 165.

² Там же.

ТОНКИЙ И ГЛУБОКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИВАН Александрович Джавахишвили — ученый широкого диапазона и широкого профиля. По призванию и узкой специальности историк, он очень много сделал и в области филологии, в частности в литературоведении, в изучении древнегрузинской литературы. Вместе с Н. Я. Марром он является признанным вожаком в развитии новой грузиноведческой науки вообще.

Иван Александрович был, так сказать, начинающим, еще складывающимся ученым, когда принял активное участие в известной марровской экспедиции на Востоке (на Синае) в 1902 году. «Предварительный отчет» Марра «о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме в поездку 1902 г.», опубликованный в 1903 году¹, вызвал подлинную сенсацию в западном научном мире². Иван Александрович — автор научного описания одной, значительной части древнейших грузинских рукописей Синайского фонда³.

Считая первейшей обязанностью всякого ученого филолога серьезное отношение к рукописному наследию и нелицеприятно критически оценивая имеющиеся в этой области работы М. Джанашвили, Ф. Жордания, А. Цагарели и других, И. А. Джавахишвили не скупился в нужных случаях и на похвальное слово. В отзыве на сочинение Е. Такайшвили «Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения» он писал: «Описание (Е. Такайшвили) составлено прекрасно; тщательно, подробно и дает массу совершенно новых сведений... В описании мы имеем много ценных данных, дающих неопровержимые выводы в области исторических и историко-литературных вопросов»⁴.

По составленной Иваном Александровичем инструкции ведутся описания богатейших рукописных коллекций Института рукописей имени К. С. Кекелидзе АН ГССР.

Для истории грузинской литературы и всей грузинской духовной культуры имеют эпохальное значение открытые Джавахишвили в 1922 году древней-

¹ Сообщения Палестинского общества, т. XIV, ч. 2, СПб, 1903.

² См. например, А. Harnack. Forschungen aus dem Gebiete der alten grusinischen und armenischen Litteratur (Sitzungsberichte der Preuss. Akad. der Wiss. XXXIX, Berlin. 1903, S. 840).

³ Описание грузинских рукописей Синая. Тб., 1947.

⁴ Византийский вестник, т. XI, СПб, 1904, с. 347.

шие памятники грузинской письменности, так называемые палимпсестные тексты VI—VII веков¹. Это открытие дало Ивану Александровичу ключ к разрешению ряда первостепенных вопросов из истории грузинской палеографии, языка и литературы. Весьма тщательное, скрупулезное изучение им же открытых материалов дало возможность И. А. Джавахишвили должным образом обосновать свою научную теорию об изобретении грузинского алфавита и возникновении грузинской письменности задолго до нашей эры.

Большая монография И. А. Джавахишвили «Древнегрузинская историография» (V—XVIII вв)² — бесценный труд по древнегрузинской художественной прозе. Хотя грузинскую агиографическую литературу (мученичества и жития святых) Иван Александрович и рассматривает в первую очередь как исторические памятники, он подробно анализирует их и с точки зрения художественности языка, стиля и писательского мастерства. В монографии, конечно, затрагиваются и соответственно разрешаются вопросы историко-литературного и мировоззренческого порядка, вопросы литературных взаимосвязей и т. д. В подобном плане изучены в труде Ивана Александровича произведения выдающихся представителей грузинской беллетристики — Янова Цуртavelи (V в.), Иоанна Сабанисдзе (VIII в.), анонима, автора «Мученичества Константина-Каха» (IX в.), Стефана Мтбевари (X в.), Георгия Мерчуле (X в.), Василия Зарзмели (XI в.), Евфимия и Георгия Афонели (X—XI вв.), Георгия Шавтели (XI в.), Ефрема Мцире (XI в.), Николоза Гулаберидзе (XII в.) и других. И. А. Джавахишвили перевел на немецкий язык и со вступительной статьей опубликовал «Мученичество Евстафия Мцхетели», произведение неизвестного автора VI века³. С его помощью сделан и немецкий перевод «Мученичества Або Тбилели» К. Шульце⁴.

Ряд статей, заметок, рецензий, отзывов и аннотаций опубликованы И. А. Джавахишвили в известных петербургских академических органах: «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», «Христианский Восток», «Византийский Временник», «Записки восточного отделения русского археологического общества». Особо следует отметить его «Материалы для истории грузинской патристической литературы» (X в., т. I, 1912).

Еще совсем молодым ученым Иван Александрович внес свой вклад в изучение проблем «Варлаамовского периода русского востоковедения» (определение академика И. В. Крачковского). Это — его русский перевод знаменитой душеполезной повести средневековья «Мудрости Балавара», известной в мировой литературе под названием «Варлаам и Иоасаф»⁵.

С большой тщательностью и глубиной рассматривал И. А. Джавахишвили и памятники древнегрузинской светской литературы. Специальные работы посвятил он героическо-авантюрной повести «Амиран-Дареджаниани», грузинской редакции персидской поэмы Гургани «Вис-о-Рамин» («Висрамиани»), грузинским версиям поэмы Фирдоуси «Шахнамэ» и поэме Руставели «Витязь в барской (или тигровой) шкуре». Известны его суждения о древнегрузинских описках, Теймуразе I, Арчиле, Вахтанге VI, «Мудрости вымысла» Саба-Сулхана Орбелиани и других.

И. А. Джавахишвили — автор пятитомной истории грузинского народа. В каждом томе этого большого труда глубоко содержательный обзор литературной жизни соответствующих эпох. В 1913 году в энциклопедическом словаре «Гранат» опубликована его суммарно обобщенная статья о древнем периоде грузинской литературы.

Принципиально новое и, по моему мнению, совершенно правильное положение выдвинул И. А. Джавахишвили по спорному вопросу о культурно-литературных связях Грузии с персоязычными литературами народов Востока: «Если в политической сфере Грузия вела борьбу с разными мусульманскими ханствами и с Персией, поэзия и культура создавали духовное единство персов и грузин, и вместо вражды (и ненависти) закладывали основы любви. Для грузин персидско-мусульманская культура (никогда) не была чуждой, они с большим уважением относились к литературе, науке и искусству своих политических недругов»⁶.

¹ И. Д ж а в а х и ш в и л и, Вновь открытые древнегрузинские рукописи и их значение для науки. Предварит. доклад с приложением образц. и рис. (Вестник ТУ, т. II, Тб., 1922-23).

² Тбилиси, 1916, 1921, 1945.

³ Das Martyrium des heiligen Eustatius von Mzchetha (Sitzungsberichte der Preuss. Akad. der Wiss., Berlin, 1901).

⁴ К. S c h u l t z e. Das Martyrium des heiligen Abo von Tiflis (Texte und Untersuchungen, N Folge, XIII, 4).

⁵ ЗВОРАО, т. XI, СПб, 1899.

⁶ История грузинского народа, II, 1914, с. 654.

Блестящий ученый и как аналитик, и как синтетик, И. А. Джавахишвили был искусным полемистом, беспристрастным, высоко принципиальным и бескомпромиссным. С методологической и историко-литературной точек зрения исключительно большое значение имеет его незаконченное исследование «Задачи истории грузинской филологии и древнегрузинского художественного эпоса»¹.

Как ученый, И. А. Джавахишвили сложился в дореволюционную эпоху, но его огромные научно-творческие силы в полную меру раскрылись после Великой Октябрьской социалистической революции в стенах по его же инициативе созданного национального университета. Вокруг Ивана Александровича сгруппировались его коллеги, ученики и почитатели, развернувшие кипучую научно-исследовательскую деятельность во всех областях грузинской гуманитарной науки. Ивана Александровича глубоко тронуло и вдохновило известное постановление ЦК Компартии Грузии от 1934 года о всенародном праздновании 750-летия поэмы Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

Под руководством Ивана Александровича была организована большая выставка, посвященная материальной культуре эпохи Руставели. За сравнительно короткий срок он обнародовал ряд весьма ценных руствелологических работ: «По поводу празднования 750-летия «Вепхисткаосани»²; «Личность и мировоззрение (Шота Руставели)»³; «Социальная культура эпохи Руставели и поэма «Вепхисткаосани»⁴, «Вокруг нового (1934 г.) издания «Вепхисткаосани»⁵, «Вепхисткаосани»⁶.

В своей научно-исследовательской деятельности руствелологические вопросы И. А. Джавахишвили, конечно, затрагивал и раньше и не раз возвращался к ним в дальнейшем. Джавахишвили-руствелолог — тема специального доклада. Здесь я ограничусь беглыми замечками только о некоторых сторонах его работ по этой проблематике⁷.

В статье «К 750-летию «Вепхисткаосани» И. А. Джавахишвили писал: «Изучение величественного творения Шота Руставели сравнительно с прошлым оживилось и очень продвинулось вперед». Однако, по его мнению, руствелологическая наука значительно отстала по части текстологии. Разные взгляды на бессмертную поэму «основываются на неустановленном тексте». «Странно, — подчеркивал ученый, — что и эта оживленная (исследовательская) работа не помогла делу критического восстановления и издания поэмы». С болью в сердце констатировал Иван Александрович: «До сих пор мы не только не можем издать полный критический текст («Вепхисткаосани»), но даже не имеем такого издания, которое содержало бы зафиксированные в рукописях все разночтения».

Таким образом, И. А. Джавахишвили совершенно справедливо упрекал руствелологов в пренебрежительном отношении к коренной, текстологической проблеме этой науки. Я рад сообщить, что первое требование И. А. Джавахишвили к настоящему времени выполнено: Институт истории грузинской литературы имени Шота Руставели в 1960—1964 годах выпустил в свет пять книг вариантных разночтений поэмы Руставели по всем ее рукописным спискам и основным печатным изданиям, а в 1966 году появилось издание «Вепхисткаосани», снабженное основными рукописными разночтениями. Это — так называемое вариантное издание поэмы Руставели (под редакцией А. Шанидзе и А. Барамидзе) и было посвящено памяти И. А. Джавахишвили. Но, по мысли Ивана Александровича, мало осуществить более или менее удовлетворительное («хорошее») издание, оно должно быть еще безупречно образцовым. До тех пор, пока не будет подобного издания, грузинская наука не сможет выполнить своего нравственного долга перед своим гениальным поэтом, указывал Иван Александрович. Как известно, при президиуме Академии наук Грузинской ССР функционирует Комиссия по подготовке и изданию научно-критического, академического текста «Вепхисткаосани». Комиссия призвана осуществить мечты незабвенного ученого. Нужно надеяться, что его заветы будут осуществлены.

Специальную работу посвятил И. А. Джавахишвили первому печатному изданию «Вепхисткаосани» 1712 года, так называемой Ваханговской редакции поэмы. По его заключению, это издание «основывается на древних рукописных традициях» (стр. 30). Ученый полагал, что, по всей вероятности, Вах-

¹ И. А. Джавахишвили. Вопросы истории литературы и языка (под редакцией И. Абуладзе и А. Барамидзе), Тбилиси, 1956, с. 58—75.

² Там же, с. 5—12.

³ Там же, с. 13—15 (на русском языке).

⁴ Там же, с. 16—19.

⁵ Там же, с. 20—30.

⁶ Там же, с. 31—47.

⁷ В дальнейшем все цитаты приводятся и ссылки делаются по указанному выше сборнику работ И. А. Джавахишвили «Вопросы истории литературы и языка».

танг VI собрал известные в его время лучшие рукописи, выбрал из них наиболее старые и надежные списки, использовав их для своего издания. Вахтанг не мог допустить, — писал Иван Александрович, — «самовольного» подхода к тексту. Хотя просвещенный царь и изъял из своего издания последние главы рукописного «Витязя», в том числе и «Сказ об индо-хатайцах», но, что убедительно доказывает Иван Александрович, это было сделано применительно к данным, имеющимся в рукописном наследии поэмы. Дальнейшее подробное изучение рукописных списков «Вепхисткаосани» полностью оправдало предположение И. А. Джавахишвили.

И в ранних своих руствелологических работах Иван Александрович придерживался мнения о том, что «Вепхисткаосани» отображает конкретно-историческую действительность Грузии XII века, а ситуация воцарения Тинатин, слова поэта, что аравийский царь Ростеван, «кроме дочери, владыка не имел другого чада»: изречение «льва щенки равны друг другу, будь то самка или самец» прозрачно намекает на известные исторические события. В дальнейшем ученый-историк значительно расширил и углубил этот взгляд. В докладе на объединенном заседании правлений Союзов писателей СССР и ГССР в декабре 1937 года И. А. Джавахишвили говорил: «В героях Руставели бьется сердце грузина, их волнуют вопросы тогдашней Грузии» (стр. 19). Идею преклонения перед женщиной и возможность воцарения представительницы женского пола И. А. Джавахишвили считал краеугольным камнем социально-политической жизни Грузии времен царицы Тамар. «Борьба не угасла и после решительного шага Георгия III, возведшего на грузинский престол юную Тамар, борьба эта приняла только другую форму. Шота Руставели, утверждает Иван Александрович, «проповедник равенства царственной дочери с царственным сыном». Еще, мол, грузинский историк XVII века Парсадан Горгиджанидзе подметил, что афоризм «льва щенки равны друг другу, будь то самка или самец» имеет в виду факт воцарения Тамар¹. Исследователь идет гораздо дальше, доказывая, что руставелевский афоризм («льва щенки...») подразумевает не только частный случай, но и представляет собой обобщенную идею равенства мужчин и женщин вообще в политическом смысле (с. 15, 27).

И. А. Джавахишвили придерживался теории Н. Я. Марра о рыцарской идеологии и возвышенной рыцарской любви «Вепхисткаосани», обоснованной в его замечательной монографии «Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шота из Рустави с этюдом «Култ женщины и рыцарство в поэме» (ТР, XII, СПб, 1910). Об этой монографии Н. Я. Марра И. А. Джавахишвили писал: «Первая, прекрасно написанная, монография о мировоззрении, целеустремленности и поэтических взглядах гениального автора «Витязя в барсовой шкуре» принадлежит академику Н. Марру. Это его исследование положило начало новой эпохе в изучении «Витязя в барсовой шкуре»². Развивая марровскую теорию, И. А. Джавахишвили доказывал, что основной идеей поэмы Руставели является идея дружбы и братства, перерастающая в идею братства и солидарности народов³.

По определению И. А. Джавахишвили, Шота Руставели «был в религиозных вопросах вольнодумцем», не признающим официальной христианской догматики и обрядности, «больше колеблющимся между признанием единобожия и пантеизмом, чем адептом какой-либо тогда господствовавшей религии» (с. 14—15). Этим обстоятельством объяснял он гонение на Руставели со стороны церковно-клерикальных кругов грузинского общества, И. А. Джавахишвили не подвергал сомнению сведения источников о гонениях на «Вепхисткаосани» со стороны главы грузинской христианской церкви католикоса Антония Первого (1720—1788).

Восхищают глубиной мысли, научной аргументированностью доводы И. А. Джавахишвили даже и в тех случаях, когда они кажутся спорными и не совсем убедительными.

Ярко выраженная антиперсидская тенденция «Вепхисткаосани», по меткому замечанию Ивана Александровича, исключает возможность персидского происхождения сюжета Руставели.

Не могу не процитировать в моем буквально подстрочном переводе вдохновенные слова И. А. Джавахишвили, замыкающие его доклад на писательском пленуме в декабре 1937 года: «Пока в человеческом организме бьется пульс благородного сердца, пока благородные чувства и любовь будут иметь

¹ Вопросы истории литературы и языка, с. 46.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 18.

притягательную силу, не умрет Руставели, не умрет его величественная поэма «Вепхисткаосани».

Неутомимый исследователь древнегрузинской литературы, свое провещенное внимание он уделял также вопросам новой грузинской литературы. В этом отношении особого внимания заслуживают две его работы: «Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке»¹ и «Илья Чавчавадзе и история Грузии»².

«Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке» — прекрасное исследование, имеющее большое научное значение и для истории общественной мысли данной эпохи. В этой работе И. А. Джавахишвили выражает свое полное сочувствие народно-революционному, антикрепостническому и антимоноархическому движению грузинского крестьянства, подчеркивая, что раньше движение это носило неорганизованный, разрозненный и стихийный характер. «Временные вспышки и отдельные проявления брожения начали принимать всеобщий характер с начала XX века и «все более и более это движение из аграрного стало переходить в политическое». К этому времени, по словам И. А. Джавахишвили, в стихийное крестьянское движение грузинский рабочий класс внес необходимый «организаторский дух».

Кстати, за явно крамольные мысли работа эта царской цензурой была запрещена и изъята из обращения, а ее автор подвергся административному взысканию.

И. А. Джавахишвили высоко ценил огромные заслуги перед родной страной признанного вождя национально-освободительного движения в Грузии XIX века Ильи Григорьевича Чавчавадзе. Он справедливо считал, что «Илья Чавчавадзе был велик не только в области поэзии и публицистики, но и в области грузинской историографии». Вместе с тем И. А. Джавахишвили с горечью отмечал, что в одно время разного рода нигилисты пытались не только умалить его значение, но и «полностью уничтожить» и «стереть с лица земли» его великие заслуги. И. А. Джавахишвили с глубоким удовлетворением и радостью заключал свой труд об Илье Чавчавадзе: «К счастью, этой беспримерной неблагодарности пришел окончательный конец, ...эта черная неблагодарность искоренена и великая заслуга Ильи Чавчавадзе перед Грузией оценена достойным образом».

Физически уже надломленный, но духовно твердый и непреклонный, обладающий поразительной силой воли и трудолюбием, маститый ученый в последние дни своей недолгой жизни напряженно работал над важнейшими проблемами грузинской филологической науки. К кругу этих вопросов относится и его незаконченный доклад, прочитанный в роковой день 18 ноября 1940 года. Благородное сердце великого человека и блистательного ученого навсегда перестало биться, когда он взволнованно рассуждал о проблемах грузинской богатырской повести «Амиран-Дареджаниани».

¹ История грузинского народа, V, 1953, с. 98—129.

² Вопросы истории языка и литературы, с. 76—88.

Языковедческие труды выдающегося историка

ЗАСЛУГА академика Иванэ Джавахишвили в развитии картвельского языкознания поистине неизмерима. Глубокоосведомленный и прекрасно ориентирующийся в филологической науке исследователь, он при освещении исторических процессов с самого же начала своей научной деятельности придавал огромное значение анализу языковых данных, поскольку, по его же концепции, в языке четко отражена жизнь народа, ступени его социально-политического и культурного развития. В результате глубокого изучения богатейших грузинских письменных памятников им был выявлен многообразный словесный фонд, легший в основу фундаментальных историко-филологических исследований этого выдающегося ученого. На материале грузинской исторической лексики построены такие известные монографии Иванэ Джавахишвили, как «Экономическая история Грузии», «История грузинского права», «Грузинская нумизматика-метрология», «Основные вопросы истории грузинской музыки» и другие. В ходе этих поисков ученый руководствовался методологическим принципом, выражающимся в подходе к языку как важнейшему историческому источнику. Отсюда понятно, что рассмотрение лингвистических проблем продиктовано необходимостью решения исторических задач.

Критическое рассмотрение историко-географических и этнологических проблем, произведенное параллельно по древним и средневековым греческим, римским, арабским, армянским, грузинским и другим источникам, дало Иванэ Джавахишвили возможность про-

верить правильность выводов, полученных языковедческим путем, и обосновать множество новых положений.

Языковедческие исследования — одна из составных частей «Введения в историю грузинской нации». В первой книге этого введения рассмотрены историко-этнологические проблемы Грузии, Закавказья и Ближнего Востока. Для ее автора с самого начала было ясно, что только путем использования этнологических и лингвистических источников и анализа картвельского языкового материала невозможно выяснить и решить вопросы происхождения грузин и их древнейшей культуры. Для этого необходимо использовать этнографические и лингвистические материалы народов и народностей Кавказа.

Иванэ Джавахишвили отмечал, что вместе с научным исследованием картвельских языков главное внимание следует уделить основательному и углубленному изучению кавказских языков, хотя бы потому, что оно имеет исключительное значение для понимания первоначальной природы и последующих изменений самого грузинского языка. «Грузию надо превратить в главный центр исследования этих языков и путем использования экспериментальных методов начать как самостоятельное, так и сопоставительное их изучение. Следует также строго проверить накопленный до сих пор грамматический или лексический материал и тем самым заложить основу их научного изучения». В то же время ученый считал, что мировая наука исключительно заинтересована природой картвельских и кавказских языков, во-

просом их родства с другими языками, в том числе с халдским, хеттским, эламским, шумерским языками, и что изучение всего этого «составляет наш первейший долг».

В 1937 году в свет вышел плод продолжительной исследовательской работы Ивана Джавахишвили «Первоначальная природа и родство грузинского и кавказских языков». Этот фундаментальный труд положил начало новой эре в кавказоведении. Он имеет основополагающее значение для развития иберийско-кавказского языкознания, как новой кавказоведческой дисциплины. Дальнейшее интенсивное исследование в этой области полностью оправдало и подтвердило принципы и методологические предпосылки, на которых построена эта важнейшая монография выдающегося историка и ученого-языковеда.

Особенно ценен вклад Ивана Джавахишвили в области грузинской филологии, в частности в развитии грузинской научной текстологии. В 1923 году он обнаружил древнейшие, так называемые доарабские, рукописи (пятого — шестого — седьмого столетий), которые отличались от письменных памятников последующих веков палеографическими знаками и языковыми особенностями. Это открытие предоставило картвелологии широкие перспективы. Для учета древнейших ступеней многовекового

грузинского литературного языка и вообще для изучения проблем грузинской культуры выявление и расшифровка древнейших грузинских текстов имело эпохальное значение в развитии грузиноведения.

Иван Джавахишвили поставил изучение грузинской эпиграфики и палеографии на прочную научную основу. Курс грузинской эпиграфики он читал еще в Петербургском университете. В научное обращение им внесен богатейший эпиграфический материал, содержащий исключительно интересные и серьезные данные для исследования и изучения узловых вопросов грузинского языка и истории Грузии. Капитальная монография И. Джавахишвили о грузинской письменности, вышедшая в 1926 году, легла в фундамент новой картвелологической дисциплины — грузинской палеографии. Со свойственной ему обоснованностью и глубиной он разъяснил кардинальные вопросы генезиса грузинской письменности, грузинского алфавита и создал прочную базу дальнейших исследований в этом направлении.

Языковедческие исследования И. Джавахишвили заметно расширили рамки грузинского языкознания. Многие окутанные туманом вопросы истории Грузии он осветил, используя языковые данные.

ВЕЧНО ЖИВОЙ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНУЮ дату 100-летия со дня рождения выдающегося грузинского ученого академика Ивана Александровича Джавахишвили отмечает вся научная общественность Грузии — его коллеги, ученики, поклонники его могучего таланта. Многие из коллег и учеников этого мужа науки не дожили до этой славной даты, но их личные архивы хранят письма, воспоминания и другие материалы об И. А. Джавахишвили. Одним из таких коллег и друзей ученого был Леон Меликсетович Меликсет-Бек — профессор Тбилисского государственного университета, член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, в личном архиве которого имеются два письма И. А. Джавахишвили к нему и его воспоминания о нем.

Их дружба является одной из ярких страниц взаимоотношений грузинского и армянского народов, исторические корни которых уходят в глубь веков. Об этой дружбе рассказывают легенды и предания, прошедшие сквозь века, и сохранившиеся армянские и грузинские исторические и литературные памятники.

Отмечая научные связи грузинского и армянского народов, следует подчеркнуть, что И. А. Джавахишвили еще со студенческой скамьи занимался арменоведением, так как окончил факультет восточных языков Петербургского университета по разряду армяно-грузинской филологии. После сдачи магистерских экзаменов темой для своей лекции он выбирает «Страницу из истории крестьянского движения в древней Армении», которую издал в 1922 году, а в 1936 году профессор Л. М. Меликсет-Бек перевел ее на армянский язык и издал в Ереване. Темой магистерской диссертации И. А. Джавахишвили был «Вопрос государственного устройства Грузии и Армении» (1905 г.). В 1905 — 1917 гг. он работал приват-доцентом кафедры армяно-грузинской филологии, на которой наряду с дисциплинами по грузиноведению, читал лекции по истории г. Ани. Как указывает в своей статье «Акад. Ив. Джавахишвили и армяноведение»¹, профессор Л. М. Меликсет-Бек, И. А. Джавахишвили посетил для этого в 1911 году археологические раскопки Ани, где прочел грузинские надписи.

¹ Труды Института истории, археологии и этнографии им. акад. И. А. Джавахишвили, т. III, 1958, с. 267—288.

Для своих фундаментальных трудов он использовал армянские исторические и литературные памятники, армянские словари, изучал армянскую терминологию.

В первые годы деятельности Тбилисского государственного университета (1921 — 1922 гг.) И. А. Джавахишвили читал курс «Древнеармянская историческая письменность», который в неоконченном виде издал в 1926 году и тогда же сдал в научную библиотеку университета коллекцию редких армянских книг, приобретенных у букинистов Стамбула.

В 1918 году по его инициативе в Тбилиском университете была организована кафедра армянского языка, преобразованная в дальнейшем в кафедру арменоведения, которую возглавил приглашенный Иваном Александровичем профессор Л. М. Меликсет-Бек.

С самого начала работы в университете между учеными установились дружеские отношения. Они обменивались своими трудами с дарственными надписями, литературой. Возвращаясь из Армении, где происходили научные симпозиумы, конференции, защита диссертации, археологические раскопки и т. д., профессор Л. М. Меликсет-Бек всегда делился своими мыслями и впечатлениями с академиком Джавахишвили. Иван Александрович не раз бывал у нас дома. В 1922 году он был одним из экзаменаторов на докторских экзаменах у отца, а в 1928 году должен был быть рецензентом на защите его докторской диссертации, и только случай помешал этому.

Свою любовь и уважение к И. Джавахишвили Л. М. Меликсет-Бек выразил в своих трудах. В статье «Иван Александрович Джавахишвили», опубликованной в 1921 году в журнале «Момавали», он подчеркнул значение научной деятельности, проводимой грузинским ученым в Петербурге, и его общественной работы среди грузин студенческого научного общества Петербургского университета, а также его роль в открытии Тбилисского государственного университета. В статье «Академик Иван Джавахишвили и его труды», помещенной в 1940 году в «Библиографическом альбоме», профессор Меликсет-Бек характеризует творчество академика Джавахишвили и приводит список его трудов. В статье «Академик Ив. Джавахишвили и арменоведение» им проанализирован тот ценный вклад, который Иван Александрович внес

из изучение политической и социальной истории армянского народа и его культуры, истории армянской церкви, армянского права, армянской историографии, армянского источниковедения и исторической географии Армении.

В личном архиве Л. М. Меликсет-Бека сохранились два письма И. А. Джавахишвили к нему. В письме от 24 марта 1918 года он благодарит профессора за вручение библиотеке университета своих трудов (с автографом), а в письме от 5 но-

ября 1919 года с большим почтением и извинением просит его одолжить ему редкую книгу. Особенную любовь к Ивану Александровичу Л. М. Меликсет-Бек выразил в своей черновой рукописи «Воспоминания об Иване Джавахишвили», которая хранится в его личном архиве и которую мы приводим ниже на русском языке в нашем переводе.

Леонид МЕЛИКСЕТ-БЕК,
кандидат исторических наук

В СВОЕМ письме, опубликованном в «Мнатоби» по случаю 25-летия научной деятельности академика И. Джавахишвили, его товарищ по Тифлисской I мужской гимназии известный грузинский писатель Котэ Макашвили назвал юбиляра «редким человеком». Такой лаконической характеристикой личности Ивана Александровича он начинает и другую статью, посвященную 50-летию со дня рождения И. Джавахишвили, которая была опубликована в журнале «Чвени мецниереба» №№ 17—21, 1921.

С Иваном Джавахишвили я был знаком до открытия Тбилисского университета, еще тогда, когда он был приват-доцентом Петербургского университета. Летом он приезжал в Тбилиси и иногда посещал заседания Грузинского историко-этнографического общества, действительным членом которого я был со 2 июля 1913 года. Наше знакомство тогда было только шапочным. Настоящая дружба между нами завязалась после того, как я был приглашен им в Тбилисский государственный университет, а особенно с 13.XI.1918 года, когда я провел вводную лекцию, на которой присутствовал весь состав ученого совета философского факультета Тбилисского университета во главе с И. Джавахишвили.

Между прочим, следует отметить, что Иван Александрович был одним из экзаменаторов на наших устных докторских экзаменах в 1922 году и одним из рецензентов нашей докторской диссертации, в процессе защиты которой на заседании ученого совета педагогического факультета под руководством К. Салуквадзе Ивану Джавахишвили стало плохо именно тогда, когда я закончил свое вступительное слово. К нему подбежал профессор Г. Ахвледиани, помог выйти из зала, усадил в фаэтон и довез до дома.

Этот случай особенно запомнился потому, что, как мне сообщили, прийдя в себя, Иван Александрович попросил лист бумаги и перо, чтобы доложить ученому совету университета о своем решении отдать свой голос за присуждение мне исковой степени.

Встречи с Иваном Джавахишвили у меня были не только в стенах университета, но и в других местах, например, в Карсани, где он отдыхал в течение ряда лет, а также в Цихисдзире, на горе, на даче Твалчредидзе. Наша беседа всегда касалась актуальных вопросов армяно-грузинской филологии и истории народов Закавказья.

С 1930 года предметы арменологии были перенесены на кафедру восточных языков и литературы, руководство которой было поручено мне, а с 1933 года на меня были возложены организация и руководство новой кафедрой — истории народов Закавказья и Передней Азии.

Членами этой кафедры были Иван Джавахишвили, доцент С. Джанашиа (по совместительству). На кафедре преподавались история Армении и Азербайджана, историческая география Закавказья (чтение этих курсов было возложено на меня), древнеармянская историческая письменность и история Ирана (этот курс было поручено вести И. Джавахишвили), история горских народов Закавказья (ее предложено было читать С. Джанашиа).

За два года деятельности этой кафедры я никогда не беспокоил И. Джавахишвили. Студенты слушали его лекции в музее. Там же я устраивал заседания кафедры, и для нас всегда было большой радостью, когда нас посещал Г. Церетели. Мы гордились встречей с таким крупным ученым.

Члены кафедры не были загружены, зато они проводили большую научно-исследовательскую работу.

В 1936 году на армянском языке, в нашем переводе, вышел труд И. Джавахишвили «Страницы из истории крестьянского движения в древней Армении». До перевода я обратился к Ивану Александровичу с просьбой дать

разрешение на издание и уточнение заглавия. Он махнул рукой и ответил: «Даю Вам полное право, что хотите и как хотите сформулируйте, полностью Вам доверяю».

Книгу я озаглавил «Материалы к истории социального движения в Армении X и XIII вв.». Получив 10 авторских экземпляров и гонорар, я на второй же день послал все это Ивану Александровичу. Он был поражен, что так быстро и блестяще было реализовано наше маленькое начинание, и на первом экземпляре книги сделал дарственную надпись: «Глубокоуважаемому проф. Л. Меликсет-Беку с большой благодарностью от Ив. Джавахишвили от 26.IV. 1937 г.».

И. Джавахишвили был известен как человек большой простоты и демократизма. Как только он входил во двор университета, здоровался со всеми и всем пожимал руки, в первую очередь, конечно, дворнику Миха, в профессорской комнате также обходил всех и всем пожимал руки.

Характерен также такой маленький эпизод, который был связан с избранием И. Джавахишвили в действительные члены Академии наук СССР. Когда я прочел в газете об этом, то хотя и спешил на лекцию, все же сначала пошел на Центральный телеграф и послал ему поздравительную телеграмму на его домашний адрес. Потом я пошел в университет. Но каково же было мое удивление, когда, возвратившись домой через полтора часа, увидел у себя на столе ответную телеграмму Ивана Александровича.

В личной беседе в связи с устройством юбилейной выставки, посвященной Ш. Руставели, он мне сказал, что не имеет обнаруженной Н. Я. Марром фотографии надписи грузинского католикоса Епифания, сделанной в Ани в 1218 году. Так как я имел эту фотографию, то на второй же день через Ленко Вахтанговича Мухелишвили послал ее Ивану Джавахишвили, и в увеличенном виде она была представлена на выставке.

В дни смерти и похорон Джавахишвили меня не было в Тбилиси. Грузинский филиал АН СССР поручил мне быть представителем Грузии на докторской диссертации Ш. Чхетия в Москве, которая была назначена на 22 сентября 1940 года. Когда я приехал в Москву, на станции меня встретили взволнованные Ш. Чхетия и другие товарищи. Оказывается, в тот момент, когда я в Тбилиси садился на московский поезд, в Тбилисском Доме работников искусств произошла трагедия — неожиданно скончался Иван Александрович. А как раз в то время, когда я приехал в Москву, во дворе университета хоронили великого грузинского ученого — академика Ивана Джавахишвили.

Убитый горем, я еле добрался до гостиницы, а потом из ближайшего почтового отделения послал телеграмму следующего содержания: «Глубоко потрясен известием о безвременной кончине кристально чистого Ивана Александровича, не нахожу слов утешения в постигшем вас горе».

После того, как на могиле И. Джавахишвили поставили памятник, я не мог проходить мимо него без волнения, не вспоминая каждый раз, как он пожимал руку дворнику Миха. Не могу не вспомнить слова Котэ Макашвили: «Иван Джавахишвили — редкий человек, вечно живой и бессмертный»¹.

Леон МЕЛИКСЕТ-БЕК

¹ Личный фонд проф. Меликсет-Бека, д. 94, л. 1—21. Рукопись черновая.

„Я еще вернусь...“

БЫЛ конец осени. Опадали листья с орехового дерева, любимого Ильей Чавчавадзе. Гогла сидел под этим старым деревом и с грустью следил за тем, как листья бесшумно ложатся на землю.

— Сколько жизни в одном этом дереве, — глухо произнес он, обращаясь ко мне. — Ильи давно уже нет, а дерево его все живет... А может быть, можно соединить жизненные силы растений и человека? Вот когда в полную мощь расцвела бы земля, вот когда Грузия собирала бы щедрый урожай! И как жаль, что в жизни все обстоит совсем не так. Кто предопределил наше пребывание на этой земле? — рассуждал он, уже ни к кому не обращаясь.

Гогле тогда перевалило за шестьдесят...

В тот день он был задумчив более обычного и выглядел так, словно ему было зябко от приближающихся холодных дней.

Мы довольно часто встречались с Георгием Леонидзе, и всегда он интересовался последними открытиями в биологии. В этой науке о жизни всегда много нового, и я, не скупясь, старался обогащать друга наиболее интересными новостями из беспредельного моря познаний.

Однажды Гогла зашел ко мне как обычно очень бодрым, одухотворенным красотой и ароматом родной земли. Он много шутил, смеялся, рассказывая о событиях предыдущего дня, буквально зажег, расшевелил всех вокруг и вдруг — умолк, как-то сразу погас. Словно что-то сгорело в этом вечнодействующем человеческом вулкане, остыло и заледенело. Тихо, шепотом Гогла сказал мне:

— Неужели в науке или в природе нет ничего нового, что могло бы чудодейственно продлить творческую жизнь пожилого человека?

В глазах его сверкали алмазные искорки. Напрягшись и затаив дыхание, он ждал моего ответа.

Кто мог осудить Гоглу за беспредельную жажду жизни и творчества?! И я поклялся всеми богами поэту, что такое чудо скоро свершится: человек будет жить на земле вдвое дольше...

Гогла знал цену своему творчеству, но ему все казалось, что он успел сделать лишь самую малую долю того большого дела, которое никогда не давало ему покоя, жгло сердце. Он ведь был сыном своей земли, любил ее страстно, самозабвенно, и интересовало его абсолютно все, чем жила сегодня его отчизна.

Рассказ Гоглы «Гвинджуа» был только-только опубликован, когда мы снова встретились в Академии наук.

— Ты долго работал в Кахети и, наверное, был знаком с Гвинджуа, — сказал он мне при встрече. Он испытывал меня. Не думал, что я уже прочел его рассказ, и очень обрадовался, когда я сразу отрезал:

94736320
202-000033

— Гвинджуа — это ты сам...

Он ответил мне, смеясь:

— Если я Гвинджуа, то ты Таха¹, давай породнимся. Ты моложе меня, хочешь, я подожду и с околицы мы вместе вернемся, чтоб испить последнюю задрывную чашу — всесвятскую! Видишь, какой путь преодолел Гвинджуа ради одного-единственного гостя, какие перенес тяготы! Подумать только, сколько нам еще предстоит высказаться!

Ему было мало целого войска написанных превосходных стихов, мало было прожитой жизни, всенародное признание не давало ему права успокоиться. Удивительна была тяга Гоглы к жизни, к солнцу. Но как я понимал его!..

Я снова обнадежил дорогого друга: если наука не найдет тропку к омоложению, она все-таки облегчит дорогу человеку, чтоб с заходом солнца ему не было холодно...

Он не сказал тогда ничего, лишь поднял на меня свои светлые глаза, и я прочел в них все, что он мог сказать мне. Ведь Гогла, как и его герой Гвинджуа, был плоть от плоти земли грузинской, верил в то, во что верует крестьянин, и искренне сожалел, что придет время и он навсегда оставит «бога предвечного, солнце в небе, щедрую землю — лоно ее неиссякаемое, колосющиеся нивы, матушку-лозу, урожай садовника, хребет воловий, колыбель резную, мельничный жернов, кукурузный початок, барана с витыми рогами, дары полей, шелковичного червя, ветроногого коня, дедовский плуг и меч предков...».

За несколько месяцев до того, как ушел от нас этот человецище, крепкий, словно кражистый дуб, я встретил его на проспекте Руставели. Он шел с грудой книг под мышкой. Мы поговорили, пошутили, потом разошлись. Я посмотрел Гогле вслед. Неожиданно он остановился, повернулся ко мне и выкрикнул:

— Слушай-ка, имеретинец! Ты не сомневайся! Чтоб выпить всесвятскую, я еще вернусь!

¹ Герои рассказа Г. Леонидзе «Гвинджуа», на русском языке опубликован под названием «Тамара».

„УВИДЕТЬ СРАЗУ ВСЮ ЭТУ КРАСОТУ...“

В ЭПОХУ всевозрастающих экономических, научных и культурных контактов между странами с различным политическим и социальным строем возрос и интерес советских людей ко всему тому, что об этих странах пишется, передается и показывается. Поэтому все большее значение приобретают выходящие у нас путевые заметки, посредством которых писатель может, пожалуй, с наибольшей отдачей внести свою лепту в ту неослабевающую идеологическую борьбу, которую ведет наша партия с идеологией стран капиталистического лагеря.

За последние годы читатель получил много интересных путевых очерков, написанных такими замечательными мастерами слова, как Григол Абашидзе, Ираклий Абашидзе, Даниил Гранин, Реваз Джапаридзе, Всеволод Овчинников, Хута Берулава, Виктор Конецкий, Сергей Чилая и другие. С чисто литературоведческой точки зрения в них наиболее полно раскрывается позиция писателя, его партийность, способность правильно оценивать политическую обстановку в описываемых странах, добираться до самой сути жизненных явлений.

Именно к таким произведениям относится вышедшая в минувшем году на грузинском языке в издательстве «Накадули» книга Гурама Панджикидзе «За тридцать земель», удостоенная премии Ленинского комсомола Грузии.

Книга эта содержит очерки, написанные в разные годы под впечатлением от путешествий по нашей стране и за рубежом. Она интересна, в первую очередь, своей социальной направленностью, непоколебимой убежденностью в преимуществе социалистического государственного строя, преисполнена гордости за дела советских людей. Автор книги хорошо разбирается в вопросах, касающихся экономики нашей страны. Ему далеко не безразлично ее развитие.

Какую часть территории Союза занимает Север? Сколько там населения? Какая стране от него польза? Пусть «освоение Севера связано с колоссальными затратами, которые долгое время не смогут принести прибыли», «недра его богаты, как сказочные кла-

ды» и «сегодня уже не время раздумывать». Приведенная в очерке статистика не обременяет текста, цифры становятся как бы выпуклыми. Подсчеты и размышления, чередуясь с великолепными описаниями природы Севера, приобретают особую выразительность и ложатся в памяти читателя с таким мощным зарядом эмоциональной нагрузки, какого не даст ни один учебник по экономической географии.

Здесь же надо отметить, что Г. Панджикидзе очень хорошо удалось передать возникшее во время путешествия и, очевидно, давно и сильно укоренившееся в нем чувство хозяина страны. Это чувство проникнуто такой искренней и деятельной заботой и так заразительно, что, несомненно, найдет благодатную почву среди многочисленных читателей книги.

Неизгладимые картины Севера, «созданные природой за гранью веков, которых еще не касалась рука и воля человеческая», «молчание, царящее на десятки тысяч квадратных километров», «несколько тысяч перепуганных вертолетным шумом и разбегающихся в разные стороны оленей», «вставший на задние лапы, ревущий и следующий за вертолетом медведь»... Все это характеризует Г. Панджикидзе и как художника, овладевшего нелегким искусством пейзажа. Но главное для автора книги — это люди, непокорные люди Севера, «борющиеся с природой», где посещение теплиц специально вносится в туристский маршрут, где «заботливо укутанные в целлофан помидоры не возмещают и пяти процентов затраченных средств и труда, но люди стараются приспособить к тусклому северному солнцу южные породы», где «на банкете, устроенном в честь писательской делегации, с такой гордостью было отмечено, что на столе — якутские помидоры».

Хорошо, что зарубежные очерки Гурама Панджикидзе и очерк, написанный в результате поездки на Север, включены в одну книгу, стоят рядом. Это создает ощущение единства мира в самом широком общечеловеческом понятии и вместе с тем дает возможность

ощутить разницу. И если в нашей стране существует в основном одна проблема — проблема борьбы человека с природой, его воздействие на нее в целях преобразования, то в капиталистических странах — это далеко не единственная проблема, требующая разрешения.

Описанием природы начинается и другой очерк под заглавием «Там, где жили Адам и Ева». Резкая смена северного пейзажа южным пейзажам пустыни — тоже композиционный прием. Но последний пейзаж — «с изюминкой». Вид раскаленного солнца и оазиса на фоне мертвой, безжизненной пустыни не нов, но у Г. Панджикидзе он наполнен действием, ожиданием и поэтично звучит свежо, по-новому:

«Через 15 минут мы будем в Дамаске, 15 минут! Вокруг не чувствуется ни единого признака жизни... И вдруг показался зеленый остров! Будто вся зеленая песчаного океана проросла на этом острове».

В очерке «Мексика с мячом и без мяча» очень интересно описаны картины бегущих стадионов во время корриды и футбольных матчей. Здесь же для воссоздания политической и социально-бытовой обстановки в странах Латинской Америки как нельзя кстати оказалась случайная встреча автора с бывшим министром внутренних дел Боливии Антонио Аргедасом, человеком, который передал дневники выдающегося латиноамериканского революционера Че Гевары Фиделю Кастро. Отсюда — ощущение достоверности описанной в очерке революционной борьбы боливийских партизан, ужасное убийство, совершенное агентом ЦРУ капитаном Феликсом Рамосом, и т. д.

Но Америка — это и «страна тысяч тайн», страна древних цивилизаций. Испепеленные солнцем пирамиды, обстановка таинственности и величия вызвали в авторе образы выкрашенных в глубокую краску жрецов, приносящих людей в жертву богам, породили картины огромного скопления народа в дни празднеств, чувство боли за умерщвленных безвинно людей и вместе с тем преклонение перед великим прошлым человечества.

Очерки Г. Панджикидзе отличаются правдивостью, жизненностью и достоверностью образов. Поэтому ему удается так легко и убедительно «ломать» в себе и в читателе традиционно сложившееся представление о той или иной стране или народе: «С детства об Англии и англичанах у меня было такое представление: Англия — страна тумана, англичане — очень высокомерные и холодные люди. Поэтому моему удивлению не было предела, ког-

да сквозь окна автобуса видел победительных и улыбающихся англичан. Они спрашивали, откуда мы. И после того как мы поближе познакомимся с англичанами, они оказались не такими уж холодными и недосыгаемыми. Наоборот, англичане — очень отзывчивые и внимательные».

Автор не устает удивляться и удивлять необычными жизненными ситуациями: «Я видел молящихся арабов на взлетных дорожках аэродромов, перед кинотеатром, на караульном посту и в магазине». Впечатление необычности еще более усиливается от великолепного подбора диаметрально противоположных понятий (в данном случае — место действия). Вот еще один пример: «Эти слова (слова молитвы) можно услышать везде: и в горах, и на улицах, в вестибюле аэропорта и в ресторане, на базаре и в пустыне».

Не упущены и детали народного быта, обычаев стран Ближнего Востока, где «в каждой арабской семье начинают накрывать на стол с того, что в первую очередь ставят полный кувшин ледяной воды». Не упущен и тот факт, что в «Сирии никто не ведет учет рождаемости и смертности арабов», что кувейтские нефтепромышленники купаются в золоте, что Пальмира — город, построенный римлянами в I в. до н. э., разграблен, и вывезенные отсюда памятники и статуи наполнили парижские, лондонские и стокгольмские музеи...

Ничто не остается незамеченным, ничто не скрыто — у автора одна цель: как можно больше увидеть и как можно больше передать читателю.

И как у всех советских писателей, у Г. Панджикидзе непреодолимое желание увидеть больше хорошего, чем плохого. «Страшная жара, но я уже взялся за подъем по отлогой стене пирамиды. У меня одно желание, поскорее увидеть все это сверху... Краешком глаза смотрю вниз, но отвожу взгляд... Горю нетерпением подняться на самый верх, где расположен жертвенник пирамиды, и отсюда сразу увидеть всю эту красоту».

Главное достоинство книги — высокая идейность. Автору удалось придать пластические художественные формы документальному материалу. И можно с полным правом сказать, что книга Г. Панджикидзе «За тридцать земель» является еще одним шагом вперед по пути художественного познания действительности. Поэтому хочется надеяться, что она вскоре будет переведена на русский язык и станет достоянием широкого всеозного читателя.

Иосиф КУМСИШВИЛИ

Сдано в набор 2 сентября 1976 года. Подписано к печати 13 октября 1976 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108^{1/8}.

Зак. № 3024

Тираж 5.700

УЭ 05983

26-1976.

76-720

ბიბლიოთეკის
სტამბა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ. ცკ-ის გამომცემლობა.